

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2017 – 2 (296)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2017**

***Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем***

Редакционная коллегия:

В.С. Мирзаханов – д-р ист. наук, профессор, шеф-редактор.

Е.Л. Дмитриева – главный редактор, В.К. Белозёров – д-р полит. наук, О.П. Бибикина – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, А.В. Гордон – д-р ист. наук, Ш.Р. Кашаф, Д.Б. Малышева – д-р полит. наук, А.В. Малащенко – д-р ист. наук, А.Ш. Ниязи – канд. ист. наук, зам. главного редактора, В.Н. Сченснович – отв. секретарь.

Ответственные за выпуск бюллетеня на английском языке:
Е.С. Хазанов – отв. редактор, Н.В. Гинесина – вед. редактор.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобальных и региональных проблем. – М., 2017. – № 2 (296). – 152 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

*Издано при поддержке Российского фонда содействия
образованию и науке*

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

- А. Фирсов.* Особенности поддержания политической стабильности в современной России..... 5
- Ш. Сулейманова.* Политический дискурс ислама в XXI веке 17

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

- А. Гасаналиев, З. Абачараева.* Проблема легитимного регулирования исламского банкинга на территории Российской Федерации 25
- О. Сеньюткина.* Мечети Поволжья в социальных процессах современной России 34
- А. Ваисов.* Социально-экономическое положение населения Хорезмской области Узбекистана 43
- Д. Мальцев.* Исторические мифы стран Средней Азии 48

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

- К. Азимов.* Кто стоит за попыткой переворота в Турции?..... 81
- А. Яковлев.* Власть и насилие в Саудовской Аравии: Эволюция целей и методов в начале XXI в..... 91
- А. Вавилов.* Мигрантский «потоп» в Европе..... 112

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>И. Добаев.</i> «ДАИШ»: Идеология, структура, политическая практика, каналы финансирования	128
<i>А. Буттаева.</i> Актуально, комплексно и основательно о религиозно-политическом экстремизме в современной России. (Рецензия на монографию «Религиозно-политический экстремизм: Сущность, причины, формы проявления, пути преодоления»).....	139
<i>К. Шермухамедов.</i> Осуждение религиозного фанатизма в исламе.....	146

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

А. Фирсов,

эксперт ОСОО «Российская нация»

ОСОБЕННОСТИ ПОДДЕРЖАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемные моменты и перспективные механизмы поддержания политической стабильности в условиях современной России. Особое внимание уделено противодействию «цветным революциям» и т.п. технологиям дестабилизации политических режимов.

Ключевые слова: современная Россия, политическая стабильность, «цветные революции», национальные интересы и приоритеты.

Если обратиться к опыту Российской империи и Советского Союза, то можно увидеть следующую тенденцию: до тех пор пока государство жестко держало контроль над внутривнутриполитической ситуацией в своих руках – будь то тайная политическая полиция царского режима или НКВД в советское время, – в стране наблюдалась относительная политическая стабильность, которая, правда, при все большем ужесточении мер государственного контроля над инакомыслящими все быстрее трансформировалась в стагнацию политической системы. Далее следовали короткие периоды полуберальных реформ, в результате которых наступала тотальная дестабилизация и окончательный крах правящего режима как в случае царской России, так и в случае распада СССР. При этом при попытке власти перейти на адаптационную модель происходил слом всей политической системы. На наш взгляд, именно данный опыт показывает, что невозможен резкий переход от консер-

вативной модели суггестивного характера к модели адаптационной, характерной для либеральной демократии.

При этом закономерно возникает вопрос: в какой степени государство может обеспечить политическую стабильность системы при обратном переходе – от адаптационной модели к консервативной? Вызывает ли ужесточение государственного контроля над политической сферой с целью обеспечения национальной безопасности соответствующий всплеск протестной активности, и если да, то при каких условиях можно избежать такого роста протестной активности? Если конкретизировать данный вопрос, то можно сформулировать его следующим образом: при каком типе взаимоотношений между обществом и государством возможен безболезненный переход от адаптационной модели обеспечения стабильности политической системы к консервативной?

Если рассмотреть примеры протестной активности в США, в частности конфликт в связи с убийством полицейским подростка афроамериканского происхождения (Бостон, Нью-Йорк, 2015 г.), то можно говорить о том, что чем более укоренена адаптационная модель и либерально-демократический, диалоговый тип взаимоотношений между властью и обществом, тем большее возмущение и протестную активность вызывает попытка государства «навести порядок» традиционными силовыми методами. Примерно та же ситуация сложилась в ведущих странах ЕС и Великобритании (протестная активность против ввода немецких войск в Афганистан по 4-й статье Вашингтонского договора, в Великобритании – по тому же поводу и т.д.). Таким образом, можно заключить, что чем более зрелым является институт гражданского общества (при наличии правозащитных, неправительственных и общественных структур), тем сложнее и болезненнее для политической системы является переход от адаптационной модели к консервативной. Соответственно, в странах, где гражданское общество еще слабо или же находится только в зачаточной стадии своего формирования, государству проще в ответ на внешние и внутренние вызовы реагировать в рамках консервативной модели.

Также, особенно применительно к российской практике, следует учитывать и общий уровень политической культуры населения, политической и правовой грамотности, а также национальные социокультурные особенности. Если рассматривать примеры царской и советской России, а также современной политической ситуации, то можно с уверенностью говорить о том, что в основе легитимности власти, самой ее природы в российской политиче-

ской практике лежит глубинная традиция – персонифицированное восприятие власти обществом. Многие исследователи убеждены, что российскому народу испокон веков требуется сильный политический лидер, который прямо ассоциируется с самим государством, причем карательные функции государства и жесткий контроль над инакомыслием внутри страны воспринимаются как единственно верный вариант управления и отождествляются с политически стабильным государством¹. Однако репрессии и стабильность – далеко не тождественные понятия, и требуется немалое искусство управления государством, чтобы найти ту тонкую грань, которая отделяет контроль над политической ситуацией от тоталитарного политического режима. Следовательно, именно на государство ложится вся ответственность по определению тех угроз и вызовов, которые действительно могут угрожать политической стабильности. В данном контексте ярким примером, на наш взгляд, служат «перегибы» советского времени, когда применялись меры, асимметричные угрозам, приводя к высоким социальным издержкам (коллективизация, раскулачивание, партийные чистки и т.п.).

В настоящее время российская власть явно стремится соблюсти баланс между контролем и «ручным» управлением, о чем свидетельствует, в частности, публичное выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина в формате «прямой линии» 14 апреля 2016 г. Так, глава государства на заданный И. Хакамадой вопрос о том, насколько политическим можно считать убийство Б.Н. Немцова, ответил полностью нейтрально и ввел данный вопрос в формальное поле следственного разбирательства. При этом по поводу оппозиции президент отметил, что все граждане, проживающие в России, имеют право на собственное мнение по поводу тех или иных действий власти, однако и власть также хочет быть услышанной. Далее президент заверил, что на государственном уровне будет сделано все необходимое для обеспечения национальной безопасности перед лицом потенциальных внешних угроз².

В данном случае ответ главы государства можно считать безупречным образцом политической риторики, причем никакого

¹ Подробно см.: Федякин А.В. Справедливое и сильное государство в образе России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2009. – № 3. – С. 28–36.

² См.: <http://moskva-putinu.ru/#page/main>

прямого осуждения либерально мыслящих людей президент не выражал. Тем не менее либеральное экспертное сообщество постоянно ощущает себя притесненным и обиженным в силу того, что власть следует собственным принципам и своему пониманию политических процессов, происходящих в настоящее время в России. Следует также добавить, что развитое гражданское общество в России на данный момент не сформировано и в силу особенностей национального менталитета, что дает широкие возможности с точки зрения применения силовых мер по обеспечению национальной безопасности в стране.

Своевременное реагирование на возникающие социально-экономические трудности в таком контексте вполне удовлетворяет интересам российского общества, которое вовсе не стремится ни к протестным действиям, ни к активному выражению политических позиций. Более того, российскому обществу испокон веков более комфортно строить отношения с государством на основе подчинения, а не диалога.

Как только государство (будь то царская власть или советская) пытается наладить такой диалог с помощью создания новых каналов и институтов двусторонней коммуникации, ситуация в стране сразу же выходит из-под контроля, поскольку дремлющие экстремистские силы расценивают такие шаги как слабость государства и начинают проявлять активность по завоеванию власти (собственно, именно так к власти пришли большевики).

Опыт стран, переживших «цветные революции», показывает, что они либо не способствовали переходу государств на новый этап политического развития, консервируя в них выгодный пришедшим к власти силам порядок и не решая внутренние конфликты (Грузия, Украина, Киргизия), либо стали шагом к территориальной дезинтеграции (Югославия). Опыт Украины 2013–2014 гг. показал, что при слабости политической системы в целом и отсутствии политической воли правящей элиты государство становится чрезвычайно уязвимым для внешних проникновений и воздействий. В частности, «Майдан» оказался организованной и спланированной акцией со стороны польского фонда «За демократию», руководство которым осуществлялось через посла Польши в Украине. До сих пор в стране нет ни стабильности, ни фактически государственности, поскольку в состоянии гражданской войны не приходится говорить о государстве как целостном политическом образовании.

С учетом таких критериев можно выявить основополагающий принцип обеспечения национальной безопасности – система мер и институтов, обеспечивающих неуязвимость государства по отношению к внешним и внутренним дестабилизирующим воздействиям, приводящим к разрушению государственности.

В истории Российского государства с момента его образования национальная безопасность рассматривалась в качестве системы гарантий территориальной целостности, суверенитета и национальных интересов¹, основываясь на силовых методах обеспечения политической стабильности. Однако в современном мире возникли новые, подчас непредсказуемые факторы дестабилизации. К ним, в частности, можно отнести проблему так называемых «цветных революций» и технологии их дистанционного проведения.

Если рассматривать само понятие «цветная революция», возникшее в политической науке сравнительно недавно (с 2005 г.), то под ним обычно подразумеваются технологии реализации государственных переворотов с последующим внешним управлением политической ситуацией в стране в рамках искусственно созданной политической нестабильности. При этом внешнее давление на власть осуществляется путем политического шантажа при широком задействовании протестного потенциала молодежного движения.

По мнению большинства исследователей данной проблематики, все «цветные революции» строятся по одной генеральной схеме, вне зависимости от геополитического статуса, реальной социально-экономической ситуации в стране и ее международных связей. «Цветные революции» осуществляются по единому шаблону молодежного протестного движения при манипуляции массовым и групповым сознанием для последующей трансформации протестующих масс в толпу. Затем данная сила используется против действующих властей как инструмент политического шантажа.

Отметим, что уже в самой природе возникновения «цветных революций» нет ни единого намека на реальную аккумуляцию или агрегацию, артикуляцию реально существующих политических интересов граждан. Соответственно, можно сделать вывод о том, что «цветная революция» не есть ответ на накопившиеся социально-экономические и общественно-политические трудности и тем

¹ См.: Федякин А.В. Реализация национальных интересов как стратегический приоритет современной российской политики // Вестник Российской нации. – 2014. – № 6. – С. 110–132.

более не является решением таковых. У творцов «цветных революций» совершенно иные цели и задачи – ввергнуть политическую систему в хаос, разрушить сами основы государственности, стравив, по сути, крупные слои населения между собой и с властью. Этот факт доказывает, что «цветные революции» прямо противоречат условиям обеспечения национальных интересов и целостности государства. Разумеется, в ходе подготовки к осуществлению таких революций используется метод точечного воздействия, о котором упоминалось выше, однако такие «болевые» для общества вопросы поднимаются только в качестве приманки и детонатора протестной активности. Следует также заметить особо, что используется именно молодежная протестная активность, причем, на наш взгляд, по следующим причинам:

1) у большинства молодежи еще нет сформированного политического мировоззрения, и оно подвижно и легко подвергается манипуляциям;

2) молодежь является наиболее «легким на подъем» социальным слоем общества, поскольку ей проще оторваться от повседневных дел и сходить на митинг (особенно если такое участие щедро оплачивается, как это имело место на Майдане, когда молодые люди получали за свое физическое присутствие в палаточном лагере 3,5 тыс. гривен в сутки из средств польского фонда «За демократию», что составляло довольно большую сумму в Украине на тот момент);

3) особенность восприятия молодежью любых массовых акций как некоего своеобразного развлечения, «тусовки»; причем такое отношение отметили аналитики в момент «Майдана», и оно характеризует состояние сознания современной молодежи, привыкшей развлекаться, не задумываясь о последствиях;

4) молодежь, по крайней мере ее определенная часть, воспринимает участие в таких акциях как способ самореализации и самовыдвижения, причем в головах таких новоявленных «лидеров» царит, как правило, совершенный сумбур и неразбериха относительно тех политических требований, которые они пытаются предъявить действующей власти. На наш взгляд, именно в этих особенностях группового сознания молодежи кроется ключ к ответу на вопрос, почему именно молодежное протестное движение используется в качестве детонатора для подрыва национальной безопасности в стране.

Общая цель любой «цветной революции» заключается в осуществлении государственного переворота, захвата и удержа-

ния власти насильственным путем. Следовательно, объектом «цветной революции» является не лоббирование интересов конкретной социальной группы или населения в целом, а непосредственно власть, причем предметом «цветной революции» в таком случае является именно политический режим, на свержение которого и направлены в конечном счете все действия.

Как полагают некоторые исследователи, «цветные революции» должны иметь следующие условия для успешной реализации, причем первым из таких условий выделяется «политическая нестабильность в стране»¹. Естественно, на наш взгляд, задаться вопросом: следует ли рассматривать сами технологии проведения «цветных революций» как фактор дестабилизации или же они являются только катализатором внутренних процессов? Как было отмечено выше, «цветная революция» не преследует реализацию интересов общества или отдельных общественных групп, следовательно, не может быть связана напрямую с теми процессами, которые происходят в обществе. Основной задачей при противодействии «цветным революциям», на наш взгляд, должно стать верное понимание причинно-следственной связи: мы расцениваем «цветную революцию» либо как саму причину дестабилизации политической системы, либо как лишь «дополнительную» угрозу при уже существующей политической нестабильности в стране. Значит ли это, что в государстве, которое не проявляет симптомов политической нестабильности, возможна успешная реализация «цветных революций», или же сами по себе такие технологические воздействия извне способны приводить к дестабилизации и коллапсу политической системы? На наш взгляд, все же последний вариант оценки более верный, поскольку на примере многих стран, переживших «цветные революции» 2000-х годов, очевидно, что даже при отсутствии сколько-нибудь серьезных политических проблем режимы не смогли справиться с натиском протестной активности, сформированной извне (пример тому составляют Афганистан и Сирия). Следовательно, современному государству для защиты собственных национальных интересов и для обеспечения национальной безопасности необходимо в большей степени ориентироваться на предотвращение воздействия внешних дестабилизирующих факторов.

¹ Манойло А.В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // NB: Международные отношения. – 2015. – № 1. – С. 1–19.

В качестве благоприятных условий для реализации «цветных революций» исследователи также выделяют существование «специально организованного (по особой сетевой форме) молодежного протестного движения»¹. Если попытаться расшифровать данный тезис, то возникает сразу два ключевых вопроса: в либерально-демократической системе перед государством до сих пор не ставились задачи по нейтрализации или запрету сетевой активности, поэтому данный дестабилизирующий фактор мог бы не войти в поле специального внимания государства, однако в тех странах, в которых «цветные революции» были осуществлены на практике, не было либеральной демократии, а наличествовали режимы авторитарного типа. Почему же тогда такого рода сетевая активность не была пресечена или же искоренена в рамках авторитарного режима и консервативной модели реагирования на угрозы в превентивном порядке? Вероятно, ответ кроется в «эффекте неожиданности», когда страны-жертвы даже не подозревали о наличии такого рода угроз.

Еще одной отличительной чертой «цветной революции» является, на наш взгляд, полное отсутствие собственно революционной идеологии протестующих масс. Это связано именно с тем, что англосаксонские политтехнологи практически всегда игнорируют специфику менталитета (равно как и далеко идущие последствия) в той стране, в которой проводится «цветная революция». Так случилось в Афганистане, когда на пост президента был водружен нелегитимный для большинства населения лидер Х. Карзай (в 2014 г. смененный другим беспартийным деятелем А.Г. Ахмадзаем), который, являясь таджиком по происхождению, принадлежал к этническому меньшинству в стране (таджики и пуштуны – два основных народа на территории Афганистана, причем прямо противоположные по способу хозяйствования: первые ведут оседлый образ жизни, вторые – являются кочевниками и составляют большинство населения в стране, причем принадлежат к движению «Талибан»). То есть в итоге переворота англосаксам пришлось вести затяжную партизанскую войну против большинства населения страны).

Именно отсутствие четко сформулированной политической революционной идеологии и позволяет провести коренное отличие «цветной революции» от революции классического образца.

¹ Манойло А.В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // NB: Международные отношения. – 2015. – № 1. – С. 1–19.

В данном контексте англосаксонским политтехнологам было бы крайне сложно организовать протестную активность с масштабной мобилизацией масс именно в силу того, что большая часть населения России привыкла к четким идеологическим установкам в протестных действиях. В этой связи представляется также необходимым формирование единой государственной политической идеологии и формирование национальной массовой культуры с тем, чтобы идеологические государственные установки являлись приоритетными по отношению к прочим внешним воздействиям на массовое сознание.

Интересен тот факт, что сам по себе сетевой принцип организации протестного движения при проведении «цветных революций» схож с принципами организации глобальных террористических сетей. Причем такая сеть выходит на улицы городов одновременно по условному сигналу, который принято называть «инцидентом». Последним может стать абсолютно любое событие, которое так или иначе шокирует общество и получает мощный общественный резонанс. И «инцидент» может и не иметь отношения к общественно-политической реальности в стране, поскольку в рамках «цветной революции» его могут инициировать намеренно.

Однако современному Российскому государству следует учитывать, что с течением времени технологии проведения «цветных революций» совершенствуются, что доказывает пример так называемой «арабской весны». В частности, в этих революциях появились новые структурные и технологические компоненты, которые отличают их от предшествовавшего опыта в Центральной Азии, в Украине, Грузии и «Зеленой революции» в Иране в 2009 г.

Дело в том, что схема реализации государственного переворота англосаксонскими технологами была дополнена механизмами обратной связи, а также «управляемого хаоса», которые дают возможность организаторам дестабилизации управлять этим процессом не только в рамках конкретной страны (Украина или Грузия), но также в региональном масштабе (Ближний Восток, Северная Африка, Центральная Азия).

Трагические события в Украине, начавшиеся в 2013 г. и переросшие в гражданскую войну, также можно трактовать как искусственно созданную «цветную революцию», поскольку вся схема событий является точным, шаблонным повторением египетского сценария. Более того, затягивание мирного урегулирования властями Киева также не случайно – требуется довести дело до логического конца, создать «безвыходную» ситуацию военного

противостояния и призвать «на помощь» иностранные силы (президент П. Порошенко уже неоднократно обращался с просьбами к Генсеку НАТО о вводе контингента натовских войск для «наведения порядка»). Задача киевской власти – открыть дорогу военной иностранной интервенции на территорию Украины, и единственным препятствием к этому пока является жесткая позиция России и ее поддержка Восточной Украины в деле освобождения страны от продажной киевской власти.

Если рассматривать возможную систему мер по предотвращению «цветной революции» в России, то при перечислении данных методов уже можно увидеть, что все они, так или иначе, используются на государственном уровне.

Так, основной принцип противодействия искусственному созданию протестной активности в молодежной среде – своевременное выявление и перекрытие каналов финансирования таких движений (ужесточение контроля над частными фондами, неправительственными и так называемыми «правозащитными» организациями). Далее следует метод создания «клапанов для выпуска пара» при привлечении к государственно-организованным молодежным движениям, который успешно используется российской властью путем создания «молодежных парламентов», молодежных движений по типу движения «НАШИ» и т.п., а также вовлечение молодежи от 18 до 35 лет в деятельность общественных организаций проправительственного характера. «НАШИ», «Молодая Гвардия Единой России», «Россия Молодая», «Местные» и другие организации, появившиеся почти сразу после Евромайдана 2004 г., на протяжении многих лет показывали серьезный потенциал по привлечению людей на провластные политические акции. В выборный период тысячи проправительственных активистов занимали главные площади страны, не давая это сделать представителям несистемной оппозиции. Выходцы из молодежных движений попадали на работу в палату и т.п., что, конечно же, способствовало притоку сторонников и мотивировало активистов молодежных объединений.

С середины 2000-х годов Федеральное агентство по делам молодежи проводит образовательные форумы, в которых участвуют десятки тысяч молодых людей со всей страны. Образовательная программа построена таким образом, чтобы посетивший форум проникся идеями и начинаниями действующей в стране власти. Помимо лекций и семинаров на молодежных платформах, таких как «Территория смыслов», «Таврида» и т.д., молодые люди

получают шанс выиграть грант на реализацию своих проектов. Таким образом, большинство активных людей, посетивших образовательные форумы Федерального агентства по делам молодежи, с большой вероятностью останутся в фарватере Кремля.

Последнее время организацией форумов для молодых и активных занимается не только Росмолодежь, но и соответствующие структуры в регионах, например форум «Наше Подмосковье», который уже не один год организует Правительство Московской области. Если раньше в стране проходил только «Всероссийский образовательный форум Селигер» в Тверской области, то сейчас география таких мероприятий намного обширнее: форумы «Ладoga» в Ленинградской области, «Балтийский Артек» в поселке Приморье Калининградской области, «Машук-2016» в Пятигорске, «Ростов» в Ростове-на-Дону, «Таврида» в Крыму, «Территория смыслов» во Владимирской области и т.д.

Следует, однако, отметить и те аспекты российской политической действительности, которые создают потенциальную уязвимость для технологий «цветных революций»:

1) отсутствие четко сформулированной государственной идеологии и «конечной цели» общественно-политического развития, нестабильность приоритетов текущего политического курса;

2) отсутствие диверсификации экспорта по товарному ряду (поскольку под диверсификацией экспорта имеется в виду расширение ассортимента товаров и услуг, которые государство готово предоставлять на внешних рынках, а не только разветвление нефте- и газопроводов на различных направлениях), зависимость от зарубежных технологий и промышленной продукции (в том числе в области станко- и приборостроения, энергетического машиностроения, производства оборудования для освоения месторождений и арктического шельфа), что делает национальную экономику чрезвычайно уязвимой для внешних воздействий и перепадов спроса на рынке энергоресурсов;

3) отсутствие специального органа по мониторингу социальной сетевой активности в Интернете, а также несовершенство законодательства в сфере интернет-регулирования;

4) отсутствие межведомственного взаимодействия на основе четко разработанной концепции и стратегии поддержания политической стабильности;

5) сохраняющееся засилье проамериканской и в целом прозападной массовой культуры в СМИ, осуществляющих свою деятельность и вещание на территории Российской Федерации. Также

нет в достаточной степени проработанного контроля над деятельностью некоммерческих организаций, совместных коммерческих предприятий, НКО и правозащитных движений в плане контроля их источников финансирования.

В целом же можно сделать следующие выводы. В условиях современных российских политических реалий проведение «цветных революций» по англосаксонской схеме маловероятно в силу отсутствия необходимых для такого проникновения «лакун» в государственной политике. При этом осуществление мер по обеспечению политической стабильности реализуется в России на основе адаптивной модели с элементами консервативного подхода к пресечению наиболее серьезных угроз национальной безопасности. Также резкий переход от адаптивной модели к консервативной сам по себе может привести к социальным волнениям, в силу чего государство действует умеренно и осторожно в направлении ужесточения контроля над внешними факторами дестабилизации.

Литература

1. Карпович О.Г., Манойло А.В. Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов. – М.: ЮнитиДана; Закон и право, 2015.
2. Манойло А.В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // *Вестник международных отношений*. – 2015. – № 1. – С. 1–19.
3. Федякин А.В. Реализация национальных интересов как стратегический приоритет современной российской политики // *Вестник Российской нации*. – 2014. – № 6. – С. 110–132.
4. Федякин А.В. Справедливое и сильное государство в образе России // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. – 2009. – № 3. – С. 28–36.

*«Вестник Российской нации»,
М., 2016 г., № 5, с. 224–235.*

Ш. Сулейманова,

доктор политических наук,
профессор кафедры общественных связей
и медиаполитики факультета журналистики
Института государственной службы и управления,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ИСЛАМА В XXI ВЕКЕ

Актуализация социокультурных различий на современном этапе акцентировала значимость религиозного фактора в политике. Религия одновременно выступает для различных политических стратегий в качестве легитимирующего основания. Повышение значимости как субъектов политического процесса, религиозных и квазирелигиозных организаций и включение религиозных интенций в публичную политику, мультиплицирование крайних форм поведения демонстрируют видоизменение традиционной системы угроз, дестабилизирующих социально-политическую ситуацию.

Различные политические акторы используют религиозный фактор как ресурс для достижения политических целей, а также и в политической риторике, в различных значениях предопределяя и диверсификацию деятельности политических субъектов. Возможность использования понятия «религиозный экстремизм» предстает в данном контексте как одна из форм экстремистской деятельности, содержание которой всегда направлено на достижение господства одних субъектов над другими.

Инокультурные интервенции религиозности, существующие в различных формах, выступают как фактор радикализации и политизации религии, которая как наиболее древний, консервативный и устойчивый элемент культуры призвана выполнять в обществе функцию, направленную на охрану традиционных ценностей. В России сегодня явления религиозного экстремизма в значительной мере являются результатом целенаправленного воздействия антироссийских сил на существующие духовные устои российского общества.

Культурно-цивилизационная специфика России, многовековые традиции мирного сосуществования различных религий составляют одно из главных препятствий к распространению религиозного экстремизма.

Однако следует отметить, что росту межрелигиозной напряженности способствует отсутствие четко выраженной политики, в том числе и государственной, в ходе освещения религиозных отношений в СМИ.

Потенциал СМИ используется разными политическими акторами разнонаправленно, что предполагает возможность как конструктивного, так и дестабилизирующего воздействия. Основными каналами распространения идей экстремизма в современной России остаются традиционные печатные издания, религиозно-пропагандистская книжная продукция.

Интенсификации интеллектуально-религиозной рефлексии, по мнению Ш.Р. Кашафа, усиленно способствует отчетливо обозначившийся в российском обществе консервативно-традиционалистский поворот. И представители традиционных российских конфессий не преминули использовать открывшиеся для них дополнительные возможности артикуляции в публичном пространстве результатов собственных духовно-нравственных, социально-культурных и интеллектуальных исканий¹.

С использованием СМИ и интернет-ресурсов упрощается распространение идей экстремизма, что дает практически неограниченные возможности для распространения экстремистских идей и лозунгов разными политическими субъектами. Нерешенность вопроса о разграничении в политическом пространстве современной России религиозного и светского и определении границ их применимости лежит в основании отсутствия четкого вектора в использовании СМИ, а также проводимой ими политики.

Средства массовой информации, взятые как целое, являясь важной составной частью массовой коммуникации общества, играют различные социально-политические роли, те или иные из которых в зависимости от социально-политической ситуации приобретают особую общественную значимость. Это могут быть роли объединителя, консолидатора общества, его просветителя, организатора. В кризисные периоды исторического развития особую значимость средства массовой информации приобретают в качестве посредника в диалоге между различными силами, между властью и народом. При этом сущность их деятельности – объективное и многогранное информирование общества – приобретает особую

¹ См.: Кашаф Ш.Р. Вызовы национальной идентичности: Мусульманский ответ, российский случай // Власть. – 2015. – № 4. – С. 109.

социальную значимость, учитывая многонациональный и многоконфессиональный состав нашей страны¹.

На основании ст. 14 Конституции Российской Федерации 1993 г. и Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г. Российское государство на правовом уровне позиционирует себя как светское². Однако отметим, что в сфере реальной политики в подходе к модели отношения между государством и религиозными объединениями существует неопределенность.

В наличии многозначности подходов к определению содержания принципа светскости и признаков светского государства состоит сложность проблемы политико-правовой реализации принципа светскости государства, а также различных моделей взаимоотношений государства и религиозных организаций.

Следует отметить, что в поликонфессиональном российском обществе светская государственная власть может быть единственным гарантом агрегации общих интересов и нацеленности на поиск общественного консенсуса.

На религиозный экстремизм в России существует точка зрения как на составную часть и идеологическую оболочку политического и национально-этнического экстремизма, а не как на самостоятельный феномен. В интерпретации возникновения религиозного экстремизма в российской политике присутствует разнообразие мнений: от результата воздействия внешних антироссийских сил, включая использование разведывательных и подрывных служб иностранных государств, до внутренних причин: тяжелого социально-экономического положения, духовно-нравственного кризиса и т.д.

В общественном сознании россиян опасность религиозной экстремистской деятельности воспринимается с жизненными впечатлениями от событий социально-культурного и духовного развития России и под воздействием национального опыта прошлых поколений. В массовое сознание внедряются определенные взгляды при помощи целенаправленной пропагандистско-идеологической деятельности различных политических сил.

¹ См.: Сулейманова Ш.С. Журналистика между контролем и свободой // Коммуникология. – 2014. – Т. 8. – № 6. – С. 204.

² Конституция Российской Федерации 1993 года. Ст. 14. – <http://constitution.kremlin.ru/>

Такие силы стремятся навязать в ряде случаев собственное понимание проблемы религиозного экстремизма, заведомо, как правило, ангажированное.

Большинство граждан России в наибольшей степени в качестве потенциальных экстремистов воспринимают приверженцев ислама под воздействием военных конфликтов на Северном Кавказе и террористических актов в российских городах, связанных с адептами так называемого «радикального ислама».

Следует отметить и то, что в массовом сознании россиян по степени общественной опасности на первом месте представители деструктивных религиозных течений, как правило, зарубежного происхождения, в практической деятельности которых проявляются физическое и психологическое насилие, мошенничество. Однако приверженцы различных религий и мировоззрений в абсолютном большинстве не воспринимают иноверцев в качестве потенциальных экстремистов, что открывает путь к их конструктивному взаимодействию.

Межрелигиозный совет России принял инициированное ДУМ РФ заявление в связи с событиями на Ближнем Востоке и их освещением. Представители всех общин, входящих в Межрелигиозный совет России, обратились к средствам массовой информации с просьбой при освещении событий с участием представителей запрещенных террористических и экстремистских организаций сопровождать свои информационные материалы необходимым в таком случае упоминанием о факте действующего запрета. На наш взгляд, социально ответственные СМИ способны отличать организации религиозные от организаций, использующих религию для собственной легитимации и подвергающих геноциду тысячи невинных христиан, мусульман-суннитов и шиитов на территории Сирии и Ирака, что не может быть оправдано ни с какой религиозной точки зрения¹.

На территории современной России ислам насчитывает более чем 1400-летнюю историю. Мусульмане на протяжении всей российской истории рядом с православными христианами жили исключительно мирно, для нашего религиозного менталитета было характерно отсутствие религиозного радикализма – даже в условиях отсутствия нормальных условий для исповедания веры.

¹ Межрелигиозный совет России принял инициированное ДУМ РФ заявление в связи с событиями на Ближнем Востоке и их освещением. 27 марта 2015 г. – <http://www.dumrf.ru/common/event/9132>

Российские мусульмане всегда с честью исполняли свои гражданские обязанности, оставаясь приверженцами своей веры.

Сегодня мы живем в светском государстве, Конституция Российской Федерации гарантирует нам свободу вероисповедания, свободу частной жизни и общественной деятельности в соответствии с исламскими убеждениями. Следует отметить и то, что в России мусульмане имеют все возможности гораздо больше, чем во многих мусульманских странах, жить в соответствии с канонами ислама. Мы – россияне, и одновременно мы – часть мирового мусульманского сообщества.

В мусульманских странах для понимания положения современного мира проблемы образования носят ключевой характер. Страны зоны традиционного распространения ислама не только самые молодые, но и сохраняют серьезные проблемы в сфере образования и грамотности, а государства Западной Европы и США бросают им исторический вызов.

И для России, которая в силу истории и географического положения находится между христианским Западом и исламским Востоком, эти вопросы актуальны.

Беззащитными перед духовной агрессией новых религиозных движений делает людей отсутствие достаточных знаний вероучений своей религии и четкой мировоззренческой позиции. Со стороны новых религиозных движений миссионерство и прозелитизм широко используются как средство целенаправленной политики разрушения духовного пространства российской цивилизации антироссийскими силами. И направлена она против традиционных российских религий. Следовательно, это может вызывать, в свою очередь, ответное противодействие религиозного большинства, приобретая иногда крайние формы политического поведения.

В деятельности экстремистских организаций использование легальных политических тактик делает их более эффективными в долгосрочной перспективе. Действующие на территории России деструктивные религиозные организации получают от иностранных фондов, различных экстремистских центров значительную финансовую, методическую и информационную помощь и широко используют финансовые возможности «теневой» экономики.

Необходимо отметить и то, что отсутствие должной молодежной политики, обучение молодых граждан России в иностранных религиозных образовательных заведениях по учебным программам, которые не соответствуют традиционным религиоз-

ным конфессиям, делают уязвимой политику противодействия религиозному экстремизму.

На основе сравнительного анализа общественно-политической ситуации в определенных регионах страны видно, что политические импликации религиозных отношений напрямую зависят от деятельности институтов государственной власти. От уровня доверия населения к деятельности органов государственной власти зависит эффективность политики противодействия религиозному экстремизму. Деятельность деструктивных религиозных организаций радикального толка представляется более опасной в политических и духовных проекциях, прежде всего нетрадиционных религиозных движений.

Как отмечает Ш.Р. Кашаф, сегодня РПЦ, занимающая доминирующее положение среди других российских институционализированных конфессий, все больше и больше входит в политический процесс на положении субъекта политического целенаправленного, гораздо отчетливее и масштабнее иных артикулирует свою позицию в публичной сфере.

Традиционный ислам в России, который не располагает жестко институционализированной иерархичной структурой, в последние годы тоже выражает свою обеспокоенность выявляющейся в крайне обостренной форме проблемой поиска путей сохранения собственной национальной, религиозной идентичности и традиционных социальных институтов. И голос лидеров мусульманского сообщества все чаще звучит в унисон с позицией православных иерархов¹.

Как отмечает Ф. Лукьянов, наиболее яростные адепты лет 20 назад предрекали, что глобализация не уничтожает государства, однако она делает их границы проницаемыми, а общества – подверженными самым разным импульсам и влияниям. Неконтролируемый обмен информацией, массовое перемещение людей – норма, и никакими мерами их не остановить. Это пугает граждан, которые начинают опасаться за свою идентичность в широком понимании – культурную, национальную, социальную. И в качестве гарантии сохранения или обретения идентичности зачастую выступают религии как стабильные явления, пережившие века².

¹ См.: Кашаф Ш.Р. Вызовы национальной идентичности: Мусульманский ответ, российский случай // Власть. – 2015. – № 4. – С. 110.

² См.: Лукьянов Ф. В поисках системы координат. [Электр. ресурс] Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2013/01/v-poiskah-sistemyi-koordinat/>

Современный Запад крайне секуляризован и в условиях размывания критериев и идентификаций не может опираться на традиционную религию, христианство. Самое главное ее место занимает либеральное понимание механизмов функционирования общества, когда святыней и догмой выступает свобода самовыражения. Она же ведет к столкновению с любыми формами традиционализма, будь то исламские, католические или православные. То есть водораздел проходит не между исламом и христианством, а между консервативной традицией и ее либеральным отрицанием. И каждая из сторон этого противостояния склонна вести себя все более напористо и догматично.

Своего рода отражением интересов определенных сил в мире, которые после периода «холодной войны» стремятся к обеспечению в мире лидирующего положения одной из мировых цивилизаций, является теория С. Хантингтона¹. Однако на современном этапе с учетом стоящих перед человечеством глобальных проблем, связанных с демографией, использованием ресурсов, экологией, наличием ядерного оружия, мир как никогда нуждается в единстве и сплоченности, совместных действиях всех народов и стран. И одностороннее стремление в такой обстановке одной или нескольких стран или отдельно взятой цивилизации к достижению мирового лидерства и навязыванию однополюсной мировой системы безусловно может привести к катастрофическим последствиям.

Ответом на предложенную С. Хантингтоном концепцию «Столкновения цивилизаций» можно считать теорию «Диалог цивилизаций» президента М. Хатами, которая соответствует глобальным реалиям современного мира. В нескольких своих выступлениях и в своей речи на 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН М. Хатами обратился к народам мира с предложением покончить с военной конфронтацией и насилием в мировой политике и войти в третье тысячелетие, приняв концепцию мирного, взаимообогащающего межцивилизационного диалога².

Следует согласиться с мнением М. Хатами, что интеграция исламского мира позволит обеспечить стабильное развитие как самих мусульманских стран, так и мира в целом. Если к существ-

¹ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. – 1994. – № 1. – С. 33–48.

² См.: Хатами М. В человеке сосредоточены душа Востока и разум Запада / Сб. статей и выступлений. – М., 2001.

вующим узам религиозной общности, духовного родства и общего культурного наследия мусульманских стран прибавить взаимодействие и обмен в научной, экономической, политической и культурной сферах, все это, вместе взятое, несомненно даст необходимые материальные и духовные предпосылки и опору для создания прогрессивного, устойчиво развивающегося и стабильного общества и обеспечит всем мусульманским странам развитие и безопасность¹.

Целесообразным для выстраивания эффективной политики в качестве отправной точки представляется точная экспликация понятий, не допускающая разночтений и возможности вариативного исполнения.

Необходимо активное использование потенциала СМИ при реализации государственной политики, направленной на нейтрализацию отрицательных факторов, воздействующих на духовное развитие общества. В особенности это касается электронных информационных сетей и потенциала традиционных религий, следовательно, важно наличие четкой ориентации сотрудничества институтов государственной власти со всеми институционализированными российскими конфессиями, на которых должна быть возложена социальная ответственность за верующих совместно с государством.

*«II Бигиевские чтения – 2015.
Мусульманская мысль в XXI веке: Единство традиции
и обновления: Материалы II Международной научно-
образовательной конференции,
г. Санкт-Петербург, 17–20 мая 2015 г.»,
М., 2016 г., с. 243–250.*

¹ См.: Хатами М. Ислам, диалог и гражданское общество. – М.: РОССПЭН, 2001. – 242 с.

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

А. Гасаналиев, З. Абачараева

(Дагестанский государственный университет)

ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСЛАМСКОГО БАНКИНГА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме становления и развития исламского банкинга на территории Российской Федерации, которая приобрела на сегодняшний день особую актуальность в связи с общественно-политической и экономической ситуацией, санкциями, направленными против Российской Федерации рядом государств. При написании статьи использовались различные методы исследования: сравнительно-правовой, формально-юридический, логический и др. Целью статьи является раскрытие основных подходов к решению проблемы правового регулирования деятельности кредитных организаций, которые ведут ее, основываясь на правовых нормах ислама, а также предполагаемые пути ее решения. В статье автор характеризует исламский банкинг, основной особенностью которого является соответствие базовым принципам шариата, как альтернативу классическому (традиционному) банкингу. Выявлена и обоснована необходимость правового регулирования исламского банкинга. На основе проведенного исследования авторы предлагают ввести отдельное лицензирование кредитных организаций, ведущих свою деятельность в соответствии с нормами ислама, создать в рамках Банка России центральный шариатский совет, который будет определять соответствие операций банков принципам ислама. Формулируются основные выводы о внесении ряда корректив в законодательство Российской Федерации с целью становления и развития кредитных организаций, ведущих свою деятельность в соответствии с принципами исламского финансирования.

Ключевые слова: исламский банкинг, процент, отсутствие правового регулирования, рибха, шариатский совет, мушарака, мудараба, мурабаха, сукук, соблюдение шариата, опыт зарубежных стран.

Исламский банкинг можно охарактеризовать как альтернативу классическому (традиционному) банкингу. Основной особенностью данного направления банковской деятельности является соответствие базовым принципам шариата. Шариат – это закон жизни мусульманской общины [1, с. 97]. Согласно шариату, воспрещается инвестирование в предприятия, которые предоставляют товары или услуги, считающиеся запрещенными, такие как производство и реализация алкоголя, торговля оружием, деятельность букмекерских контор и т.д. Основопологающим отличием «исламского банкинга» от классического является запрет на выплату гарантированных процентов как за выдачу кредита, так и по вкладам, так называемая «риба». Рибa в переводе с арабского означает «приращение», т.е. надбавка к сумме основного долга, получаемая кредитором по представленным займам [2, с. 85]. Под «рибой» понимается любой процент по финансовым операциям, когда одна сторона получает доход за счет другой. Извлечение прибыли от финансово-экономической деятельности в исламе всегда должно быть связано с принятием на себя инвестиционного риска. Проценты по вкладу напрямую зависят от итогов деятельности банка, а выплаты по кредиту – от успешности реализации инвестиционного проекта, который финансируется за счет предоставления кредитов. Таким образом, фундаментальным аспектом исламского банкинга является сотрудничество между клиентом и банком. Предполагается, что банк выполняет агентские функции, аккумулируя средства клиентов, а затем инвестируя их. Иными словами, любая заблаговременно установленная процентная ставка, зависящая от сроков и величины займа и не зависящая от успешности инвестиций, именуется «рибой» и считается запретной.

Ислам одобряет извлечение дохода, но порицает использование процента в целях получения дохода. Социальная справедливость требует, чтобы заемщики и кредиторы получали вознаграждение или несли убытки на паритетных началах и чтобы процесс накопления и создания богатства отражал реальный вклад в экономическое развитие. Исламский банк имеет три основных разрешенных источника прибыли: банковские операции, основанные на принципах исламской экономики, операции на финансовых рынках и комиссионные операции.

Основными видами банковских операций, соответствующими принципам исламской модели финансирования, являются следующие виды банковских договоров.

Мудараба – договор, согласно которому владелец свободного капитала доверяет его лицу, способному продуктивно использовать его. *Мурабаха* (араб. «перепродажа») – договор купли-продажи товаров по заранее оговоренной стоимости, включающей прибыль от реализации товара. *Мушарака* (араб. «партнерство») – договор товарищества. Согласно договору мушарака, полученный доход делится между клиентом и банком в предварительно оговоренных долях. Потери распределяются пропорционально взносам.

Сукук – облигации, которые отвечают нормам шариата. В простейшей форме сукук представляет собой право собственности на актив или на пожизненное пользование активом и доходами от него. Сукук дает право не просто на долю в потоке наличных денежных средств, но и право собственности. Это отличает сукук от традиционных облигаций, поскольку последние являются просто процентными ценными бумагами, тогда как сукук – это, по сути, инвестиционные сертификаты, подтверждающие право на долю в поле активов [3, с. 124].

Вопрос легитимного регулирования исламского банкинга возник относительно недавно. Он является не единственным, но основополагающим. Существует целый ряд преград на пути развития кредитных учреждений, ведущих свою деятельность, основываясь на принципах ислама. В их числе недостаток подготовленных специалистов в этой области, неосведомленность граждан об «исламских банковских» продуктах и наличие правовых преград на пути становления исламского банкинга как полновесного игрока на финансовом рынке. Становление исламского банкинга на территории РФ приобрело особую актуальность в связи с общественно-политической и экономической ситуацией в стране. Все это заставляет Россию искать внутренние резервы и новые источники иностранных инвестиций. Внутренними резервами могут послужить ныне неиспользуемые средства граждан-мусульман РФ, а также иностранных граждан из республик Средней Азии, находящихся на территории РФ. В качестве источников внешних инвестиций весьма привлекательны государства Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, с которыми Российская Федерация поддерживает дружеские взаимоотношения.

С целью интенсификации этих процессов разумным и своевременным представляется развивать альтернативную исламскую модель экономических отношений, предоставив ей поддержку на государственном уровне. Провозглашенная государством идея развития финансовых институтов, функционирующих на принци-

пах ислама, сразу же найдет отклик у мусульман как внутри страны, так и за ее пределами, что, в свою очередь, привлечет существенные ресурсы в российскую экономику, позволив восполнить отток денежных средств, стимулированный санкциями. По мнению Р.И. Беккина, на примере Судана (единственной в мире страны с исламизированной финансовой системой) можно наблюдать, как государство не только занимается регулированием деятельности исламских финансовых институтов, но и может выступать в качестве активного участника финансовых отношений. При этом оно также использует исламские методы финансирования как при привлечении, так и при расходовании бюджетных средств [4, с. 138].

Исламская модель экономики представляет собой концепцию хозяйствования, источником которой являются нормы и принципы мусульманского права [5, с. 4]. Однако в противоположность мусульманскому праву, которое регулирует отношения преимущественно в мусульманском обществе, исламская экономическая модель может использоваться представителями различных религиозных сообществ, а не только представителями сообщества мусульман. Основным принцип исламской экономической модели заключается в поиске альтернативы процентному финансированию. Хотелось бы отметить, что принципы исламского банкинга в настоящее время широко распространены не только в мусульманских государствах, но также в Европе и Америке. Среди западных банков существует тенденция к открытию и поддержанию так называемых «исламских окон» (отделения банка, предоставляющие услуги согласно нормам ислама). Даже ведущие банки претерпевают «исламскую лихорадку». К примеру, Citicorp, Deutsche Bank, HSBC, ABN Amro открыли отделения, деятельность которых базируется на принципах ислама [6, с. 81]. Профессор Л.Р. Сюкияйнен отмечает, что целый ряд институтов исламского предпринимательского права (исламские облигации, банковские продукты, формы основанного на взаимных гарантиях страхования) уже нашли признание в европейской правовой практике. Современное исламское право именно под влиянием тесного контакта с европейской правовой культурой формулирует решения, которые указанная культура берет себе на вооружение. При этом нормы шариата остаются незыблемыми, но и положения европейского права не игнорируются [7, с. 163].

Еще одним доводом в поддержку создания «исламского банкинга» на территории РФ, как ни странно, может послужить и то,

что о создании подобного банкинга заговорила уже и православная церковь. На сайте «Интерфакса» в ноябре 2014 г. появилось интервью главы синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества РПЦ протоиерея Всеволода Чаплина. Он сделал заявление о возможности создания «православного банкинга», в котором предложил подумать над тем, «может ли Россия предложить православную систему банкинга без ростовщичества, входящую в прямые отношения с Китаем, исламским миром, иными возрастающими в мире центрами влияния» [8]. В этом высказывании собственно и содержится концепция православного банкинга – отказ от ростовщичества, т.е. от взимания процентов. Как было отмечено выше, исламский банкинг в силу религиозных запретов полностью отвергает ростовщичество.

Что же касается опыта формирования исламского банкинга на территории РФ, как банков, работающих только на принципах шариата, так и исламских «окошек» в традиционных банках, то надо признать, что такого опыта практически не имеется. Регулирование «исламских банков» целиком базируется на классическом подходе к банковскому делу и никак не предусматривает специфику исламских банков. Известно лишь о существовании небольшого числа всецело исламских банков, а также о существовании небольшого ряда банков, которые попытались внедрить окно исламского банкинга. К их числу можно отнести: Казанский «Амаль» и «Булгар Банк» (ЗАО), предоставляющие услуги в абсолютном соответствии с требованиями исламского права и действующим законодательством РФ, банк «Ак Барс», входящий в тридцатку крупнейших банков РФ.

Одной из основных проблем является отсутствие в правовом поле РФ юридически закрепленной терминологии по исламскому банкингу, аналогов понятий, применяемых в рамках деятельности банков, соответствующей исламским принципам в международной практике. В российской юридической документации не прописано, что представляет собой понятие «исламский финансовый институт» или «банк», действующий с соблюдением исламских финансовых принципов, мудароба, мушарака, мурабаха и т.п. Одни эксперты приходят к выводу, что для развития исламского банкинга на территории РФ необходимо принятие отдельного федерального закона. Такого мнения, к примеру, придерживается магистр исламских финансов, советник правления ОАО «Банк “Зенит”» Ильяс Зарипов [9]. Первый основатель «исламского банка» на территории России Адалят Джабиев заявляет, что решение проблемы

лежит на поверхности: государство должно создавать условия, чтобы деньги мусульман выходили из неформального обращения и максимально вовлекались в хозяйственный оборот страны через различные официально зарегистрированные, легитимные структуры [10].

Итак, главная проблема состоит в том, что деятельность исламских финансовых институтов подразумевает наличие соответствующей среды, учитывающей исламские основы. В ряде немусульманских стран существует нормативная основа, регулирующая деятельность исламских финансовых институтов. По нашему мнению, преградой на пути к формированию аналогичных структур в России является российское законодательство, в частности отдельные положения Гражданского кодекса, Налогового кодекса, Закона о банках и банковской деятельности, а также множество положений и инструкций Банка России, которые не только регулируют, но и поощряют исключительно ростовщическую банковскую деятельность.

Свидетельством того, что вопрос урегулирования исламского банкинга на территории России довольно актуален, является и тот факт, что Центральный Банк России заинтересовался данной проблемой. В ходе выступления в ноябре 2014 г. в Совете Федерации Председатель Центрального банка Эльвира Набиуллина заявила, что Банк России исследует вопрос внедрения регулирования для исламского банкинга [11]. Хотя ранее первый зампред Банка России Сергей Швецов говорил, что необходимость введения особого регулирования исламского банкинга отсутствует.

В августе 2014 г. президент Ассоциации региональных банков России Г.А. Тосунян адресовал письмо директору Департамента банковского надзора Банка России Р.В. Амирьянцу, в котором в ряду основных причин, отрицательно воздействующих на развитие исламского банкинга на территории Российской Федерации, было отмечено отсутствие его правового регулирования. В этом письме было предложено внести ряд корректив в законодательство РФ с целью регулирования исламского банкинга на территории России и ввести отдельный федеральный закон, к примеру назвав его «Об исламских финансах» [12].

Вышеуказанный фактор является весьма существенным и находит свое выражение прежде всего в отсутствии комплексного законодательства, а также в ряде ограничений, возникающих в правовом поле РФ. Говоря о правовом положении исламского банкинга, хотелось бы отметить, что в настоящее время он стоит

в одном ряду с классическим банкингом. Положения, приемлемые для банков, ведущих свою деятельность на традиционных началах, являются весьма затруднительными для соблюдения исламским банкингом, а иногда и невыполнимыми. Так, Гражданский кодекс РФ предусматривает уплату процентов за пользование кредитом, ссылаясь на то, что процент является инструментом прироста капитала не только кредитных организаций, но и их клиентов [13]. Процентная политика гражданского законодательства основана на взимании процента в части применения мер ответственности в отношении лиц, не исполняющих взятые на себя обязательства. Применение процентов – квалификационный признак деятельности классических банков. В этой связи их интеграция с исламским банком является проблемой, так как, согласно принципам исламского банкинга, процент по предоставленным средствам может взиматься только с прибыли, а банк и клиент несут риски за предприятие на равных условиях, т.е. если проект окажется убыточным, то убытки нести должны оба участника, и речь ни о каких процентах на сумму идти не может. Всё это противоречит нормам исламского права, в связи с чем предлагается признать доходы, полученные от деятельности с соблюдением исламских принципов, процентными по форме, внося соответствующие изменения в действующее законодательство, или предусмотреть возможность беспроцентного кредитования и депонирования.

В связи с этим предлагаем:

– внести соответствующие изменения в ст. 819 Гражданского кодекса РФ [13], предусмотреть иные меры, кроме уплаты процентов за пользование кредитом;

– ст. 29 Закона № 395-1 [14] дополнить положением о том, что настоящая статья не распространяется на операции, осуществляемые банками, действующими с соблюдением исламских принципов.

Кроме того, ряд статей Налогового кодекса РФ также препятствует развитию исламского банкинга на территории РФ. Было бы справедливо налогообложение операций по продаже товаров в рассрочку с наценкой в целях финансирования привести к сопоставимому уровню налогообложения аналогичных банковских операций. Например, освободить от НДС премию на перепродажу актива в целях финансирования, т.е. признать исламские доходы при учете, отчетности и налогообложении процентными по форме, а именно: если сделка признается регулятором совершенной в рамках «специальной» лицензии, то многократный переход права

собственности должен рассматриваться как технический, налогом облагается только финальный акт перехода собственности к конечному покупателю.

В связи с этим предлагаем:

– дополнить ст. 5 Федерального закона № 395-1 нормой следующего содержания: «Передача имущества банками, действующими с соблюдением исламских принципов, освобождается от налога на добавленную стоимость в части дохода, подлежащего получению исламским банком в рамках финансирования торговой деятельности в качестве торгового посредника с предоставлением коммерческого кредита в соответствии с банковским законодательством Российской Федерации»;

– подпункт третий пункта третьего ст. 149 НК РФ дополнить положением следующего содержания: «Передача имущества исламскими банками клиенту в части дохода, подлежащего получению банком, действующим с соблюдением исламских принципов, в рамках финансирования торговой деятельности в качестве торгового посредника с предоставлением коммерческого кредита»;

– по организации выпуска сукук (исламских облигаций) внести изменения в законодательство по ценным бумагам, которые позволят приравнять выплаты инвесторам по сукук к режиму выплат по ценным бумагам (отмены лишних оплат НДС).

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, для того чтобы исламские финансовые институты успешно развивались на территории РФ и вносили свой вклад в процветание экономики России, нет острой необходимости во введении отдельного федерального закона, регулирующего исламский банковский сектор. Однако необходимо создание соответствующей среды путем внесения корректив в Гражданский кодекс РФ [13] в части 1 ст. 819, где предусмотрена уплата процентов за пользование кредитом, ст. 395, где предусмотрена ответственность лица за неисполнение денежных обязательств в виде процентов от суммы обязательств, а также в Закон о банках и банковской деятельности, где ст. 5 и 29 [14] предусмотрены проценты как единственно возможный инструмент приращения средств как кредитной организации, так и ее клиентов. Это противоречит нормам шариата, в связи с чем предлагается признать доходы, полученные от деятельности с соблюдением исламских принципов, процентными по форме, внося соответствующие изменения в действующее законодательство.

Во-вторых, следует устранить отсутствие в правовом поле РФ юридически закрепленной терминологии по исламскому банкингу, аналогов понятий, применяемых в рамках деятельности банков, соответствующей исламским принципам в международной практике.

В-третьих, во избежание фактов возникновения риска введения в заблуждение потребителей недобросовестными игроками рынка, которые могут «маскировать» свои операции под «соответствующие шариату», но на деле не приводить их в соответствие, предлагается ввести отдельное лицензирование кредитных организаций, ведущих свою деятельность в соответствии с нормами ислама, создать в рамках Банка России центральный шариатский совет, который будет являться арбитром последней инстанции, определяющим соответствие операций банков принципам ислама.

В-четвертых, отсутствие правового регулирования «исламского банкинга» провоцирует возникновение ситуации, когда финансовые ресурсы уходят в тень и остаются вне закона, а при наличии такого регулирования есть возможность вывести их из тени.

И наконец, недостаток инструментов финансирования обуславливает концентрацию рисков в исламских финансовых институтах. Следовательно, бесконтрольное формирование исламских финансовых институтов в рамках традиционной финансовой системы чревато снижением ее устойчивости и ростом финансовой нестабильности. Именно поэтому правовое регулирование исламского банкинга в РФ должно стать одним из ключевых вопросов, решение которого должно исходить от законодательных органов.

Литература

1. Газизова Р.Г. Теоретические начала мусульманского права как основа правового регулирования финансовой системы ближневосточных стран // Вестник экономики, права и социологии. – 2010. – № 4.
2. Газизова Р.Г. Некоторые аспекты правового регулирования финансовых отношений нормами шариата и их роль в мировой финансовой системе // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 152, № 4.
3. Гордеева О.Е., Львова Н.А. Исламская финансовая система // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. – 2009. – № 3.
4. Беккин Р.И. Исламское финансовое право и его роль в регулировании исламских финансов // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 155. – Кн. 3. – Ч. 2.

5. Беккин Р.И. Исламские финансовые институты и инструменты в мусульманских и немусульманских странах: Особенности и перспективы развития; автореф. дис. д-ра экон. наук. – М., 2006.
6. Ахмадуллин Р.М. Принципы функционирования исламской финансовой системы // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2011. – № 6.
7. Сюкияйнен Л.Р. Правовые основы исламской экономики: Взаимодействие исламской и европейской правовых культур // Pax Islamica. – 2010. – № 4.
8. Чаплин В. Сайт Интерфакс. URL: <http://www.interfax.ru> (Дата обращения: 20.03.2014.)
9. Зарипов И. Исламские финансы – альтернативный вид низкорискового банковского бизнеса // VI Международный банковский форум «Corporate banking: кредитование и риски». – Вена, 8–11 июня 2015 г.
10. Джабиев А.Н. 21-я WIBC (Всемирная конференция по исламскому банкингу. 1–3 декабря 2014 г.). Сайт ТОО «Istisna'a Corporation». URL: <http://www.istisna.kz/rus> (Дата обращения: 09.09.2015.)
11. В ЦБ не исключили введения регулирования для исламского банкинга. URL: <http://www.forbes.ru/news> (Дата обращения: 26.11.2014.)
12. Тосунян Г.А. Письмо Ассоциации региональных банков России (Ассоциация «Россия») от 08.08.2014 г. [Официальный сайт Ассоциации российских банков]. URL: <http://arb.ru/> (Дата обращения: 20.08.2014.)
13. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.01.1996 № 14-ФЗ. Часть вторая // Собр. законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
14. Федеральный закон РФ «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990 г. № 395-1: в ред. от 13.07.2015 г. // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 6 – Ст. 492.

*«Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки»,
Махачкала, 2016 г., т. 31, вып. 1, с. 56–64.*

О. Сенюткина,
 доктор исторических наук
 (Нижегородский государственный
 лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова)
**МЕЧЕТИ ПОВОЛЖЬЯ
 В СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ
 СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Поволжье – это тот регион России, для которого многоконфессиональность является объективной данностью: и исторически, и применительно к современности. В этом конфессиональном многоцветье свое место, наряду с церквями, синагогами, занимают

мечети. Меняются ли со временем социальные задачи мечетей или же их предназначение настолько традиционно, что не терпит никаких перемен? Насколько ныне действующие поволжские имамы ощущают необходимость усиления роли мечетей в современных условиях? И какие задачи ставит социум сегодня перед мечетями?

В наши дни в быстро меняющихся условиях российской и международной действительности мусульманам, в том числе поволжским, приходится всё больше задумываться о роли мечетей как центров жизни махалля и о более эффективном использовании потенциала мусульманских общин. Конечно, мечети должны по-прежнему, как это было всегда, оставаться центрами единения мусульман, возносящих молитвы Всевышнему. Должны быть, как и ранее, местами общения и сближения единоверцев, местами обсуждения первоочередных задач махалля и способов решения этих задач. Это традиции жизни мечетей.

Как отметил в своем выступлении в 2014 г. во время торжественного открытия мечети в городе Дзержинске Нижегородской области муфтий, шейх Равиль-хазрат Гайнутдин: «В мечетях воспитываются богобоязненные верующие. Богобоязненный человек – он необходим и мусульманской общине, и православной общине, и всему нашему обществу и государству»¹.

Первоначальная функция мечети и ее социальное предназначение были сугубо внутренними для формирующейся уммы. То есть мечеть выполняла те задачи, которые должна была выполнять по нормам исламского вероучения: задачи молитвенного места мусульман. Известно, что в исламской культуре обязательно должна быть мечеть или «масджид» (с арабского языка), «место, где совершаются земные поклоны», моления Аллаху. Так было и так есть теперь. Но при этом с самого начала своей истории мечети являлись не только молитвенными, но и общественными зданиями с самыми разнообразными функциями.

Мечеть в начале своей истории времен Пророка Мухаммада и праведных халифов не была отделена от государственной деятельности: даже культовое здание строилось стена к стене с резиденцией наместника, в мечети хранилась казна, объявлялись указы, правители и наместники обращались к народу с политическими речами. До X–XI вв. в мечетях шли судебные разбира-

¹ Выступление муфтия, шейха Равиля-хазрата Гайнутдина на торжественном открытии мечети в городе Дзержинске // Электронный ресурс: Интернет www.dumrf.ru. Доступ: 10.08.2014.

тельства. До появления мектебе и медресе в мечетях шли учебные занятия¹. Обращение к мусульманскому средневековью показывает, что социальные функции мечети менялись уже на том этапе развития мусульманского общества.

Изменение социальных функций мечетей в средневековый период истории ислама

Однако в мировой истории наблюдается действие тенденции разделения светского и религиозного начал. Коснулось ли это разделение исламского общества?

Если вести речь о Западной Европе, то в период эпохи гуманизма, в условиях трансформации западноевропейской цивилизации в индустриальную, наметилось разделение светской и религиозной сфер жизнедеятельности общества. Применительно к истории исламского мира такого не произошло. Но существует некий стереотип, что для него подобное разделение вообще не свойственно: вся история исламской цивилизации – это общественные движения согласно Корану. Это не совсем так и звучит слишком категорично. Все-таки исторически жизнь любого общества складывалась таким образом, что неизбежно активизировались процессы разделения светского и религиозного начал – и это было свойственно и мусульманскому сообществу. Для уммы это было также характерно, но не в таких масштабах, как для Запада.

Если говорить о мечетях, то постепенно из мечетей уходили кади (судьи), в мечети прекращали свое существование элементы какого-либо культурного досуга, появлялись специальные люди – имамы: правители уже не выступали в роли предстоятелей на молитве и т.п. Эти процессы коренились в особенностях жизни социума: начиная от создания многоэтноконфессионального состава населения Арабского халифата до процессов глобализации современности. Отсюда изменения социального предназначения мечетей, что позволяет утверждать, что социальное предназначение мечетей может меняться и менялось в конкретных условиях жизни исламской цивилизации.

¹ Большаков О.Г. Масджид // Ислам. Энциклопедический словарь. – М., 1991. – 315 с. – С. 160.

Мечети в Новое и Новейшее время

Российское общество, в отличие от Запада, – это общество, для которого ислам есть неотъемлемая часть российской культуры (ислам «внутри», а не «вне» социума)¹.

Российский ислам утверждался в рамках имперской, по стилю жизни, цивилизации. И, в частности, это очень внятно подтверждается ситуацией в Поволжье. Особенно прогосударственный настрой ощущался в мишарской среде служилых татар допетровского времени².

«Прекрасным архитектурным памятником и символом веротерпимости можно назвать старейшую мечеть города (Казани. – Авт.), гордо носящую имя выдающегося татарского ученого просветителя, проповедника, мыслителя Шигабуддина Марджани. Ее строительство стало возможным после личного разрешения императрицы Екатерины II, посетившей Казань весной 1767 г. Этим гуманным и благородным актом просвещенная правительница не только прекратила практику открытой религиозной дискриминации, но и оценила высокий патриотизм и преданность татар»³.

Мечети Поволжья в период новой истории все в большей степени проявляли себя как защитники государственной политики, приняв тот стиль жизни внутри имперского общества, который предлагался властями. И в условиях политизации российского общества начала XX столетия мусульмане не становились на радикальный путь, пытаясь найти компромиссные решения в отношениях с властью⁴.

Чем больше утверждалась секулярность в жизни социума, что особенно характерно для советского периода истории, тем в большей степени татары Поволжья уходили от традиционной религии. Хотя в понимании татар, носителей исламских ценностей, религия оставалась и остается важнейшей частью их

¹ Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М., 1995.

² Сенюткин С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX в. (Историческая судьба мишарей Нижегородского края). – Нижний Новгород, 2001. – 416 с.

³ Джалялетдин Мансур-хазрат. Предисловие // Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Исторические мечети Казани. – 2005. – 191 с. – С. 4.

⁴ Сенюткина О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). – Нижний Новгород, 2007. – 520 с.

прошлой культуры¹. Некий разрыв между неверующими татарами и татарами-мусульманами сегодня ощущается. Но этот разрыв не так силен, если говорить о поволжских татарах, поскольку начало его проявления относится только к прошлому веку. В условиях современной жизни, когда происходят на параллелях процессы не только секуляризации, но и десекуляризации², роль мечетей может и должна (теоретически, во всяком случае, а возможно, и реально) возрастать, хотя не всякий татарин идет по пути ислама.

Факторы влияния на современные функции мечетей Поволжья

Какие современные социальные процессы, происходящие в России, функционально меняют роль мечетей в обществе? Прежде всего, следует говорить о миграционных процессах, влияющих на этнический состав махалля Поволжья.

Отвечая на вопрос журналиста «Столичного Нижнего»: «В чем Вы видите свою основную задачу на посту председателя Духовного управления мусульман Нижегородской области? Где ваша деятельность пересекается с решением государственных задач?» – Гаяз-хазрат Закиров заметил:

«За последние годы в нашем регионе растет число эмигрантов, которые приезжают к нам на работу. Узбеки, киргизы, таджики, азербайджанцы, среди которых есть и те, кто представляет разные течения и направления в исламе. В связи с этим то духовное окормление, которое мусульмане получают в наших мечетях, направлено еще и на большую работу с нашими единоверцами, приехавшими из других стран. Нам необходимо поддерживать связи местных и приезжающих мусульман на почве мира и добрососедства, а также выстраивать и укреплять связи с представителями иных конфессий. Моя задача состоит именно в этой работе, в поддержании вековых традиций, в укреплении

¹ Гусева Ю.Н. Российский мусульманин в XX веке (на материалах Среднего Поволжья). – Самара, 2013. – 416 с.

² Шиманская О.К. Секуляризация и десекуляризация // Культура. Религия. Толерантность: учебное пособие / О.Н. Сенюткина, О.К. Шиманская, А.С. Паршаков, М.П. Самойлова; под ред. О.Н. Сенюткиной. – Нижний Новгород, 2013. – С. 123–139.

Шиманская О.К. Цивилизационный кризис России и десекуляризация / контрсекуляризация как вариант его разрешения // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2015. – № 2. – С. 50–57.

взаимного уважения. Если человек в силу различных обстоятельств приезжает в другую страну, он, безусловно, ищет единоверцев, ищет духовную поддержку. Однако нельзя забывать, что традиции, культура, образ жизни населения страны, в которую ты приехал, достойны уважения»¹.

Из приведенной цитаты очевидно, что за общими фразами говорящего скрывается ряд противоречивых жизненных обстоятельств, которые трудно не заметить. Традиционно татарская по составу мусульманская община должна прикладывать дополнительные усилия, чтобы ввести в свой состав людей иной этнической культуры, более того, представителей других государств. Но готовы ли они адаптироваться к иной культурной среде? Что касается религиозных представлений мигрантов, то напрямую сказано, что эти люди представляют «разные течения и направления в исламе», что также увеличивает набор трудностей, стоящих перед духовными наставниками Поволжья.

Имамы сегодня все чаще говорят о необходимости налаживания серьезного диалога не только с властью, но и с общественными организациями, представителями иных конфессий, с академическим сообществом.

«Мы должны обозначить масштабы значения мечети и не отводить ей роль только места совершения пятикратной молитвы», – отметил шейх Мухаммад Ахмад Аль-Хашим 25 марта 2015 г. в своей лекции «Миссия мечети в обществе», прочитанной в здании Нижегородского исламского института им. Х. Фаизханова в рамках официального визита в Российскую Федерацию².

Имамы ощущают всё большую необходимость искать возможности коммуникаций с мигрантами, и встает проблема языка проповеди. Кроме арабского языка, языка ислама как мировой религии, необходимо вести речь на родном языке слушателя джума, пятничного обращения имама к приходящим в мечеть. В мечетях Поволжья звучат проповеди на русском, татарском языках. Кроме того, ставится вопрос о том, чтобы мечеть активнее участвовала

¹ Гаяз-хазрат Закиров. У нас общая история. Беседовала Мария Медвидь // Столица Нижний. Культурно-деловой журнал. 2014. Ноябрь. № 11 (20). С. 19.

² Шейх Мухаммад Ахмад Аль-Хашим, член ученого совета университета «Шакра» города Эр-Рияд Королевства Саудовская Аравия, член Комитета по международным отношениям с РФ и представитель Международной ассоциации мусульманской молодежи. Миссия мечети в обществе // Электронный ресурс Интернет www.dumrf.ru. Доступ: 25.03.2015.

в решении проблем развития татарской культуры, обучении татарскому языку всех желающих.

Ученые в современных условиях обращают внимание на такой феномен как «исламо-русский язык». «Русский язык, – как отмечает М. Кемпер, – стал языком ислама в Российской Федерации. Все, кто пишет на исламские темы на русском языке, постоянно переводит тексты или термины “традиционного” исламского языка (арабского, татарского, аварского и т.д.) на русский язык»¹.

Традиционный ислам – споры вокруг дефиниции

Обратим внимание и на тот оживленный спор, который в последнее время ведется по поводу понятия «традиционный ислам». В контексте данной статьи словосочетание явно требует внимания, поскольку встает вопрос, как соотносится деятельность современных мечетей с содержанием этого понятия.

Некоторые участники дискуссий (как мусульмане, так и не мусульмане) считают, что это словосочетание использовать ни к чему и спорить по этому поводу бесполезно. Ссылаются при этом на некий консерватизм религиозных обозначений: раз мусульмане не использовали ранее такое понятие – значит, оно не нужно и сегодня. Но тогда встает вопрос, как поддерживать контакт мусульман с той большей частью общества, которая, не будучи сведущей в вопросах мусульманского вероучения, совершенно запуталась, что же подразумевается под традиционным исламом, понятием, которое постоянно мелькает в СМИ. Даже в самой умме нет единого представления о том, как ликвидировать те «разломы», которые в ней существуют.

«Российская умма сегодня переживает все те же проблемы, которые свойственны и всему российскому обществу. Поляризация и сегрегация различных элементов уммы является ее самой главной проблемой, которая отражается во всех аспектах ее существования. Речь в данном случае не идет о противостоянии всероссийских муфтиятов или борьбе кадимистов с джихади-

¹ Кемпер М. Русский язык ислама: Феномен переключения кода // Реформы образования мусульман Евразии от Хусаина Фаизханова до Исмаила Гаспринского: Исторический опыт и современная актуальность. Материалы юбилейной X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Фаизхановские чтения». – М., 12 декабря 2014 г. – Ч. 1. – С. 41.

стами и такфиристами. Все эти противоборства в политическом и институциональном пространстве российского Ислама являются лишь следствием более глубинных процессов. Разлом в российской умме происходит, прежде всего, не по линии идеологий или принадлежности к одной из групп деятелей. На мой взгляд, основной проблемой является отсутствие исторически обусловленной и общепринятой традиции, вокруг которой имелся бы консенсус подавляющего большинства верующих. Отсутствие такой традиции и является “спусковым крючком”... к конфликту поколений, который превратился в борьбу “государственных” муфтиев с молодыми, максималистски амбициозно настроенными мусульманами»¹.

Мечети Поволжья, о чем говорит вся их богатая история, это и есть центры традиционного ислама, если хотите, «государственного». И имамы, работавшие в них, всегда стремились к тому, чтобы удержать традицию. А главное в этой мусульманской традиции – принять Единого Бога в своем сердце, а всему остальному, что сначала непонятно мусульманину, предки которого вынуждены были прервать связь поколений, можно постепенно научиться.

Важнейшей задачей для современных мусульман и их лидеров является формирование усилиями всей российской уммы своей собственной, идентичной традиции, ни в коем случае не отклоняющей их от основ вероучения, но в значительной степени соответствующей накопленному опыту предшественников-мусульман. Предки поволжских татар-мусульман выстраивали свою жизнь и создавали традиции этой жизни таким образом, чтобы, будучи законопослушными и мирными людьми России, не противоречить в своей деятельности Корану и Сунне. В их мировоззрении и деяниях переплелись кораническая традиция и традиция историческая.

В мечетях Поволжья из уст имамов звучали те идеи, которые шли от благословенного Пророка Мухаммада. Даже в самые трудные, трагические моменты своей истории следование религии и стилю жизни предков спасало и защищало людей, помогало людям оставаться людьми.

В мечетях на берегах Волги никогда не звучали призывы к насилию, напротив, вся риторика была направлена на утверждение

¹ Подробнее на эту тему см.: Мухетдинов Д.В. «Россия + УММА: Нужны ли мы друг другу? Наблюдения над текущими процессами в российской мусульманской общине – итоги 2012 года». – М.: ИД «Медина», 2013.

мира, спокойствия, добрососедства и взаимопомощи. Потенциал традиционного ислама велик – и его необходимо использовать на благо людей.

В качестве заключения

Несмотря на вековые традиции, изменения жизненных условий в России и мире в целом (рост экстремизма, в первую очередь) требуют от мечетей не только большей активности в удержании традиционного стиля деятельности, но и некоторых новаций.

На необходимость новаций в современных условиях обращает внимание российская мусульманская элита. В обсуждение проблемных вопросов жизни мусульман включаются не только имамы и председатели Духовных управлений мусульман, но и рядовые верующие. Для всех желающих рассуждать, какими должны быть сегодня функции мечетей, всё большие возможности представляют форумы сетевого поля Интернета.

Сегодня от мечети требуется тесное взаимодействие в ходе социальных практик со всем формирующимся гражданским обществом. Мечеть призвана решать те задачи, которые ранее перед ней социум не ставил. Необходимо:

- развивать культуру своих прихожан (татарскую, азербайджанскую, таджикскую, узбекскую и др.);
- осуществлять социальное служение в больших масштабах;
- формировать условия для развертывания более активного диалога со всеми членами социума как минимум на уровне региона, исповедующими разные религии или являющимися сугубо светским людьми;
- стремиться всеми силами не допустить никаких тенденций тяготения прихожан к экстремизму и, тем более, вербовки мусульман-прихожан в террористические группировки, чтобы ни в коем случае не получить такое абсурдное, с точки зрения ислама, обозначение: «радикальная мечеть».

*«Религиозные миссии на общественной арене:
Российский и зарубежный опыт. ИЕ РАН»,
М., 2016 г., с. 255–260.*

А. Ваисов,

соискатель кафедры истории
Ургенчского государственного университета
(Республика Узбекистан, г. Ургенч)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ХОРЕЗМСКОЙ ОБЛАСТИ УЗБЕКИСТАНА

Аннотация. В данной статье рассмотрено социально-экономическое положение населения Хорезмской области Республики Узбекистан. Представлен анализ текущего положения в регионе, выявлены конкретные меры по его улучшению.

Ключевые слова: социально-экономическое положение региона, население, инфраструктура, рыночные реформы, улучшение качества жизни.

Происходящие реформы в Республике Узбекистан сегодня демонстрируют свои результаты по формированию устойчивой и плодотворной экономики. За короткое время были достигнуты значительные успехи в экономике, где произошли глубокие структурные изменения, в обеспечении роста прибыли населения, в усилении эффективности внешней торговли и инвестиционных процессов, в реформировании сельского хозяйства, в устойчивом развитии малого бизнеса и частного предпринимательства, в упрощении деятельности финансово-банковской структуры.

В первоначальной стадии самостоятельного развития нашего государства, т.е. с 1991 по 2000 г., в реализации больших изменений главное внимание было уделено отказу от централизованной административно-приказной системы и созданию условий для формирования основ рыночной экономики, в первую очередь законодательной базы. Была создана правовая основа дальнейшей либерализации и модернизации экономики, а это является неизбежной гарантией рыночных реформ.

Президент Ислам Каримов в своем докладе конкретно показал, что решающее значение имеют рост экономики на местах, создание новых предприятий, оснащенных современной техникой и технологиями, привлечение зарубежных средств для их реконструкции, широкое внедрение малого бизнеса и частного предпринимательства, развитие сферы обслуживания и различных видов народных промыслов, поощрение развития животноводства

в сельской местности. Это в первую очередь является основным источником занятости населения, роста его заработной платы и прибыли, решения важнейших социальных проблем в городах и районах, роста местных бюджетов области, города и районов.

В 2008 г. на внеочередной сессии областного Совета народных депутатов президент Ислам Каримов остановился на развитии экономики Хорезмской области и ситуации в сельском хозяйстве, являющейся источником основной прибыли населения, дал советы и предложения по решению ждущих своей развязки проблем.

В регионе активно идет работа над проектами многоэтажных домов, строительство которых планируется в Ургенче в ближайшие годы. Наряду с этим обсуждаются проекты возведения доступного индивидуального жилья для малообеспеченных семей в сельской местности со строительством объектов инженерно-коммуникационной, социальной и рыночной инфраструктуры.

В Хорезмской области расширено производство кальцинированной соды на Кунградском содовом заводе.

АО «GM Uzbekistan» в Хорезмской области запущено серийное производство мини-грузовика «Шевроле Лабо», общая стоимость проекта составляет около 6 млн долл., а годовая мощность – 5 тыс. машин, необходимых для фермеров и частных предпринимателей. Следует отметить, что это третья модель, выпускаемая на новом заводе «Хорезм Авто», где уже налажено производство автомобилей «Дамас» и «Орландо».

Большую роль в экономике Хорезмской области играют сельское хозяйство и тесно связанная с ней пищевая промышленность. Аграрно-промышленные комплексы повышают эффективность и способствуют развитию не только сельскохозяйственного производства или промышленности, но и укрепляют свою сырьевую базу и способствуют развитию сферы услуг. При этом создаются предпосылки для ускоренного внедрения в сельскохозяйственное производство промышленных сортов и такой структуры посевов и посадок, которая обеспечивает равномерную поставку сырья, а следовательно, более эффективное использование трудовых и материальных ресурсов. Рынок ее продукции обладает высокой емкостью и характеризуется стабильным спросом, что делает отрасль привлекательным объектом для инвестиции. За период с 1991 по 2006 г. в Хорезмской области рост индекса промышленного производства в пищевой промышленности в целом по годам колебался в пределах 17–22% [7].

Хорезмская область является северным регионом Республики Узбекистан, где отрасли сельского хозяйства считаются ведущими в структуре региональной экономики. Перед аграрным сектором стоит ряд проблем, решение которых даст возможность поднять роль и значение сельского хозяйства в жизни республики. К числу таких проблем относятся:

- необходимость повышения орошаемых земель, организация борьбы с болезнями и вредителями, улучшение материально-технического обеспечения сельского хозяйства, в частности хлопководства;

- проблемы использования трудовых ресурсов в сельском хозяйстве;

- проблемы использования земельно-водных ресурсов в сельском хозяйстве;

- проблемы использования материально-технических ресурсов.

За исследуемый период, с 2002 по 2006 г., доля Хорезмской области в производстве зерна и хлопка-сырца в республике увеличилась, соответственно, с 4,7 до 5,0% и с 5,1 до 7,5%. При этом производство мяса и молока снизилось, соответственно, с 8,9 до 7,2% и с 10,4 до 10,2%.

Основными направлениями развития аграрного сектора Хорезмской области являются:

- повышение эффективности использования земельно-водных ресурсов области, направленных на повышение урожайности и продуктивности сельхозпродукции, путем улучшения состояния земель и водных систем;

- укрепление материально-технической базы сельских производителей на основе активизации инвестиционной деятельности, расширения лизинговых операций и создания альтернативных МТП;

- совершенствование механизмов регулирования сельского хозяйства, направленных на обеспечение устойчивого развития отрасли, повышение его конкурентоспособности, снижение барьеров вхождения сельхозпроизводителей в рынки;

- создание благоприятных условий для сельхозпроизводителей.

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет сделать вывод о том, что сельское хозяйство Хорезмской области имеет благоприятные перспективы для своего дальнейшего развития. Начавшийся стабильный рост валовой продукции в сельском

хозяйстве создает объективные предпосылки для воссоздания стабильных производственных систем на принципиально новой рыночной основе, через углубление экономических реформ [9].

Продолжается системная работа по обеспечению динамичного развития сферы услуг и сервиса как одного из самых важных факторов и направлений углубления структурных преобразований и диверсификации экономики, повышения занятости, доходов и качества жизни людей.

Большое внимание региональные власти уделяют вопросам трудоустройства, прежде всего молодых специалистов. Проводятся ярмарки вакансий, проверки соответствующих служб по аттестации рабочих мест, осуществляются мероприятия по пресечению незаконной миграции.

Опережающими темпами в республике и Хорезмской области развиваются банковские, страховые, лизинговые, консалтинговые и другие виды рыночных услуг, способствующие развитию частного сектора и малого бизнеса в стране.

Крупнейший вертикально интегрированный производитель текстильной продукции в Узбекистане «Uztex» в ближайшие месяцы планирует запустить самую большую в регионе фабрику по производству чулочно-носочных изделий.

Новая фабрика *Katqala Tex* будет расположена в Шаватском районе Хорезмской области. Оборудование на условиях «под ключ», а это 550 полностью автоматизированных машин нового поколения, которые поставила итальянская компания *Lonati Group*. Суточная мощность производства, где будут работать свыше 300 человек, составит порядка 100 тыс. пар чулочно-носочных изделий, а годовая – около 35 млн пар. Экспортный потенциал предприятия превысит 20 млн долл.

На втором этапе к концу 2017 г. предприятие намерено выйти на уровень ежегодного выпуска до 70 млн пар. При этом больше 70% продукции планируется экспортировать. Основные рынки – Россия, Германия, Польша, Япония и страны Балтии.

Помимо этого *Lonati Group* и узбекская сторона рассматривают возможности поставки в Узбекистан еще 2500 машин для комплектации текстильных предприятий *Uztex*. На сегодняшний день в группу компаний входят пять фабрик – *Uztex Tashkent*, *Uztex Chirchik*, *Eurotex Global*, *Uztex Shovot*, *Shovot Textile*. Общая производственная мощность предприятий составляет 20 тыс. т суровой и 4800 т окрашенной пряжи в год, 8600 т сурового и 6400 т

окрашенного полотна, 10 млн швейных изделий из кроеного трикотажа.

Таким образом, можно констатировать, что главной задачей нашего государства является последовательный и поэтапный рост жизненного уровня народа. Как подчеркивал первый президент Республики Узбекистан Ислам Каримов, «...сегодня мы живем в смело меняющемся мире, где постоянно растут процессы глобализации, где решающую роль играют Интернет и интеллектуальное возрождение, и мы, не очаровываясь достигнутыми результатами, четко представляем себе, что путь, который мы прошли до сих пор, – это только одна часть сложного и тяжелого пути, лежащего перед нами» [6].

Литература

1. Отчет отдела социальной защиты статистического управления Хорезмской области по результатам 2001 года. – Ургенч, 2002. – С. 3.
2. Там же. – С. 3–4.
3. Материалы действующего архива Хорезмской области. Речь хокима области, посвященного результатам социально-экономического развития области в 2008 г. и важным задачам устойчивого развития экономики в 2009 г.
4. Отчет отдела социальной защиты статистического управления Хорезмской области по результатам 2001 года. – Ургенч, 2002. – С. 4.
5. Там же.
6. Программа кандидата в Президенты Республики Узбекистан Ислама Абдуганиевича Каримова // Народное слово. – 2015. – 27 февр.
7. Абдуллаев А.Г. Пищевая промышленность как важная отрасль экономики Хорезмской области [электрон. текстовые дан.]. – Режим доступа: http://conf.bashedu.ru/archive/Lomonosov_2009/05_9.pdf
8. Сайдахмедов Х. Регионы Узбекистана продолжают наращивать свой экономический потенциал [электрон. текстовые дан.]. – Режим доступа: <https://finans.uz/images/magazine/2016/3son/01.ru.pdf>
9. Абдуллаев И.С. Социально-экономические изменения в аграрном секторе Хорезмской области в Республике Узбекистан // Вестник ОГУ. – 2010. – № 4 (110). – С. 77–80.

*Статья написана специально для бюллетеня
«Россия и мусульманский мир».*

Д. Мальцев,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
(Российский институт стратегических исследований)
**ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ СТРАН
СРЕДНЕЙ АЗИИ**

На протяжении новой и новейшей истории в рамках национального и государственного строительства получившие независимость государства неизменно используют историю в качестве одного из основных идеологических инструментов.

Подобные процессы наблюдались при становлении политических режимов в Центральной и Восточной Европе после Первой мировой войны. Более близким к Центральной Азии примером того времени выступает Турция с ее официальной историографией туранизма (пантюркизма) и позже турецким национализмом Ата-турка.

В ходе деколонизации во второй половине XX в. также массово возникают исторические мифы, служащие укреплению становящихся государств и режимов в Азии, Африке и Латинской Америке.

В течение 90-х годов прошлого века и в начале XXI столетия эта участь не миновала и страны Центральной Азии – бывшие пять советских республик: Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

Там проявилась ярко выраженная тенденция приукрашивания, чрезмерной идеализации отдаленных на исторической шкале событий и мифологизации древней и средневековой истории отдельных народов Центральной Азии.

Обычным и всё более привычным, но далеко не нормальным явлением стало то, что авторы многих современных публикаций безудержно возвеличивают далекое прошлое своего народа и, напротив, целенаправленно принижают значение истории других народов региона, открыто отрицая какой-либо их вклад в развитие цивилизации. При этом игнорируются подлинные исторические источники и научные методы исследований, массово создаются псевдоисторические теории.

Поиски «древнейшей» государственности и «престижных» предков в современной Центральной Азии

*Особенности исторического мифотворчества
в Центрально-Азиатском регионе.
Феномен фолк-хистори среди тюрок СНГ*

Как известно, современная историческая наука в постсоветской действительности пережила серьезный кризис смены методологических оснований. Происходили переоценка марксистской методологии, переход от формационной к цивилизационной периодизации, ознакомление с методами, разработанными западными школами, и попытки их применения. Эти процессы, характерные для всех стран СНГ, в полной мере затронули и страны Центральной Азии. Здесь в течение 23 постсоветских лет происходили и происходят процессы построения государственной и национальной идентичности на преимущественно этнической основе. Каждое из пяти государств региона с советских времен имеет «коренной» этнос, и именно из этого основания строятся государственная идеология и практическая внутренняя политика, напрямую затрагивающая историческое сознание центральноазиатских наций.

В таких политических реалиях историческая наука республик в той или иной степени неизбежно приходила к мифологизации и искусственному конструированию истории. При этом задействовались следующие методы, подходы и концепции:

- использование народных преданий и легенд в качестве исторических источников;
- пропаганда величия «золотого века» своего народа в древности и Средневековье, необоснованное искусственное удревнение его этнонима (самоназвания) и государственности;
- отрицание положения о равноценности вклада всех народов региона в развитие историко-культурного наследия;
- теория о «феномене» отдельного народа, его этнической избранности и культуртрегерства по отношению к другим народам региона, а то и всего человечества;
- сравнительно-состязательный подход к истории по принципу: какой народ древнее, кто основал самые ранние государства и города, кто изобрел первое колесо, повозку, начал плавить металлы и т.п.;

– использование истории в целях текущей политической конъюнктуры.

Сюжеты такого рода конструктов не отличались особой оригинальностью, идя по тому же пути, что и у большинства стран, образовавшихся после распада более крупных государственных образований в XX в. Мифы развиваются главным образом по двум основным направлениям: глубокая древность «коренного этноса» и его государственности, а также абсолютизация «страданий колониального периода». Первой тематике в идейном плане ставится задача доказать превосходство над соседями (прежде всего другими центральноазиатскими республиками), а вторая обосновывает отделение от «российской метрополии».

Но уже на этом этапе идет различие методологий и аргументации по поставленным проблематикам. Это связано с тем, что перечисленные государства не смогли в постсоветское время создать полноценных исторических школ и вынуждены свои конструкции возводить во многом на фактологической базе советской исторической науки.

А упомянутая база для поставленных целей подходит в различной степени. Так, древняя история советской Средней Азии не являлась основным объектом для конструирования советских исторических мифов. Она основывалась на легко верифицируемых данных летописных и археологических источников и отличалась высокой исторической достоверностью. Цели «удревнить» прошлое того или иного народа Москвой не ставилось, а местные исторические школы были недостаточно развиты для автономной работы в этом направлении (в отличие, например, от ситуации в закавказских республиках СССР). Хотя и здесь бывали исключения. Так, казахский историк Мусат Ахинжанов настойчиво доказывал, что казахский народ складывался исключительно автохтонным путем. В его работе скифы и саки рисовались тюркоязычными племенами, а этноним «казах» он находил в китайских хрониках III в. до н.э. Такой подход опирался на установочные работы крупного советского востоковеда С.П. Толстова, написанные в период сталинизма, когда автохтонность играла большую политическую роль. Но после смерти И.В. Сталина попытки местных как профессиональных историков, так и «историков» от политики «удревнить» государственность своего народа и его этническую историю не пользовались поддержкой. Они выглядели откровенно надуманными и годились только для внутреннего потребления, и то ограниченного.

Здесь, впрочем, есть нюансы. Идеи откровенных фальсификаторов истории, пишущих в жанре так называемой фолк-истори¹, вполне могут идти как научно-популярные «книги для народа», что в сочетании с более взвешенными работами академических ученых может создавать очень сильный исторический миф, когда на каждом уровне восприятия целевой аудитории предлагается свой «научный труд», искажающий реальность в той степени, в которой целевая группа способна это искажение некритически воспринять.

Таковой является, например, концепция «кочевой цивилизации». Современные историки активно включились в развитие этой идеи, высказанной в первой половине XX в. еще Арнольдом Тойнби – одним из основоположников цивилизационного подхода. Естественно, для современных центральноазиатских историков является неприемлемой формулировка А. Тойнби о застойности экономики кочевых союзов, с точки зрения истории движущихся по кругу при общем отсутствии прогресса. Но в позднем СССР, в 70–80-х годах XX в., с подачи известного писателя Л.Н. Гумилева, пишущего в жанре исторической публицистики, была проведена серия дискуссий о кочевой цивилизации, что сделало эту концепцию приемлемой в научных кругах. Выделились даже различные направления и школы в изучении кочевой цивилизации. Существование этой цивилизации практически уже не оспаривается в академических кругах.

Но на этом достаточно отвлеченно-академическом фоне существует опасная тенденция, которую можно охарактеризовать как сдачу позиций классической исторической наукой в пользу фолк-истори. Такой подход приводит к тому, что все выдающиеся достижения современной цивилизации связываются с кочевниками. Понятно, что такая концепция довольно популярна среди потомков тех самых кочевников, а к ним относится большинство народов Центральной Азии.

Популяризовали «кочевую цивилизацию» на просторах бывшего СССР работы упомянутого Л.Н. Гумилева, а одним из его эпигонов стал российский публицист Мурат Аджиев (псевдоним – Адж).

Согласно его книгам, история современной цивилизации начинается 2,5 тыс. лет назад на Алтае. Цивилизация живших там тюрок была одной из древнейших и высокоразвитых. Они изобрели плуг, кибитку, кирпичи, печи и др. Новые технологии и изобретения привели к улучшению жизни, что вызвало мощный демо-

графический взрыв, который в свою очередь привел к Великому переселению народов. Часть переселенцев из Алтая якобы освоила территорию нынешней Индии, другая часть основала цивилизации Ближнего и Среднего Востока, вышла в Северную Африку, и только потом была заселена Европа, где до их прихода «был бронзовый век». Степняки освободили народы Европы от подчинения Риму, познакомили их с технологиями обработки железа, столовыми приборами, новогодней елкой, научили строить храмы и монастыри, построили в Европе сотни городов и дорог. Гунны, саксы, бургунды, алеманы и другие народы, по Аджиеву, были тюрками, которые в разных источниках назывались по-разному. Китайская и греко-римская цивилизации попали в зависимость от тюркских ханов, степнякам платили дань Римская империя, Византия, Персия, Китай. Кроме того, степняки дали европейцам монотеистическую религию. Согласно Аджиеву, это было тенгрианство, в Европе позднее превратившееся в христианство, а в Индии в разновидность буддизма – махаяну. Тюркский язык стал европейским языком международного общения и сохранял эту функцию до XV–XVI вв. Многие из европейских и азиатских народов, таких как болгары, венгры, корейцы, сербы, русские, казаки, украинцы, англичане, французы и др., по Аджиеву, являются потомками тюрков, растворившихся среди других народов и забывших свои корни.

На месте нынешней России существовало самое мощное в мире государство степняков Дешт-и-Кипчак. Государство степняков Дешт-и-Кипчак просуществовало до XVIII в. и погибло после походов Петра I, покорившего свободные казачьи земли.

Противоречия с огромным количеством известных исторических фактов в рамках «гипотезы» Аджиева объясняются глобальной фальсификацией исторических документов со стороны греков, римлян и русских, вступивших в заговор против тюркской цивилизации.

Разумеется, подобный полет фантазии не мог найти многочисленных почитателей в среде людей, имеющих историческое образование, да и просто хорошо знающих историю. Однако не следует преувеличивать число таковых среди населения республик Центральной Азии.

Между тем молодежь, имевшая уже постсоветское (а в условиях Центральной Азии, за исключением Казахстана, это означает – несистемное и с большим количеством национальных мифов) историческое образование, с интересом читала те книги М. Аджи,

которые были переведены на местные языки. Люди же старшего поколения прекрасно обходились и книгами на русском (большинство произведений М. Аджи написано на нем).

По мнению исследователей, для этих книг, изданных, кстати, в России общими тиражами в сотни тысяч экземпляров, характерен ярко выраженный тюркский национализм². А четыре из пяти рассматриваемых нами стран – это тюркские страны (кроме Таджикистана). Влияние такого рода литературы на умы нельзя недооценивать. Отягощает ситуацию, что идеи М. Аджи нашли своих горячих поклонников в среде тюркоязычной интеллигенции. Нашлись и последователи – конструкторы новой истории тюрков.

Национальный миф Казахстана

В Казахстане имелись многочисленные, воспитанные еще в советское время, национальные кадры интеллигенции и не было столь сильных экономических и политических потрясений, как в других странах региона, что дало большое количество кадров для «конструирования истории».

Потому в этой стране историческим мифотворчеством занялись очень разные люди. Это могут быть и известные ученые, придерживающиеся идеи «кочевой цивилизации». Например, известный специалист по мифологии древних тюрков Е.Д. Турсунов уверенно пишет о том, что Самарканд переживает периоды особого расцвета именно при кочевниках: при ушанах, эфталитах, затем при тюрках. По его словам, «мировой исторический процесс протекал в условиях тесного взаимодействия кочевой и оседлой цивилизаций, поэтому историю Древней Греции, Ватикана, Египта, Рима, Византии, Китая невозможно представить в отрыве от истории кочевых народов Евразии и Африки». Это хоть и не бесспорная, но точка зрения, а работы ученого затруднительно отнести к фолк-истории. Их может купить и исторически грамотный человек.

А где было место именно казахов среди несколько абстрактных «кочевников», объясняют работы казахского археолога Руслана Исмагилова. Принадлежа еще к советской археологической школе, он тем не менее сразу после распада СССР стал доказывать, что среди скифского и сакского населения, проживавшего в древности на территории Казахстана, встречались тюркоязычные группы. Это, мол, и есть прямые предки современных казахов.

И хотя никаких доказательств этой версии нет, но благоприятной политической конъюнктуры достаточно для ее распространения.

Идея автохтонности стала стержнем оперативно принятой государственной «Концепции становления исторического сознания в Республике Казахстан», где подчеркивалась прямая преемственность от андроновской культуры бронзового века и саков до современных казахов. По языку все эти культуры трактовались как «в основном тюркоязычные». Этот подход закрепила многотомная «История Казахстана: С древнейших времен до наших дней», вышедшая в Казахстане во второй половине 90-х годов³.

В наиболее мягком виде эта концепция была отражена в работе самого президента Назарбаева, где он говорит лишь о духовной преемственности современных казахов от «ариев» Синташты и Аркаима, в то время как его советник, казахский археолог Камаль Акишев, еще в советское время писал в отношении саков и скифов о наличии «значительного прототюркского компонента в местной этнической среде»⁴.

Таким образом, в Казахстане мы видим довольно редкое явление на постсоветском пространстве, характерное, прежде всего, для пророссийски настроенных государств. Власть в лице Н.А. Назарбаева настроена значительно менее радикально в вопросе «пересмотра истории», чем научное сообщество и интеллигенция.

Но поскольку историческим образованием занимается отнюдь не президент, а именно представители научно-исторического сообщества, пишущие учебники, то пантюркистские концепции все более проникают и туда. Там древняя история казахского народа представляется следующим образом: «Дух пришлых хуннских народов напластовывается на дух потомков древних ариев в плавильных котлах первых двух хунну-гуннских империй»⁵. Учебник для 5-го класса населяет Казахстан эпохи бронзы носителями одновременно и индоиранских, и алтайских языков. Саки называются там «предками казахского народа»⁶. А в учебниках для 10-го класса саки прямо названы «тюркоязычными племенами»⁷.

А рядом в книжном магазине Республики Казахстан будут лежать книги людей, вовсе не имеющих специального исторического образования, — обычно это журналисты или специалисты негуманитарных дисциплин. Именно они пополняют ряды писателей фолк-хистори в странах СНГ. Среди них в первую очередь нужно назвать широко известного казахского поэта и обществен-

ного деятеля Олжаса Сулейменова. По его представлениям, тюрки предшествовали шумерам в Месопотамии и повлияли на их культуру и язык, в частности снабдив их письменностью. Тюрки имели свою государственность еще 3 тыс. лет назад и создали древнейшую алфавитную письменность. Кроме того, тюрки наравне с предками американских индейцев участвовали в заселении Америки. И у Сулейменова нет ни капли сомнений в том, что скифы были тюрками. При этом ни археологические, ни древние письменные источники ему не нужны.

Что самое печальное – такие «исторические открытия» перекочевывают в систему образования! Казахский учебник для 10 класса также говорит о близости тюркского языка к шумерскому!⁸

Эту же линию подхватывает жамбылский журналист А. Айзахметов, который в своей книге якобы на основе новых археологических и лингвистических данных «доказывает», что древнейшая цивилизация Крита, Микен и Трои есть цивилизация прототюркская, которая почти на целое тысячелетие древнее Древнего Египта!

В таком же стиле пишет и А.К. Нарымбаева. Автор приписал «прототюркам» изобретение лука и стрел, domestикацию всех основных домашних животных, изобретение гончарства и металлургии, древнейшее градостроительство, революцию в военном деле, создание «Авесты», введение мировых религий и прежде всего христианства. Даже типичный кельтский крест, по ее мнению, «тенгрианский». Делается попытка доказать, что тюрки и иранцы (арии) имели общее происхождение, но при этом именно тюрки оказывали культурное влияние на ариев, а не наоборот. В итоге автор заявлял, что тюрки сформировались 20–30 тыс. лет назад, жили в разных регионах Евразии под разными именами и оказали мощное воздействие на культуру и языки народов индоевропейской семьи.

Или столь же «исторический» труд, написанный инженером-механиком Шах-Муратом Куангановым. Это очередное «видение» древней истории тюрков. По мнению автора, древние предки тюрков, некие «аргуны-арийцы», достигли Западной Европы и основали ряд государств на берегах Средиземного моря, включая Карфаген! Другими словами, воспроизводятся идеи пантюркизма, но считается нужным сохранить для далеких предков славное имя «арийцы». Возникает странный гибрид, сочетающий в себе черты одновременно пантюркизма и «арийской теории» в духе гитлеровской Германии.

Что интересно, книга Куанганова была издана при поддержке Национальной экономической палаты «Союз “Атамекен”». Также она была благосклонно принята Евразийским национальным университетом имени Л.Н. Гумилева. Это лишний раз показывает, что творческое наследие этого популярного в России автора (который даже подписывался часто тюркским именем Асланбек) давно и прочно эксплуатируется тюркским национализмом даже в, казалось бы, мало подверженном такого рода крайностям Казахстане.

В целом факт, что за последние два тысячелетия на территории Казахстана сменились язык (с восточно-иранского на тюркский) и физический тип (с европеоидного к смешанному европеоидно-монголоидному), казахских авторов не смущает. И профессиональные историки, и поп-писатели «обходят» этот факт разными способами в меру своей исторической грамотности и «удревляют» историю казахов всеми способами. Как не смущает он и официальную идеологию и власть. По их воле в Алма-Ате на площади Республики была воздвигнута 30-метровая стела в честь обретения государственного суверенитета. Стелу венчает фигура сакского воина, стоящего на крылатом барсе. А в начале июля 2008 г., во время празднования 10-летнего юбилея Астаны, в республиканском музее публично демонстрировали золотые украшения саков, представляя тех «древними тюркскими племенами». Вот таким образом Республика Казахстан обрела 2500-летнюю национальную историю.

Национальный миф Туркменистана

Пример Казахстана – это отнюдь не крайность в вопросах нациестроительства в Центральной Азии. История некоторых других республик значительно более мифологизирована. Здесь, конечно, лидирует Туркменистан. Там «исторический миф» формировался под деятельным участием самого президента Туркмении Сапармурата Ниязова. Он акцентировал внимание на сельджукских корнях туркменской государственности, что соответствовало местной фольклорной традиции, возводившей туркмен к прародителю Огуз-хану – главе огузов-сельджуков. В 1998 г. по указанию С. Ниязова был расформирован Институт истории и ликвидирована Академия наук. Вместо этого был создан Институт истории при кабинете министров Туркменистана, которому было поручено подготовить двухтомную «Историю туркменского народа».

Причем развернулось своего рода соревнование фальсификаторов. Так, заместитель главы Национальной администрации по изучению, защите и реставрации памятников истории и культуры Туркменистана М.Б. Дурдыев, занимавшийся «конструированием истории» туркмен в 90-е годы, в 2001 г. попал в «черный список» из 19 туркменских писателей, поэтов и историков, «неправильно» освещавших национальную историю. Их книги подлежали уничтожению. Причина была отнюдь не в том, что Марат Бяшимович следовал классическим советским или западным историческим концепциям. Просто он, упорно возводя происхождение туркмен к Парфянскому царству, слишком отклонился от огузско-сельджукской версии, что вызвало гнев пожизненного президента Туркменистана.

Тогда фаворитом «строительства истории» стал один из советников президента Ниязова – археолог Овез Гундогдыев. Он, как и Дурдыев, включил в число предков туркмен мидян, скифов, саков, массагетов и парфян, но пошел дальше, заявив, что все они были тюркоязычными. По его словам, туркмены пронесли народное единство и свой язык через тысячелетия. Гундогдыева не устраивала фольклорная версия, изображавшая Огуз-хана предводителем средневековых огузов, и он отождествлял того со знаменитым предводителем гуннов Модэ Шаньюем. Он освежил старые построения турецких пантюркистов новыми фантазиями (в частности, упомянутого Мурата Аджиева). По сути, это возрождение идеологии, основанной на пантюркистской теории мирового развития в том виде, в котором она была представлена в османской Турции начала XX в. Тогда следование этой теории привело к геноциду армян в 1916 г.

В итоге за создание национального мифа взялся сам президент Ниязов. Результатом этой работы стала книга «Рухнама», где туркмены рисовались «древним государствообразующим народом», и среди их древнейших прародителей назывались знаменитые Маргиана и Парфия. Этноним «туркмены» возводится там к «турк иман» (в переводе – «родом из света»). Родоначальником туркмен назван Огуз-хан, живший теперь уже 5 тыс. лет назад. Таким образом, делалась попытка «закрепить» за туркменами статус «древнейшего народа», так сказать, волевым решением. Полностью игнорируя при этом данные истории и археологии. Туркменам в книге приписывалось создание 70 государств, в том числе Маргианы, Парфии, империи сельджуков, Ак-Коюнлу и т.д. Также им приписывается изобретение колеса. Очевидно, что с точки зрения

истории это произведение не выдерживает никакой критики и служит насаждению примитивного национализма и идеи национального превосходства. В феврале 2001 г. «Рухнама» была утверждена властями Туркменистана в качестве «священной настольной книги народа», и с тех пор ее принялись изучать во всех местных школах как отдельный предмет. Обязательной она стала и для поступления в вузы. Из тревожных моментов здесь можно отметить поступок руководителя российской компании «КамАЗ» Сергея Когогина, который профинансировал перевод «Рухнамы» на татарский язык, а также ее печатное издание. Вряд ли распространение откровенно националистической литературы среди коренных народов РФ соответствует государственным интересам России.

После смерти С. Ниязова преподавание «Рухнамы» в школах сократили, но оставили, а экзамен по ней в вузы Туркмении остается обязательным. Таким образом, можно констатировать, что население Туркмении младше 30 лет подверглось сильной идеологической обработке в духе великотуркменского шовинизма, и последствиям этого еще предстоит сказать.

Национальный миф Кыргызстана

Собственным историческим мифотворчеством отметился и Кыргызстан (Киргизия). Интерес к истории и способ, с помощью которого общественное сознание было повернуто к историческим вопросам в первые годы независимости, сконцентрировались вокруг эпоса «Манас». Ключевую роль в этом историческом мифотворчестве сыграли писатель Чингиз Айтматов и первый президент Кыргызстана Аскар Акаев. Первому из них принадлежит идея празднования тысячелетия эпоса «Манас», второму – превращение содержания эпоса в современную национальную идеологию, а также использование его для популяризации киргизской культуры и истории. Гуманитарий и интеллектуал Акаев сформировался в ленинградской научной среде и слушал в студенческие годы лекции Льва Гумилева. Таким образом, взгляды Л.Н. Гумилева и в Кыргызстане, как и в Казахстане, легли в основание национального мифа.

Эпос «Манас» как историографический источник вошел во все учебники и пособия по истории киргизов и киргизского государства. По инициативе Кыргызской Республики в 1993 г. была принята резолюция ООН «О праздновании 1000-летия киргизского

национального эпоса «Манас»», в которой были поддержаны предложения руководства республики об объявлении 1995 г. Годом 1000-летия эпоса «Манас». Празднование 1000-летия эпоса сопровождалось саммитом тюркоязычных государств и международным симпозиумом с участием ученых из 30 стран мира и генерального секретаря ЮНЕСКО. На основе материалов эпоса «Манас» были сформулированы «семь заповедей Манаса», которые были положены в основу национальной идеологии.

Этот период характеризовался также широким введением исторического материала в знаковое пространство. Помимо государственной символики, содержащей историческую атрибутику киргизов, были произведены массовые переименования городов, районов, улиц, выпущены почтовые марки с историческими персонажами и событиями истории киргизов и киргизского государства. Именем киргизского исторического персонажа была названа столица страны – город Бишкек, ранее носивший имя Фрунзе. Историческая символика активно использовалась в названиях фирм, культурных объектов, товаров.

Знаковым для формирования киргизского исторического мифа стал 2003 год. В своем выступлении на II Всемирном курултае киргизов 31 августа 2003 г. Аскар Акаев изложил версию киргизской истории начиная с киргизского государства в 201 г. до н.э. В его трактовке истории появилось также киргизское государство в Верховьях Енисея в середине I в. н.э. Он сообщил о получении в дар от руководства Китая новых сведений о киргизском государстве эпохи Кыргызского великодержавия, датированных 843–845 гг. По версии А. Акаева, к киргизским мыслителям и ученым были причислены Жусуп Баласагын и Махмуд Барскани, которые вообще-то в исторической литературе присутствуют как уйгурские ученые Юсуп Баласагунский и Махмуд Кашгарский, которые всего лишь родились на нынешней киргизской территории. Имя Жусупа Баласагына было присвоено крупнейшему национальному вузу – Кыргызскому национальному университету.

Появление в национальном историческом сознании представлений о 2200-летней киргизской государственности стало несколько неожиданным. Ранее киргизские авторы издавали работы, в которых начало киргизской истории отодвигалось вглубь веков на 4–5 тыс. лет, однако эти работы справедливо воспринимались скорее как плод националистических фантазий, чем как реальность. Теперь же концепция великой истории киргизского народа получила поддержку с вершин исполнительной власти. По оцен-

кам киргизских социологов, эта концепция очень быстро вошла в национальное историческое сознание как непреложная истина. Опросы 2006 г. показали, что подавляющая часть респондентов (59,8%) считает подлинной родиной киргизов Енисей и только 9,6% – Центральную Азию.

Наличие документов о «енисейской прародине» дало киргизским историкам серьезные аргументы в споре с другими народами Центральной Азии за своего рода «право первородства». В киргизском учебнике прямо пишется: «Этноним “кыргыз” является самым древним из всех современных названий народов, происходящих от тюркских корней. Тюркские этнонимы “туркмен”, “узбек”, “казах”, “уйгур”, “татар”, “башкир” и другие появились гораздо позднее», – и поясняется, что этническое упоминание «туркмен» берет свое начало примерно с VIII в., узбеки как народ сформировались между эпохами Караханидов и Тимуридов (вторая половина XIII – первая половина XIV в.), а формирование казахского этноса сами казахские историки относят к XV в.

Особенностью сравнительно с другими этносами Центральной Азии является то, что древняя история киргизов в большей степени связывается с другим регионом, нежели нынешняя территория их проживания. Каких-либо серьезных свидетельств и доказательств проживания киргизов на нынешней территории полтора и более тысячелетия назад не существует. Энтузиастами от фолк-истори делались попытки установления связи киргизов с саками – признанными коренными жителями Центральной Азии, проживавшими в том числе и на нынешней территории Кыргызстана. Но они основаны не более чем на сходстве этнонима «саки» с названием одного из многочисленных кыргызских родов «саяки», и эти идеи не получили развития ни в народе, ни во властных или интеллигентских кругах.

Сложное отношение существует к Китаю и истории отношений с ним. Объективно это в основном история войн и конфликтов, но в политических интересах президентом А. Акаевым была предпринята попытка изменить характер этой истории на якобы дружественный. В связи с этим были использованы действительно имевшие место факты совместной борьбы древних киргизов и китайцев с общими врагами. Были акцентированы те моменты истории, когда киргизы были естественными союзниками Китая, и в частности речь шла о «политическом союзе Енисейского государства кыргызов и Китайской империи», который «существовал более 100 лет и сыграл позитивную роль для обоих государств

в Танскую эпоху», а также о заслуге Китая, остановившего арабское завоевание в битве при кыргызском городе Таласе. И даже в отношении Цинского периода, когда Китай пытался завоевать Центральную Азию, было сказано, что он «не вписывается в складывавшуюся веками общую тенденцию кыргызско-китайских отношений, всегда характеризовавшихся дружелюбием и взаимной симпатией»⁹.

Следует сказать, что такой подход является принципиально противоположным существующим в общественном сознании представлениям и отношениям к Китаю. В кыргызской среде существует устойчивое опасение по поводу Китая, связанное с его экономической и особенно демографической экспансией. Сразу после отстранения А. Акаева от власти прокитайские исторические мифы прекратили свое существование.

Национальный миф Узбекистана

Относительно мало древняя история переписывалась в Узбекистане. В советское время здесь наибольшую популярность получил подход, исходивший из многокомпонентного состава народов мира. В отношении Средней Азии этот подход говорил о длительном процессе смешения местных аборигенов, носителей восточно-иранских языков, с пришлыми тюркоязычными племенами. Итогом этого процесса и было, по мнению советских авторов, формирование предков узбеков и таджиков. Среди предков узбеков назывались племена раннего железного века (саки, массагеты и другие), связанные с миром иранских кочевников. В советское время ведущий узбекский этнограф Карим Шаниязов писал о многокомпонентном составе узбеков, включавшем в себя различные этногенетические пласты. Согласно его концепции, этническую основу этногенеза узбеков составили древние жители Среднеазиатского междуречья и Хорезма, смешавшиеся в дальнейшем с пришлыми тюркоязычными племенами. Сомнений в том, что население раннего железного века говорило на восточно-иранских языках, у него, естественно, не было. Он и представители его научной школы придерживались этого мнения и в постсоветские годы. Благодаря ему и ряду других деятелей Академии наук Республики Узбекистан (АН РУз) узбеки, пожалуй, в наименьшей степени увлеклись «охотой за древними предками» сравнительно с другими новообразованными государствами Центральной Азии. По крайней мере, признаков этого в начале 90-х годов не просмат-

ривалось. В изданном в это время под редакцией узбекского археолога – академика А.А. Аскарлова – фундаментальном двухтомнике «История народов Узбекистана» формирование узбекского народа также описывалось как слияние отюреченных иранских племен с пришлыми тюрками в первом тысячелетии нашей эры.

Однако под влиянием давнего, усилившегося в постсоветские годы спора между таджикскими и узбекскими авторами, связанного с этнической интерпретацией древней и средневековой истории, взгляд узбекских специалистов на предков вынужденно стал меняться. Во второй половине 90-х годов академик Ахмадали Аскарлов уже утверждал, что тюрки появились на территории Узбекистана в конце эпохи бронзы. Позднее он перешел к более конкретным заявлениям, наделяя тюркоязычием создателей андроновской культуры позднего бронзового века и, само собой, кочевников раннего железного века. А.А. Аскарлов настаивает, что «вопреки индоевропейской теории», арии произошли от тюркских скотоводов-номадов. В его статье специально подчеркивается, что даже происхождение династии древнеперсидских царей из рода Ахеменидов «непосредственно связано с проникновением на юг Ирана тюркоязычных арийцев из евразийских степей». И не только Ахемениды, но и кушанские цари якобы были «истинными арийцами», т.е. по происхождению тюрками.

Но справедливости ради следует отметить, что все подобно-го рода выводы делались преимущественно в рамках полемики с таджикскими специалистами. Да и столь далеко, как А.А. Аскарлов, в своих утверждениях зашли немногие представители ученого сообщества Узбекистана. Вообще, «тюркизация» культуры бронзового века, происходящая в академической среде Узбекистана, идет почти исключительно для противостояния таджикским претензиям (в том числе и территориальным) и носит откровенно конъюнктурный характер. Доказывая, что тюрки обитают в Средней Азии не менее 3500 лет, узбекские ученые обосновывают тем самым простой факт, что они являются «коренным населением», и ничего больше. Можно сказать, что на этом фронте узбекские историки ведут лишь оборонительные бои. На соответствующие темы есть целый ряд работ этнографов Института истории АН РУз.

Однако эта проблематика остается почти исключительно научно-полемической и не переходит в учебники и государственные мемориальные мероприятия, как, например, в Казахстане. В учебнике для 7 класса к предкам узбекского народа причисля-

ются как местные восточноиранские группы, включая саков и массагетов, так и пришлые тюрки, но сложение узбекского народа датируется IX – началом XII в., а отнюдь не временами до нашей эры.

Национальный миф Таджикистана

Таджикский исторический миф по понятным причинам значительно отличен от подобного рода тюркских мифов. Таджики, с трудом добившиеся создания собственной республики в составе СССР, до сих пор чувствуют себя обделенными, ибо в ходе произведенного в 20-х годах XX столетия национального размежевания самые густонаселенные и плодородные земли отошли к Узбекистану. В Узбекистане десятилетиями проводилась тюркизация таджиков, а то, что они считали своим историческим наследием, присваивалось узбеками. Поэтому сегодня таджикские интеллектуалы возмущаются тем, что они воспринимают как посягательство узбеков на таджикские земли и культурное наследие.

Таджикские интеллигенты противопоставляют этому «арийский дух» таджиков, подчеркивают их принадлежность к европеоидной расе, пытаясь тем самым возвести непреодолимую стену между собой и узбеками. В начале 2000-х годов это интеллектуальное течение достигло властей Таджикистана, как раз занявшихся поисками национальной идеи. Ранее, в ходе гражданской войны и восстановления после нее, было как-то не до целенаправленной исторической политики. Впрочем, первая попытка заняться таковой была предпринята в октябре 1996 г., когда правительство Таджикистана впервые обратилось к наследию династии Саманидов и предложило ЮНЕСКО провести в 1999 г. празднование 1100-летия создания упомянутого государственного образования как «первого независимого таджикского государства». ЮНЕСКО отклонило это предложение, справедливо посчитав, что ничего хорошего в таджикско-узбекских отношениях из этого не выйдет. Но Э. Рахмона это не остановило. В 1999 г. он распорядился отпраздновать 1100-летие образования государства Саманидов. В России тогда эту идею поддержали, в юбилейном параде в Душанбе приняли участие подразделения 201-й мотострелковой дивизии РФ. В Душанбе, на площади Дусти, был возведен архитектурный ансамбль первому правителю государства таджиков – Исмаилу Самани высотой 13 м. Что интересно, в его основании была размещена карта «большого Таджикистана» эпохи Самани-

дов. Несколько монументальных памятников Исмаилу Самани украсили города Таджикистана – Ходжент, Гафуров, Курган-Тюбе.

Выбрав династию Саманидов в качестве исторического ориентира и прародителей таджикского государства, Э. Рахмон был последователен в этом и даже ввел в 2000 г. новую национальную валюту – сомони. В честь Сомони была переименована самая высокая гора Таджикистана (бывший пик Коммунизма).

Интересно, что в поздних советских и первых постсоветских учебниках Саманиды никак не выделялись из общего фона правителей феодальной эпохи. Но как только вопросом формирования исторического мифа таджикского народа занялись всерьез, президентом была написана книга «Таджики в зеркале истории». Она и стала основой этого мифа, а Саманиды как исторический ориентир – личной находкой Э. Рахмона.

Из многочисленных гипотез по поводу происхождения названия таджиков Э. Рахмон выбрал народную этимологию этого этнонима, возводящую слово «таджик» к «хадж» («корона»), и искусственно связал ее с этимологией слова «ариец». По его мнению, слово «таджик» («коронованный», «знатного рода») якобы равнозначно слову «ариец», что значит «благородного происхождения». И вот эти арийцы-таджики есть «древнейший народ Средней Азии». Естественно, никакой аргументации, кроме языковой, – действительно, Среднюю Азию населяли ираноязычные, как и таджики, племена и народы, – не приводится.

Согласно Э. Рахмону, все достижения древнего и раннесредневекового периодов истории Средней Азии принадлежат таджикам. Таджикскими городами являлись древние и средневековые Бухара, Самарканд, Балх, Герат, Мерв, а таджики – самый культурный и цивилизованный народ, научивший всему пришлых тюрок. В обоснование этого Э. Рахмон пишет: «В XI в. тюрки, стремясь покорить таджикское государство, тем не менее полностью переняли у таджиков принципы государственного управления, традиции, этикет, оставался государственным и таджикский язык. Государственное устройство в Центральной Азии унаследовало в основном принципы управления государства Саманидов. Говоря словами известного востоковеда Германа Вамбери, таджики и после завоевания их кочевниками продолжали играть роль цивилизаторов по отношению к своим покорителям». Закономерен и своего рода вывод-вопрос: «Имеют ли различные тюркские народности и племена, спустя тысячелетия ставшие хозяевами территорий бывших древних Бактрии, Согда и Хорезма, и сегодня,

с трибун своих национальных государств, выражающие притязания на историческое и культурное наследие арийцев, какую-либо общность с арийскими народами этих краев?»¹⁰

Собственно, подобные вопросы и довольно резкие высказывания в отношении соседей стали неизбежны с момента исторического поворота к наследию Саманидов. Обе столицы династии – Самарканд и Бухара – ныне находятся на территории Узбекистана, и требовалось обосновать, как они там оказались. По сути, иных вариантов, кроме образа узбеков как варваров-завоевателей, не оставалось.

Официальная историография Таджикистана творчески развила идеи своего президента. По словам академика Нугмона Негматова, время Саманидов стало продолжением «таджикского возрождения», начавшегося еще при Саманидах. Его выражением стали мировые достижения науки (Ибн Сина, аль-Бируни) и литературы (Фирдоуси). Таджикские историки преподносят Саманидское государство как «высшую точку исламской цивилизации». Именно из империи Саманидов, по утверждению И. Умарзоды, происходят все культурные обретения Европы раннего Нового времени; кроме того, в свое время это государство считалось самым сильным на планете. В его работе империя Саманидов предстает также образцом государственного управления – как эффективная, стройная и простая государственная структура. Соответственно, с уничтожением Саманидского государства «тюрками-монголами» была уничтожена самая передовая культура туранской арийской цивилизации.

Совмещение саманидского и арийского исторического мифов (последний был очень популярен среди интеллектуалов) дало необходимую для героической истории древность этноса, ведь фиксация появления первых представителей конкретного этноса в том или ином географическом регионе – важная черта, свидетельствующая об истории народа. В случае с таджиками имеет место миф об «историческом Таджикистане», охватывающем значительные территории современной Центральной Азии, Ирана и Афганистана. Он существует, по мнению некоторых таджикских авторов, не менее 2500 лет и был создан еще Ахеменидами. Еще более древним происхождением, как считают некоторые авторы, отличается арийская цивилизация на территории так называемой Арианы, в данный момент насчитывающая около 8000 лет. В плане древности эта дата пока опережает все прочие историографии Центральной Азии, превзойдя даже туркмен. Впрочем, книга

Ибрагим Умарзоды одной этой датой не ограничивается. В этой публикации арийцы предстают основателями европейской цивилизации; здесь также доказывается, что заселение Европы было осуществлено исключительно арийскими племенами. Помимо заселения Европы, арийцы (и туранцы как их ветвь) стали, в его трактовке, основоположниками Вавилонской империи, зороастризма и других цивилизационных феноменов. Подобные «открытия» уверенно относят книгу к жанру фолк-истории.

Тем не менее миф об арийской цивилизации стал одним из ключевых сегментов исторической идеологии таджикского режима, а также одной из основ его противопоставления соседнему Узбекистану. Опираясь на классиков российского и советского востоковедения, таджикские историки и, соответственно, идеологи определили таджиков в качестве единственных законных наследников арийской цивилизации в Центральной Азии. В 2006 г. в Таджикистане торжественно отпраздновали Год арийской цивилизации, что, по мнению президента Э. Рахмона, должно было способствовать сплочению нации. Таким образом, именно историческая наука помогает формировать идеологический образ высокой культуры арийцев (т.е. таджиков) в противовес образу отсталой кочевой культуры тюрков (т.е. узбеков).

**Взаимоотношения России
со странами Центральной Азии
в зеркале исторического мифотворчества:
Присоединение к России,
«колониальный» период, среднеазиатское
восстание 1916 года, движение басмачей и т.п.**

Несколько другая ситуация сравнительно с освещением древней истории сложилась с интерпретацией «колониального периода». Здесь советская историография оказывает бесценную помощь современным «национальным историкам» Центральной Азии. «Злодеяния царизма» при завоевании и управлении центральноазиатскими территориями тщательно выискивались, утрировались и абсолютизировались советскими историками. Любые конфликты освещались предельно односторонне в рамках марксизма и классового подхода, где практически любое выступление против центральной российской власти рассматривалось как «прогрессивное», а вся деятельность властей России в Центральной Азии, рассматриваемая через ленинскую концепцию империа-

лизма, представлялась в негативном, «завоевательном» ключе. Такого рода советские концепции идеально легли в основу националистических трактовок истории рассматриваемых стран. Постсоветским историкам оставалось лишь расставить «нужные» акценты, а затем добавить советский период истории к «колониальному».

После обретения независимости в массовое сознание ряда новосозданных государств транслировались как дискуссионные или даже конфликтные преимущественно те события истории, которые связаны с Россией. Наиболее тревожна в этом плане ситуация в Киргизии и Казахстане.

В других республиках все значительно спокойнее. В Таджикистане историческое мифотворчество направлено против соседнего Узбекистана, а в отношении России Э. Рахмон говорит лишь об «идее арийского единства в отношении России и Таджикистана». Поскольку в завоеванных Российской империей в XIX в. Кокандском и Хивинском ханствах, а также в Бухарском эмирате ираноязычные таджики были угнетенной тюрками частью населения, претензий за это завоевание в таджикском обществе и интеллигентских кругах на этот счет не отмечено. Даже вина за национальное размежевание 20-х годов XX в., в ходе которого таджики получили так не устраивающие их границы, не переносится на русских. В публикациях о становлении советского Таджикистана в 20-е годы вина за «неправильные» границы ложится на предателей-таджиков, к которым причисляются бывшие представители джадидов, в частности Файзулла Ходжаев и Абду Кадыр Мухитдинов, а также Чинор Имамов, делегат таджиков в территориальной комиссии Средазбюро. Именно эти представители «обузбеченных таджиков» и приверженцев пантюркизма, а позже «панузбекизма», по мнению современных таджикских историков, не позволили в 1924 г. таджикам полноправно обсуждать вопросы самоопределения Таджикистана в рамках территориального размежевания.

Более умеренные таджикские историки указывают, что наряду со многими отрицательными последствиями разделения выделение меньшей территории для Таджикской АССР (и позже ССР) все же имело свои положительные особенности; среди них – приостановка тюрко-монгольских попыток ассимиляции таджиков, вовлечение таджиков в политическую деятельность. Эти несомненные блага для национального развития соотносятся с «русской властью». В целом исторический дискурс Таджики-

стана, несомненно, самый дружественный относительно России в регионе.

Что касается Туркменистана, то здесь элементарно малое число историков и общая неразвитость институтов гражданского общества оставляет силы только на «освоение» древней истории и идеологическое обоснование и поддержание политики изоляционизма. По отношению к «колониальному» периоду (времен Российской империи и СССР) присутствует нейтральное описание – не перенасыщенное фактами. Говоря другими словами, этот период на официальном уровне стараются скорее забыть, чем демонизировать.

Историки Узбекистана, наоборот, представляют собой большую, достаточно профессиональную и сплоченную группу. И хотя основной ее задачей в контексте создания национальных мифов и узнаваемого народом нарратива является, как и в других государствах Центральной Азии, работа по древней и средневековой истории, узбекская историография освещает и другие, более близкие по времени темы. В частности, отношение Узбекской ССР к России или положение узбеков в Центральной Азии и в Советском Союзе. В этом контексте проводится сбалансированная разнонаправленная политика.

С одной стороны, по инициативе президента Узбекистана Ислама Каримова с целью увековечения памяти жертв репрессий советского периода на берегу канала Бозсу был воздвигнут мемориальный комплекс «Шахидлар хотираси» («Памяти павших») и 12 мая 2000 г. состоялась церемония его открытия. При этом комплексе 27 августа 2002 г. был открыт музей «Памяти жертв репрессий». Ознакомление с экспозицией музея, «в которой отражены трагические страницы периода колониализма, позволяет узнать, что в результате “раскулачивания” более 60 тыс. наших соотечественников (то есть узбеков. – Д. М.) были высланы на Украину, Северный Кавказ и Сибирь, с начала до 40-х годов XX столетия были открыты “уголовные дела” против 450 тыс. наших соотечественников, а в период “хлопкового дела” 25 тыс. человек были арестованы, из них 4,5 тыс. осуждены».

Конечно, такое перечисление настраивает учащихся весьма негативно к «колониальному» советскому периоду. Тем более что рядом идут конкретные имена репрессированных и расстрелянных представителей узбекской науки и искусства: историков, поэтов, писателей – Усмана Насыри, Абдарауфа Фитрата, Чулпана, кумира узбекской интеллигенции Абдуллы Кадыри и др. У учащихся

сознательно создается представление о подавлении узбекской культуры в советский период.

Тем, кто сам не пришел к такому выводу, его озвучат: «Историческое и политическое значение мемориального комплекса “Памяти павших”, музея “Памяти жертв репрессий” состоит в том, что они служат исторической памятью, уроком настоящему и будущему поколениям и свидетельствуют о том, какие трагические дни пережил наш народ в период зависимости, и о том, что с обретением независимости в нашем крае была восстановлена справедливость и в сердцах народа живет память о погибших»¹¹.

Здесь акценты расставлены предельно четко: «зависимость периода колониализма» от Москвы – зло и негатив.

Но вместе с тем ранее, в 1999 г., в Ташкенте «с целью увековечения памяти тех, кто отдал жизнь за свободу Родины в борьбе против фашизма в годы Второй мировой войны», был воздвигнут комплекс «Площадь памяти», и 9 мая того же года прошла церемония его открытия. По инициативе Республиканского фонда «Нуроний» подготовлена и издана 34-томная книга «Память» с именами 400 тыс. наших соотечественников, погибших в боях. 9 мая каждого года отмечается как День памяти и почестей.

Здесь мы уже видим вполне себе готовность историков Узбекистана и его властей не отказываться от позитивных фактов совместной истории с Россией. Об этом свидетельствует и присутствие президента И. Каримова на Параде Победы в Москве 9 мая 2015 г., которого бóльшая часть экспертов не ожидала. И хотя та война в Узбекистане называется в западной трактовке Второй мировой, а не Великой Отечественной, это не отменяет реализма в исторической политике Узбекистана, а значит, оставляет обоснованные надежды на сотрудничество в этой сфере в будущем.

Впрочем, в ряде спорных вопросов это сотрудничество уже наблюдается. Например, в вопросе оценки басмаческого движения в Туркестане. Эта тема не пользуется поддержкой властей Узбекистана, хотя, казалось бы, лидеры басмачей – потенциальные герои в борьбе за столь высоко оцениваемую независимость. Но дело в том, что значительное число выходцев из Узбекистана периода разгрома басмаческого движения были небедные люди, со связями в мусульманском мире. Они сравнительно легко инкорпорировались в саудовскую и турецкую элиту, зачастую занимают серьезные позиции в бизнесе, политических и государственных структурах, включая саудовские спецслужбы, – и Саудовская Аравия, и Турция играют активную роль в поддержке оппозиционных узбе-

кистанских движений и организаций, в частности известного Исламского движения Узбекистана (ИДУ). Так, численность узбекской диаспоры в Турции относительно невелика, приблизительно 70 тыс. человек, но несмотря на это, она может играть важную роль для Узбекистана в силу специфического состава: это потомки эмигрантов периода Гражданской войны и басмаческого движения в Средней Азии, участников Туркестанского легиона периода Второй мировой войны, эмигранты 80-х годов из Северного Афганистана и эмигранты постсоветского периода. Все эти категории, как правило, имеют одновременно не только сильную антироссийскую, но и фундаменталистско-исламистскую идеологическую направленность. Последнее неприемлемо для И. Каримова, сделавшего однозначную ставку на построение светского государства. Прославление басмачества – это удел маргиналов, не пользующихся государственной поддержкой. Более того, узбекское государство само присматривает за ними на предмет связей с ИДУ и другими экстремистами. По этому вопросу сколько-нибудь серьезные угрозы России на фронтах «войн за историю» со стороны Узбекистана отсутствуют.

Гораздо сложнее ситуация в Киргизии и Казахстане. Так, есть ряд болезненных для местной интеллигенции и национал-патриотов исторических тем: это проблема присоединения Казахстана и Киргизии к России, национально-освободительная борьба народов этих стран в XIX в., восстание 1916 г., деятельность партии «Алаш» в Казахстане, коллективизация в Казахстане и голод 1932–1933 гг., целинная эпопея.

Из всего перечисленного стоит сконцентрироваться на двух темах. Это оценка факта вхождения в состав России и событий 1916 г. Они являются остроактуальными в Казахстане и Киргизии, активно обсуждаются в научном сообществе, а восстание 1916 г. благодаря патриархальности общества (прежде всего в Киргизии) и, соответственно, большому значению устного предания – вообще еще во многом живая память.

Вопрос о вхождении в состав России обсуждается в двух аспектах: было ли это необходимо, была ли альтернатива, а также был ли это акт добровольным? Исторические трактовки постепенно смещаются от толкования факта присоединения к России как «вхождения в состав России» к утверждениям, что это было в основном насильственное присоединение.

Здесь играет роль проделанная советскими историками огромная работа по дискредитации политики Российской империи

на территории Центральной Азии. Местным историкам оставалось только немного усилить акценты в описаниях «колониальной политики царизма», а фактический материал был собран (а если точнее – вырван из контекста) еще в советскую эпоху.

Результат «плодотворной деятельности советских ученых» мы наблюдаем сейчас, в XXI в. Уже в учебнике 2005 г. факт вхождения киргизских земель трактуется как «присоединение Россией Киргизии». Причем если в отношении Северного Кыргызстана речь еще идет о присоединении путем договоров и соглашений, а также вооруженным путем, то в отношении юга уже однозначно говорится, что «присоединение... происходило путем прямого завоевания» и с подавлением народного движения.

В мифологической трактовке подается в современной исторической литературе образ Российской империи и в Казахстане. С ее политикой связываются потеря независимости, прерывание поступательного развития государственности. 200-летнее пребывание в составе Российской империи трактуется как событие, оказавшее сугубо негативное влияние на развитие Казахстана. Здесь тоже прослеживается влияние советской историографии. Сложившийся у большинства историков образ Российской империи как врага репродуцируется в массовых масштабах в историческое знание и образование, что не может не вызывать тревогу. В связи с этим уместно процитировать известного эксперта Радика Темиргалиева: «Все бы ничего, да только вот, в отличие от сказок о казахском происхождении Чингисхана, необъективная интерпретация истории Казахстана XVIII–XX вв. может, во-первых, грозить обострением отношений между двумя главными этносами страны, во-вторых, привести к историографическим разборкам на уровне государств».

В своем объяснении концепции учебника истории для 5 класса как учебника нового поколения (введен с 2007 г.) профессор Т.П. Волкова подчеркивает, что главной определяющей всей истории Казахстана является «длившееся столетиями колониальное прошлое», которое, как следует из текста, окончилось только в XXI в., т.е. с наступлением независимости.

В описании сложного процесса принятия частью казахских родов российского подданства образ России предстает в виде коварного государства: «Россия решила воспользоваться положением казахов в своих политико-экономических целях»; «Используя присягу казахских правителей на верность, Россия под предлогом защиты казахов от внешней угрозы начала захватывать земли для

строительства крепостей и поселения на них русских казаков. Земли для перекочевков стали уменьшаться день за днем». Причем речь идет о середине XVIII в., когда проникновение России в казахскую степь было минимальным.

Образ России-колонизатора в современных реалиях экстраполируется и на Советский Союз. «Советское правительство конфисковало весь скот казахов, таким образом, намеренно подвергнув народ голоду, и до последнего наблюдало, как гибнут люди. С помощью оно не торопилось. Советскому Союзу не нужен был казахский народ со своей землей и скотом, сюда хотели переселить другие народы и разбить здесь лагеря». Стоит ли говорить, что при чтении учебников такого содержания наряду с сопереживанием трагедии своего народа возникает образ врага в лице русских, что может стать плодотворной почвой для развития национализма и ксенофобии в крайних формах.

В учебнике «Новейшая история Казахстана» для 9 класса под общей редакцией профессора Б.Г. Аягана написано, что «укрепление тоталитарной системы в Казахстане связано с именем Ф. Голощёкина». Утверждается, что «Голощёкин с согласия Сталина выбрал те методы коллективизации, которые не могли не вызвать полный развал казахского хозяйства и фактическое вымирание целого народа. Так был взят курс на широкомасштабный геноцид». На освобожденные земли, по мнению Б. Аягана, должны были быть переселены рабочие из Центральной России и Украины. Не очень понятно, откуда взято такое утверждение и зачем нужно было приводить его в школьном учебнике. Непонятно, если не осознать, что значительная часть современной казахской интеллигенции, в том числе и те, кто пишет учебники, – ярко выраженные националисты. И с ними ничего не может поделать и сам Н. Назарбаев, несмотря на всё его не единожды декларируемое стремление к евроазиатской интеграции.

В учебнике «История Казахстана» для 11-х классов общественно-гуманитарного профиля представлен период истории Казахстана с XVIII в. по настоящие дни. Согласно концепции авторов учебника, основное содержание этого периода, вплоть до 1991 г., составляет «национально-освободительная борьба казахского народа на пути к независимости». Эта формулировка является названием первого раздела учебника и подразумевает борьбу сначала против имперской власти России, а затем и СССР. С самого начала подчеркивается именно этническая составляющая российской власти. Прямо заявлено, что «национально-освободительная борьба

казахского народа рождалась при столкновении двух цивилизаций, двух этнических систем». Соответственно, определены и три периода национально-освободительного движения в Казахстане:

- конец XVIII – середина XIX в.;
- начало XX в., восстание 1916 г.;
- период советской власти.

Без приведения фактов и аргументов здесь делается весьма категоричное заявление: «...приведенные фактические материалы и выводы свидетельствуют о сложном пути национально-освободительного движения казахского народа и о том, что даже тоталитарный режим не смог подавить стремление его к свободе».

Как видим, присоединение к России оценивается и в Казахстане, и в Киргизии достаточно негативно. В лучшем случае – как меньшее зло. И вряд ли вступление этих стран в ЕАЭС изменит что-то в уже сложившемся историческом сознании... Во всяком случае, если плотно не работать над этой проблемой.

Существенное изменение претерпела и ситуация в отношении к восстанию 1916 г. Особенно радикальны эти изменения в Киргизии. Если в советское время оно рассматривалось как элемент классово-борьбы, то в современной киргизской историографии вопрос о восстании обсуждается в залого исторической вины России, а само восстание рассматривается как антироссийское и даже антирусское. Проведено несколько научных конференций, на которых были зафиксированы те оценки событий 1916 г., которые уже были даны в начале прошлого века, однако затем были скорректированы или игнорированы в более поздний советский период.

Эти оценки, предельно идеологизированные, написанные непрофессионально, зато с русофобских позиций, и легли в основу современного взгляда киргизских историков на восстание.

В широкий научный оборот старательно вводится информация о выселении киргизов с занимаемых ими земель. Ряд действий, предпринятых в этом направлении в ходе восстания, преподносится как система. Приводятся данные с числом жертв, достигающим якобы нескольких сотен тысяч человек. Разумеется, об убийствах мирных русских крестьян-переселенцев при этом умалчивается...

Справедливости ради надо отметить, что не все киргизские историки стоят на антироссийских позициях. Так, Шаиргуль Батырбаева, доктор исторических наук Киргизского национально-го университета имени Жусупа Баласагына, озвучивает совсем

другие цифры и точку зрения. По ее мнению, во время самого восстания погибли 4 тыс. киргизов, т.е. столько же, сколько было убито русских поселенцев – преимущественно женщин, стариков и детей. Всего же прямые и косвенные потери, в основном из-за панического бегства в Китай спасающихся от мести русских киргизов, составили 33,6 тыс. человек. Исследовательница, исходя из этих цифр и порядка развития событий, отрицает «геноцид» со стороны Российской армии, как пытаются доказать киргизские националисты. У нее хватило смелости сделать и заявление о причинах «жестокости» русских: когда «отряды, присланные для умирения бунта, увидели посаженные на вилы головы русских женщин и детей, то их реакция была соответствующая». К сожалению, такие ученые-объективисты не в большинстве среди современных киргизских историков.

Восстание занимает одно из ключевых мест в новой и новейшей истории Кыргызстана. В учебнике для 11 класса этому событию посвящено семь страниц (еще две страницы – Андижанскому восстанию 1898 г.). Для сравнения: параграф, посвященный Великой Отечественной войне, занимает лишь восемь страниц.

Как же описывается это восстание в учебнике? Какое представление формируется у старшеклассников о России и русских?

Сразу же говорится о «русификации Туркестана как основе колониально-националистической политики», о «произволе при расселении» русских переселенцев. Используются приемы, направленные на ложные ассоциации, например говорится, что русские покупали у киргиз ягнят по 80 коп. и телят по 1,5 руб., игнорируя, что это были вполне приличные деньги по меркам России, а мясо в регионе стоило дешево, и т.д.

Говорится о Первой мировой войне и о том, что участие в ней «легло тяжким бременем на плечи и без того угнетенного колонизаторским режимом» населения Киргизии. Далее идет прямая ложь, что «от трудностей, павших на все народы, киргизы не были освобождены». Как раз от призыва в армию киргизы были освобождены, а «героические повстанцы» убивали жен и детей ушедших на фронт поселенцев...

Более чем шадящий указ царя призвать часть мужского населения для работ во фронтовом тылу привел к тому, что, по мнению автора учебника, «народ был вынужден подняться с оружием в руках на открытую освободительную борьбу». Далее подробно излагается ход восстания, приводятся имена пяти героев и предводителей восстания, выделенные жирным шрифтом для запомина-

ния учащимися. Акцент делается на описании боевых действий, и только редкие упоминания о том, что восставшие «разгромили более 500 магазинов и лавок» в захваченном городе, показывают истинный характер восстания. Такого рода упоминания проскальзывают с советских времен, когда подобное поведение восставших считалось доблестью... Оттуда же и постоянные упоминания о «двойном гнете» киргиз – царским правительством и местными баями.

Вообще в киргизских учебниках бросаются в глаза многочисленные советские клише. Это неудивительно – исторические исследования в Кыргызской Республике осуществляются силами историков, работающих в Институте истории Национальной академии наук и на кафедрах высших учебных заведений. В штате института в 2007 г. работал 21 научный сотрудник, в том числе четыре доктора и 11 кандидатов наук. На тот момент в институте не было ни одного доктора наук моложе 60 лет и только один кандидат наук был моложе 35 лет. Нет никаких оснований полагать, что за прошедшие годы что-то в этом вопросе изменилось к лучшему.

Именно поэтому «историческая концепция» по вопросу восстания, по сути, представляет собой пересказ советской концепции времен 30-х годов. Всё те же «безграничная эксплуатация и невыносимый колониальный гнет и грабеж со стороны царского правительства», «тяжесть империалистической войны, тяжесть налогов, поборов на военные цели целиком ложилась на плечи трудящихся Киргизии и отражалась на их материальном благосостоянии».

Но эта концепция вполне ложилась в лозунги политических сил национально-патриотического характера, неоднократно организовывались акции, призванные подчеркнуть необходимость «восстановления исторической справедливости», признания и фиксации «вины» России и исторической ответственности царствовавшей в России семьи Романовых за геноцид киргизского народа. Еще в 90-е годы была создана и активно работала политическая партия «Асаба», которая разрабатывала в политических целях вопросы истории, главным образом связанные с утверждением националистических приоритетов. И главными вопросами были присоединение к России и восстание 1916 г. По настоянию этой партии и ее последователей парламент Киргизии в 2008 г. статуйровал как памятную дату День памяти жертв восстания 1916 г.

С приближением к 100-летию восстания оно становилось всё более и более популярным в контексте антироссийской пропаганды. В 2013 г. последовало обращение ряда политических сил и «гражданских активистов» к руководству республики¹².

Оно содержало следующие требования:

1) издать указ Президента КР о праздновании 100-летия Национально-освободительного восстания 1916 г. (Уркун) на государственном уровне;

2) с целью реализации указа по постановлению правительства создать комиссию в составе историков, археологов, писателей, аксакалов, определить мероприятия;

3) объявить конкурс на установление 100-метрового памятника к 100-летию на южных воротах города Бишкек;

4) установить 100 памятников и присвоить 100 улицам название 100-летия в районах, городах, айыл окмоту семи областей КР;

5) вторую часть – продолжение пешего хода «Омур кочу» провести до Китая;

6) организовать международные научно-практические конференции и экспедиции в составе историков, археологов, писателей;

7) снять фильм, посвященный 100-летию Национального восстания, выделить на это соответствующие средства; вернуть вновь в народную казну запрещенный фильм кыргызского народного артиста Д. Садырбаева «Кайран эл», показать по телеканалам;

8) объявить конкурсы на литературные произведения, драмы, песни, поставить в театрах;

9) построить мемориальный комплекс «Уркун ордо», музей, мечеть;

10) уточнить кыргызскую историю, обеспечить соответствующими учебными пособиями;

11) расценить резню 1916 г. (не Уркун) как политику геноцида царской России, проведенную против кыргызского народа;

12) поднять вопрос выплаты компенсации (кун-выкуп) Российской Федерацией Кыргызстану за невинно принесенных в жертву (убиенных) предков в Национально-освободительном восстании 1916 г.;

13) принять к действию донесение информации до международного сообщества о политико-историческом значении Национально-освободительного восстания 1916 г. на русском, английском, китайском и других языках.

Как представляется, пункты № 10–12 прямо противоречат интересам Российской Федерации. Отметим, что опубликовано это воззвание было в одной из старейших и крупнейших киргизско-язычных газет Кыргызстана.

Конечно, правительство А.Ш. Атамбаева, явно взявшее курс на политическое и экономическое сближение с Россией, игнорирует такого рода петиции. Но очевидно, что давление объединенных сил киргизских националистов и прозападных либералов будет только нарастать.

В 2014 г. неизвестные раздавали в микрорайонах Бишкека листовки, призывающие в честь грядущего 100-летия восстания отомстить русским. Организовываются памятные мероприятия, на которых, как о чем-то, что не может быть подвергнуто сомнению, говорится о 250 тыс. жертв «русских карателей». На тех же, кто позволяет себе поставить эти цифры под сомнение, оказывается моральное давление – вплоть до обвинений в разжигании межнациональной розни.

В 2016 г. следует ожидать раскрутки этой темы, научных и околонучных конференций и «круглых столов», посвященных ей, и вполне возможных массовых манифестаций. Здесь имеется раскрученный общественно-политический бренд, воспринимающийся как справедливый молодежью, воспитанной описанными учебниками и частью старшего поколения. Вокруг темы уже сложилась политическая массовка, располагающая в том числе и группами, способными действовать в условиях уличных беспорядков, что представляет дополнительную опасность.

Надо также помнить, что хотя в соседних Казахстане и даже Узбекистане эта тема не очень раскручена политически, это может быть сравнительно быстро изменено с опорой на наработки местных историков-мифотворцев.

Таким образом, можно уверенно заключить, что тема восстания 1916 г. в настоящий момент самая политически актуальная из всех рассмотренных исторических мифов в плане краткосрочных угроз интересам России на территории Центральной Азии.

Из сказанного можно сделать вывод, что становление новых государств в Центральной Азии сопровождается стремительным созданием там своих национальных мифов, важнейшим компонентом которых служит нарратив о великих предках. Как неоднократно бывало в других регионах мира, такой нарратив выстраивается по модели национального превосходства. Место главного героя истории занимает местный титульный народ. Отныне именно его

предкам предназначено совершать великие подвиги, создавать выдающиеся культурные достижения и, что немаловажно, оказывать влияние на предков тех, кто доминировал в предшествующую историческую эпоху, которую непременно объявят «колониальной».

В этот период создается и «галерея мучеников и героев», а также антигероев. По существу, создается новая концепция истории Средней Азии, которую можно назвать концепцией этнической исключительности. Ключевыми моментами этой концепции независимо от этнической принадлежности (иранской у таджиков или тюркской у остальных государствообразующих народов региона) того или иного ученого являются следующие моменты.

1. Признание своего народа древнейшим народом этого региона, обладателем древнейшей государственности в Центральной Азии, также весьма древним является и его самоназвание.

2. Гипертрофированно-максималистский ареал территорий расселения своего народа и его «естественных границ».

3. Возвеличивание своего народа и принижение культурно-исторической значимости других народов. Свой этнос выполняет миссию цивилизованного народа по отношению к другим, «варварским», народам.

4. Самый опасный – поиск «исконного» врага своего народа.

К счастью, с этого направления интересам России в Центральной Азии впрямую ничего не угрожает. Русские воспринимаются как «исторические враги» только достаточно маргинальными группами казахских и киргизских националистов, которым не дают развернуться собственные правительства. Но следует отметить, что в Казахстане эти националистические круги поддерживаются значительной частью гуманитарной и технической интеллигенции. И в случае изменения внутривосточной ситуации у националистов есть проработанные антироссийские концепции, с которыми можно претендовать на цивилизационный разворот Казахстана.

Вообще возрожденная идея пантюркизма, распространяемая как в кругах интеллигенции тюркских народов Центральной Азии, так и в среде простого народа, представляет хоть и отдаленную, но реальную опасность окончательного выпадения этих республик из орбиты цивилизационного влияния России. В этом главная угроза «поиска великих предков» в исполнении историков Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана и Узбекистана.

Что касается Таджикистана, то сформированный Э. Рахмоном и местной интеллектуальной элитой национальный миф глубоко дружественен России. При этом он глубоко враждебен узбекской национальной парадигме, что тоже может быть использовано на соответствующем направлении внешней политики.

Из исторических проблем, разрабатываемых историками Центральной Азии, актуальный конфликтный потенциал в краткосрочной перспективе имеют немногие. Это прежде всего проблема присоединения тех или иных земель Центральной Азии к России и так называемое Среднеазиатское (Степное) восстание 1916 г.

Обе проблематики наиболее актуальны в Казахстане и Киргизии. Тематика присоединения к России и якобы последовавших вслед за этим национальных трагедий глубоко прорабатываются казахскими историками и может быть использована местными националистами для дискредитации идеи ЕАЭС и проектов более широкой интеграции. В Кыргызстане эта проблематика менее проработана и менее актуальна вследствие экономического положения республики. Для нее ЕАЭС и сотрудничество с Россией слишком очевидное благо, чтобы его перевесили общефилософские исторические рассуждения.

Примечания

- ¹ *Фолк-хистори* – обобщенное название совокупности претендующих на научность, но не являющихся научными литературно-публицистических трудов и идейно-теоретических концепций на исторические темы, созданных в основном непрофессионалами с позиций исторического ревизионизма, при котором «новая» концепция строится на отрицании и / или игнорировании твердо установленных наукой фактов. Термин имеет российское происхождение и употребляется применительно к постсоветским реалиям.
- ² См., напр.: *Олейников Д.* Дмитрий Олейников против Мурада Аджи // История России в мелкий горошек. – М.: ЗАО «Мануфактура»: ООО «Издательство “Единство”», 1998. – С. 95–144.
- ³ История Казахстана: С древнейших времен до наших дней: В 4 т. Т. 1: Казахстан от эпохи палеолита до позднего Средневековья. – Алматы: Атамұра, 1996. – С. 13, 104.
- ⁴ *Акишев К.А.* Этнокультурная ситуация в древнем Казахстане // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана: Тез. докл. Всесоюз. конф. 20–23 ноября 1988 года / Ред. Б.А. Литвинский, Т.А. Жданко. – М.: ИЭА АН СССР, 1988. – С. 8–9.
- ⁵ *Абдакимов А.* История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): Учеб. пособ. 3-е изд. – Алматы: Казахстан, 2002. – С. 45.

- ⁶ *Артыкбаев Ж.О., Сабданбекова А.А., Абиль Е.А.* Рассказы по истории Казахстана: Учеб. для 5-го кл. – Алматы: Атамура, 2006. – С. 58, 68, 93–94.
- ⁷ *Жолдасбаев С.* История Казахстана. – Алматы: Мектеп, 2006. – С. 33, 46–48.
- ⁸ *Толубаев А.Т., Касымбаев Ж.К., Койгелдиев М.К., Калиева Е.Т., Далаева Т.Т.* История Казахстана: Учеб. для 10-го кл. – Алматы: Мектеп, 2006. – С. 68.
- ⁹ *Акаев А.А.* Кыргызская государственность и народный эпос «Манас». – Бишкек: Учкун, 2002. – С. 356–358, 368.
- ¹⁰ *Рахмонов Э.Ш.* Таджики в зеркале истории. Кн. 1: От арийцев до Саманидов. – Лондон; Душанбе, 2000. – С. 149, 218.
- ¹¹ *Усманов К.* История Узбекистана: Для академических лицеев и профессиональных колледжей. – Ташкент: ИПТД «O'qituvchi», 2008. – С. 199.
- ¹² Это были партии «Уй куруучулар», «Кайран эл», «Эл учун» и «Асаба», общественные объединения «Улуу Курултай», «Кыргыз эл», «Кырк кыз» и «Кыргыз Чоролору», общества «АКОС», «БАТА», «Чабыт», движения «Люстрация», «Ашар», «Манас эл» и «Объединенное национальное движение», фонды «Монгу» и «Манас Ата», центр «Кыргыз таануу».

*«Москва»,
М., 2016 г., № 7, с. 161–181.*

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

К. Азимов

Институт востоковедения, Узбекистан

КТО СТОИТ ЗА ПОПЫТКОЙ ПЕРЕВОРОТА В ТУРЦИИ?

Попытка переворота 15 июля 2016 г. в Турции до сих пор обсуждается в СМИ. В XX в. в этой стране уже имели место несколько переворотов: в 1960, 1971, 1980 гг., а также в 1997 г. Каждый раз в качестве инициаторов смены власти выступали военные, которые «исторически рассматривают себя в качестве гаранта турецкого государства, созданного в соответствии с заветами Кемаля Ататюрка»¹. Но с тех пор как к власти пришел Р.Т. Эрдоган, он уже неоднократно и довольно успешно предпринимал попытки по ограничению роли армии в стране. Особенно активно это было в 2007–2008 гг. Однако в последнее время казалось, что отношения с армией нормализовались, что логично объяснялось спокойной обстановкой в соседних странах – Сирии и Ираке, где идут боевые действия, а на своем Юго-Востоке курдские сепаратисты вошли в конфликт с центральной властью, добиваясь от нее признания автономии и культурной самобытности. Именно из-за активизации курдских повстанцев на юго-востоке страны осенью 2015 г. правительство дало разрешение военному командованию на проведение военных операций внутри страны².

В начале июля 2016 г. (за два дня до попытки переворота) президент Турции подписал законопроект, предоставляющий турецким военнослужащим иммунитет от судебного преследования во время участия во внутренних операциях по обеспечению безо-

¹ Опасные выражи Эрдогана. – <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1469640960>

² Почему в Турции сложились все предпосылки для военного переворота / <https://lenta.ru/articles/2016/03/11/erdogan/>

пасности в стране. Этот законопроект был попыткой наладить отношения между правительством и вооруженными силами, которые все чаще принимают участие в военных операциях в курдских районах¹. Таким образом, Эрдоган для достижения согласия с командующими турецких Вооруженных сил косвенно признал ошибочность своего прежнего политического курса на вытеснение военных из политической жизни Турции.

Сегодня, спустя полгода после попытки переворота в Турции, наиболее популярна версия о том, что Эрдогана попытались убрать США, так как он якобы мешает создать курдское государство, на которое Вашингтон сделал ставку. У самого Эрдогана список претензий к США за время, прошедшее после путча, значительно увеличился. Он считает, что вдохновителем переворота стал Фетхулла Гюлен, турецкий проповедник, живущий в США и которого США не выдают турецким властям.

Именно его Анкара обвиняет в организации попытки переворота 15 июля. Вопрос об этом обсуждался на встрече между Эрдоганом и Обамой в кулуарах саммита G20 в Китае. Наблюдатели даже говорили о «трещине» во взаимоотношениях двух государств. Напомним, что Турция вступила в НАТО в конце Второй мировой войны и была верным союзником США весь последующий период.

Ф. Гюлен родился в 1941 г. в городе Эрзурум в семье имама. Первую проповедь юный Фетхуллах прочитал в 14 лет, имамом стал в 19 лет. Дважды он совершил хадж, после чего его стали называть «Ходжа-эфенди». В 21 год его назначили вторым имамом в мечеть города Эдирне на западе Турции. В 1961–1962 гг. он служил в армии. В 1964 г. он возвратился в Эдирне, а в 1966 г. был направлен имам-хатыбом в третий по величине город Турции Измир².

Его проповеди отличались от лекций других имамов тем, что он обращал внимание мусульман на необходимость совершенствоваться, в частности он много пропагандировал изучение естественных и технических наук, а также экономики. Его выступления слушатели, записывали на видео, что способствовало их распространению. Считается, что на первых порах эти проповеди

¹ Вице-премьер Турции озвучил предполагаемые цели организаторов мятежа. – <http://www.interfax.ru/world/519045>

² Фетхуллах Гюлен – исламский сайентолог и масон из Турции. – <http://politpuzzle.ru/3652-fethullah-gyulen-islamskij-saentolog-i-mason-iz-turtsii/>

отражали влияние идей Саида Нурси¹, но к концу 1970-х годов он разработал свое собственное учение. Кроме того, Гюлен стал создавать школы, в которых обучение было основано на его теории, в программу были также включены разнообразные светские науки. В конце концов возникло движение, в котором приняли участие выпускники этих школ и добровольцы, разделяющие взгляды Ф. Гюлена. Точное количество последователей Гюлена неизвестно, так как членство как таковое отсутствует. Согласно подсчетам разных источников, количество последователей варьируется от 1 до 8 млн человек в разных странах². Численность последователей в Турции оценивается примерно в 5 млн человек³. Движение «финансирует все свои проекты из пожертвований рядовых членов сообщества и не принимает какую-либо правительственную помощь»⁴.

В 1990-е годы Гюлен опубликовал работы, пропагандирующие диалог между разными этническими общинами и конфессиями. Реализуя свои идеи, Ф. Гюлен встречался с папой Иоанном Павлом II, с патриархом Греческой православной церкви Бартоломеосом, главой израильских сефардов рабби Бакши-Дороном, с американском кардиналом Джоном О'Коннором. Среди трудов Гюлена (он написал более 60 книг) обращает на себя внимание книга «В сторону глобальной цивилизации любви и толерантности»⁵.

¹ Саид Нурси родился в 1876 г. на востоке Турции, вблизи города Эрзурум. Под влиянием суфизма он стал в родной провинции влиятельным богословом. В момент создания Турецкой Республики он выступал с лекциями, считая, что государственные органы недостаточно уважают ислам. Он также выступал за принятие конституции, основанной на принципах ислама. Однако его точка зрения была абсолютно противоположна позиции Кемаля Ататюрка с его светским и секулярным видением развития государства. Отказавшись от публичной деятельности, он создал новое мистическое направление, целью которого является сохранение набожности населения и строгое соблюдение им канонов религии.

² Morris Ch. Turkey accuses popular Islamist of plot against state. *The Guardian*. 01.09.2000.

³ Почему личный конфликт между Эрдоганом и Гюленом вылился в военный переворот. – https://www.gazeta.ru/politics/2016/07/23_a_9707429.shtml

⁴ Некоторые турецкие СМИ также писали, что студенты, получившие образование в школах Гюлена, отдавали свою первую зарплату в полицию его организации в знак благодарности.

⁵ Suzy Hansen. «The Global Imam», the *New Republic*, November 2010. URL: <https://newrepublic.com/article/79062/global-turkey-imam-fethullah-gulen>

Впоследствии Движение вышло за пределы Турции. В разных странах мира – в Центральной Азии, России, на Балканах, в Монголии, Бангладеш и в некоторых западных странах – он основал около 1400 школ, лицеев и других культурных и образовательных учреждений, где учились не только мусульмане, но и представители других конфессий¹. Главной идеей Ф. Гюлена является воспитание элиты для стран, где исповедуют Ислам. Большинство исследователей деятельности Гюлена сходятся во мнении, что его Движение не стремится к подрыву светского характера турецкого государства, призывая соотечественников-мусульман, соблюдающих все предписания религии, пользоваться также благами, которые предлагает им современное общество.

В октябре 2007 г. Движение Гюлена (его традиционно называют «Хизмет» – служение, – тур. яз.) организовало в Лондоне конференцию, где рассматривались проблемы межрелигиозного диалога, культурного обмена и др., участие в которой приняли несколько британских университетов. В своих выступлениях Гюлен неоднократно осуждал теракты 11 сентября, в частности, деятельность Усамы бен Ладена.

Гюлен пытается соединить ислам и современность, показать, что ислам не вступает в конфликт с модернизацией. Идеи Гюлена проникнуты турецким национализмом и стремлением сочетать религию и неолиберальную экономическую политику. Можно считать, что Гюлен позиционировал себя как носителя современной миролюбивой суфийской исламской традиции, адаптированной к сегодняшнему миру. Гюлен считает, что главная ценность современного мира – знания, именно для этого он создал сеть учебных заведений. Таким образом, главная цель Гюлена – это вовлечь мусульман в современные процессы, демократию, рыночную экономику, а также вернуть Турции статус региональной сверхдержавы.

С 1998 г. Гюлен живет в большом имении в Восточной Пенсильвании (США). Выехав на лечение диабета, на родину он уже не возвращался. Его приезд в США долгое время оставался незамеченным. В тот период в турецкой диаспоре доминировали раз-

¹ В арабских странах школ Гюлена нет, так как там его считают агентом США и даже ЦРУ.

личные ассоциации кемалистов¹. Это объясняется социальным составом турецкой общины в Соединенных Штатах. В отличие от Европы, где турецкие иммигранты 1960–1970-х годов в основном были представлены рабочими из глубинных районов Анатолии, обладающими консервативным религиозным мировоззрением, турецкая иммиграция в США в основном состояла из студентов и представителей элиты, исповедующей кемалистские взгляды. Даже мощная «*Millî Görüş*»², столь популярная в Европе, была мало известна в Америке. Так что, когда Фетхуллах Гюлен приехал в Соединенные Штаты, его последователи были плохо организованы. Тем не менее в кратчайшие сроки возникло множество культурных и образовательных ассоциаций, членом которых называют «гюленистами», т.е. вдохновленными идеями Гюлена.

Пришедшая в 2002 г. к власти в Турции Партия справедливости и развития сначала положительно оценивала успех Гюлена в Соединенных Штатах, поскольку действия турецкой дипломатии и сетей Ф. Гюлена имели общие интересы, побуждающие к сотрудничеству. Сегодня эта сеть построена вокруг личности самого Фетхуллага Гюлена. Он сам и его представители участвовали в работе экуменического диалога, что до него не делал ни один мусульманский деятель. Как мы уже отмечали, он участвовал в различных встречах с христианскими и иудейскими духовными лицами. В США Гюлен продолжил свою деятельность, общаясь с представителями американской интеллектуальной элиты. В 2013 г. Гюлен был включен в число сотни самых влиятельных людей мира по версии американского еженедельного журнала «*Times*» (Нью-Йорк), в список 500 самых влиятельных людей мира, по версии другого американского журнала «*Foreign Policy*», при этом он занял 11-е место в списке наиболее влиятельных мусульман. Благодаря его идеям в Соединенных Штатах возникла дискуссионная платформа «*Руми форум*», которая предложила представителям ислама, христианства и иудаизма совместно обсуждать насущные проблемы современности.

¹ Sebem Akçapar-Köser. Turkish Associations in the United States: Towards Building a Transnational Identity, *Turkish Studies*, Vol. 10, N 2, June 2009, pp. 165–193.

² «Милли гёрюш» (национальный взгляд – тур. яз.) осн. в 1969 г. Н. Эрбаканом опубликован происламский манифест «*Millî Görüş*». На основе этой идеологии им было создано несколько политических партий, большая часть из которых была запрещена. Имеет большое распространение среди турок в Германии.

Однако на родине уже вскоре после своего отъезда, Гюлен был обвинен в том, что он внедряет своих сторонников в общественную и государственную сферу Турции с целью разрушения светской системы государства. С 1980-х годов группа последователей Гюлена рассматривалась как возможная угроза республике. В 1986 г. военный суд вынес соответствующее определение, касающееся группы сторонников Гюлена в турецкой военной академии. С тех пор турецкие военные периодически обвиняют его в попытках внедрить своих последователей в госструктуры. Против Гюлена в Турции был начат уголовный процесс, который был закрыт в 2008 г. за отсутствием состава преступления. Решением кассационного суда Турецкой Республики, вступившим в законную силу 12 сентября 2008 г., было признано, что Фетхуллах Гюлен «не создавал опасности для существования Турецкой Республики, не содействовал изменению существующего строя, не наносил вреда авторитету государства, не предпринимал никаких деструктивных действий по отношению к государству, не захватывал власть в стране, не создавал террористические организации и не руководил какими-либо группами, которые действовали с применением методов насилия, давления, устрашения, запугивания, подавления или угрозы»¹.

Дело против Гюлена в Турции началось со скандала, который возник из-за выступлений Гюлена, хотя сам он утверждает, что его слова, вырванные из контекста, были неправильно истолкованы. Еще в 1990-е годы Ф. Гюлен заявил, что мечетей в Турции гораздо больше, чем требуется населению, а вот школ не хватает². Это заявление было неоднозначно встречено руководством страны.

В годы правления военных последователи Гюлена всемерно способствовали формированию и становлению происламской Партии справедливости и развития. Гюлен также сыграл большую роль в возвышении нынешнего президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана в качестве политического деятеля первой величины. Есть мнение, что кемалисты в 1980-е годы охотно использовали гюленовские формы политического ислама в противовес бывшему премьеру Турции и лидеру политического исламизма

¹ НГ-Религии, 18.01.2012.

² Почему личный конфликт между Эрдоганом и Гюленом вылился в военный переворот. – https://www.gazeta.ru/politics/2016/07/23_a_9707429.shtml

Н. Эрбакану¹. Но после того как военные избавились от Эрбакана, они отвернулись и от Гюлена. Н. Эрбакан был отнюдь не богословом, а амбициозным политиком, который стремился использовать ислам как полноценное политическое средство. Учеником Эрбакана был Реджеп Тайип Эрдоган.

Гюлен и Эрдоган какое-то время сотрудничали. Среди приближенных к Эрдогану были выходцы из Движения Гюлена. Потом их пути стали расходиться. Сначала это была разная оценка событий, связанных с акцией, организованной турецким фондом гуманитарной помощи, прав и свобод человека², а затем с обвинениями Гюлена в адрес нескольких министров из правительства Эрдогана, которых подозревали в коррупции. Требование уволить нечистых на руку министров привели к тому, что отношения между Эрдоганом и Гюленом испортились. Многие непопулярные внутривластные решения и ошибки Анкары во внешней политике³ заставили Гюлена коренным образом изменить свое мнение об Эрдогане, которого он стал часто и резко критиковать. Конфликт обострился в 2013 г., когда Гюлен жил уже в США. Проповедник раскритиковал жесткие меры полиции по отношению к протестовавшим против застройки парка Гези в центре Стамбула. После гибели нескольких человек мирные протесты переросли в массовые демонстрации по всей Турции. Эрдоган объявил организатором протестов сторонников «Хизмета». И в том же году, как бы в подтверждение правоты Гюлена, случился громкий скандал, в результате которого 52 высокопоставленных чиновника из партии Эрдогана были арестованы по обвинению в коррупции. И снова прозвучали призывы к отставке правительства. Эрдоган (тогда еще премьер-министр) ответил на это требованием закрыть школы «Хизмет», назвав Движение террористической организацией, цель которой – свергнуть правительство.

¹ Неджметтин Эрбакан (1926–2011) – турецкий политик, премьер-министр Турции с 28 июня 1996 по 30 июня 1997 г. Считается основателем «политического ислама» и политическим наставником нынешнего президента Р. Эрдогана.

² Речь идет о попытке прорвать блокаду Газы израильской армией и доставить гуманитарный груз палестинцам.

³ Накануне президентских выборов в Турции (август 2014) стало известно о том, что Эрдоган знает и, возможно, контролирует поставки оружия в Сирию. Именно гюленисты в США сообщали о том, что Анкара поддерживает джихадистские группы в Сирии.

В марте 2016 г. под контроль внешней администрации перешла одна из крупнейших в Турции газет «Zaman», которую около-эрдогановское окружение посчитало «прогюленовской». Уже в апреле было задержано почти 90 человек, подозреваемых в связях с «Хизметом». В мае Эрдоган вновь публично заявил, что Движение Фетхуллага Гюлена занимается террористической деятельностью. 14 июля 2016 г. газета «Sabah» сообщила, что прокуратура Анкары собирается направить официальный запрос в Минюст США об экстрадиции Гюлена¹.

Действительно ли сторонники Гюлена организовали путч или Эрдоган сам инсценировал его для того, чтобы избавиться от воспитанников «Хизмет», которые мешают ему реализовать собственные амбиции, пока точно сказать нельзя. В пользу второй версии свидетельствует то, что Эрдоган однозначно хочет восстановить в Турции традиции османского халифата, но, вероятно, опасается, что сторонники Гюлена, а также кемалисты помешают ему в этом. Эрдоган, выпускник стамбульской школы имамхатыбов, в момент, когда стало очевидно, что путч провалился (или инсценировка удалась!), в своем громадном дворце Ак-Сарай в Анкаре лично произнес *азан* (призыв на молитву), который транслировался на всю страну, что можно рассматривать как победный аккорд.

Сразу после подавления попытки переворота Анкара попыталась навязать турецкому общественному мнению версию о том, что именно Гюлен является основным инициатором путча. Однако образ престарелого проповедника, пользующегося громадным уважением как в Турции, так и за ее пределами, не позволяет сделать однозначный вывод, тем более что неопровержимых доказательств нет. Однако отсутствие доказательств не означает, что движение Гюлена не имеет отношения к путчу.

Обвинения в адрес Гюлена и его последователей позволяют Эрдогану провести чистку в армии, спецслужбах и госаппарате. «Генеральная уборка», которую пообещал премьер-министр Бинали Йылдырым, превзошла все ожидания. В условиях чрезвычайного положения были опубликованы три постановления об увольнениях. 28 августа лидер НРП Кылычдароглу заявил, что правительство зашло слишком далеко в этом плане, указывая на то, что в ходе военных переворотов 12 марта 1971 г. и 12 сентября 1980 г. «гораздо меньше людей были арестованы». Выступая 5 сентября,

¹ С 2014 г. турецкий суд трижды выдавал ордер на арест Ф. Гюлена.

он напомнил, что чрезвычайное положение не должно использоваться для того, чтобы заключить в тюрьму «всех недругов».

На самом деле, с 15 июля, почти все учреждения государственного сектора пострадали от чисток, в том числе: Министерство образования – 28 163 увольнения; Департамент здравоохранения – 2018 увольнений; Министерство сельского хозяйства – 733; Департамент по делам семьи – 439; Департамент иностранных дел – 215; Управление по делам религии – 1519; Министерство внутренних дел – 369 увольнений, среди которых 24 префекта и 102 суб-префекта, плюс 7669 сотрудников полиции, включая 852 руководителей, 323 сотрудников жандармерии и 2 сотрудников береговой охраны. Последние две службы находились под руководством министра внутренних дел, который был отправлен в отставку 31 августа по непонятным причинам. В Министерстве юстиции было уволено 3390 сотрудников; в администрации премьер-министра – 302; в турецких университетах – 2346 сотрудников; в службах социального обеспечения – 605 и в общественном телевидении – 312 человек¹.

Эти мероприятия были подкреплены временными увольнениями и заявлениями об отставке, которые были предложены в частных учебных заведениях (школы, колледжи, университеты), в бизнес-сообществе (ропуск бизнес-организаций гюленистов), профессиональных учреждениях, объединениях, средствах массовой информации, спортивных федерациях... К этому добавляются около 15 тыс. военнослужащих, арестованных во время переворота или уволенных позже. Военные академии были распущены и заменены «университетами армии национальной обороны». Эта чистка показывает, без сомнения, реальность влияния движения Гюлена в обществе и турецком государстве, но есть риск, что многие из уволенных на самом деле не были связаны с запрещенной организацией.

4 сентября Бинали Йылдырым, премьер-министр Турции, выступая в городе Диярбакыр, объявил, что дипломы 14 тыс. учителей будут приостановлены. По его словам, эта мера будет принята «в качестве меры предосторожности», и процедура будет такой же, как та, которая применяется для лиц, преследуемых за их взаимоотношения с «Фето» (*Fethullaç+Tepop Örgütü* – термин в настоящее время закреплен в турецких официальных кругах,

¹ Marcou J. Où va la Turquie? – <http://ifeaistanbul.net/lt.php?id=ZRgNAFREUwFSRFACC1Y>

чтобы обозначить Движение Гюлена). Для лиц, обвиненных в попытке переворота, предлагалось ввести смертную казнь.

В Европе действия турецких властей вызвали неоднозначную реакцию. Члены Европейского союза обвинили турецкие власти в нарушении международного права. Еврокомиссар по политике соседства Йоханнес Хан 18 июля заявил, что «списки военных, арестованных по обвинению в подготовке и участии в госперевороте, очевидно были подготовлены заранее»¹. Кроме того, глава европейской дипломатии Ф. Могеррини заявила, что намерение Анкары вновь ввести смертную казнь, закрывает для Турции перспективы вступления в Евросоюз.

Спустя несколько дней после неудавшейся попытки переворота возникла новая версия. Ее озвучил министр труда Сулейман Сойлу (Süleyman Soylu), заявив, что организатором были США... Похоже, что на этот раз Анкара решила сыграть на традиционных антиамериканских настроениях, весьма популярных среди турок. И в этой версии Гюлен выглядит как идеальный преступник, назначенный турецкими властями с целью достижения сплоченности нации. Его представляют «предателем», находящимся под защитой вероломной Америки.

Какова бы ни была правда, и степень вовлеченности Америки и Гюлена в переворот в Турции, можно констатировать, что Эрдоган получил возможность избавиться от всех, кто не внушал ему доверия, в первую очередь от армейской верхушки. Это позволило Эрдогану еще раз обвинить Гюлена, снизить его авторитет среди турецкого народа, а также отвести внимание от своих собственных ошибок. При этом Эрдоган почти уверен в народной поддержке, которая в очередной раз позволит укрепить национальное единство и утвердить свою власть.

Анализ событий лета 2016 г. может занять много времени. Все усилия турецких властей брошены на то, чтобы выяснить степень участия гюленистов в подготовке переворота и попытке его осуществления. Но уже очевидно, что турецкие власти будут эксплуатировать этот фактор с тем, чтобы убрать своего главного противника, объявив его «врагом народа и нации». Есть также мнение, что таким образом власти хотят показать Западу, что

¹ Месть Эрдогана напугала Запад. – https://www.gazeta.ru/politics/2016/07/18_a_9699197.shtml

Анкара не допустит поддержки Гюлена извне, даже если это будут партнеры Турции по НАТО¹.

P.S. Размышляя о событиях лета 2016 г. в Турции, на память невольно приходит фраза «А был ли мальчик?» Воспитанные на русской литературе помнят о том, что она прозвучала в романе А.М. Горького «Жизнь Клима Самгина». По сюжету главный герой отправляется с двумя детьми, мальчиком и девочкой, кататься на коньках и в какой-то момент дети проваливаются в полынью и тонут. Девочку нашли, а мальчика нет. Уставшие от бесплодных поисков люди стали задавать вопрос: «Да был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было?»

P.P.S. Моя коллега в сентябре 2016 г. получила письмо из французского Института анатолийских исследований (Стамбул), в котором руководство Института уведомляло ее о программе мероприятий на ближайшее время. Письмо начиналось со слов: «Мы возобновляем свою деятельность после так называемой “попытки государственного переворота”». Таким образом, вопрос: «А был ли мальчик?» – задавали себе не только мы.

*«Экономические, социально-политические
и этноконфессиональные проблемы афро-азиатских
стран. Памяти Пахомовой Л.Ф.»,
М., 2016 г., ИВ РАН, с. 46–53.*

А. Яковлев,

доктор исторических наук, профессор,
факультет мировой политики МГУ

им. М.В. Ломоносова,

ведущий научный сотрудник Института
востоковедения РАН

ВЛАСТЬ И НАСИЛИЕ В САУДОВСКОЙ АРАВИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕЛЕЙ И МЕТОДОВ В НАЧАЛЕ XXI в.

Аннотация. В статье рассматриваются разного рода изменения, происшедшие в политической жизни королевства Саудовская Аравия в первое десятилетие XXI в., отражающие состояние переходности общества и государства от традиционного к современному состоянию.

Ключевые слова: монархия, модернизация, конфликты.

¹ Месть Эрдогана напугала Запад. – https://www.gazeta.ru/politics/2016/07/18_a_9699197.shtml

Завершение процесса социально-экономической модернизации в Саудовской Аравии к концу XX в. обострило проблему соответствия политической системы и норм политической жизни значительно изменившемуся состоянию общества и социально-экономических условий его существования. За полтора десятилетия XXI в. в арабском мире произошли серьезные политические изменения, связанные как с внутривнутриполитическими процессами, так и воздействием внешнего фактора. Серьезные перемены происходят и в мировой системе. Всё это не могло не отразиться на политической культуре и политической жизни саудовского общества и саудовского государства, побуждаемого отвечать на вызовы времени и адаптироваться к условиям современного мира.

Современное саудовское государство было создано в начале XX в. в условиях и по нормам досовременного общества. Насилие было естественным и рациональным инструментом власти семьи Аль Сауд для формирования централизованного государства в условиях раннефеодального общества Аравии (впрочем, наряду с иными инструментами – подкупом шейхов отдельных племен или установлению с ними матримониальных связей).

В то же время не стоит и преувеличивать значение этого инструмента как сугубо «аравийского».

«Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (т.е. считающееся легитимным) насилие как средство, – отмечал М. Вебер. – Таким образом, чтобы оно существовало, люди, находящиеся под господством, должны подчиняться авторитету, на который претендуют те, кто теперь господствует» [Вебер, 1990, с. 646].

Понятия «власть», «насилие» и «авторитет» в то время оказались равнозначными. Уровень политической культуры весьма разнородного, но в целом досовременного аравийского общества был таков, что семья Аль Сауд получила согласие населения разных частей Аравии (подданных) на ее господство путем как принуждения, так и свободного согласия, и тем самым обрела легитимность. Насилие в той или иной форме стало основным методом объединения различных племен Аравии вокруг семьи Аль Сауд, как это было в эпоху раннего феодализма и в европейских странах. Иначе и быть не могло в условиях относительной экономической самостоятельности населения разных районов Аравии, сохранявшегося племенного уклада жизни и только утверждаемого принципа абсолютного верховенства королевской власти. Психологию

благородного бедуина в отношении к семье Аль Сауд, на мой взгляд, передает старая пословица: «Если не можешь ударить эту руку, поцелуй ее» [Абуриш, с. 16].

Сфера политики изначально была закрыта для народа и общества, политические функции делегировались шейхам племен, улемам и торгово-ростовщической верхушке городского населения. Функции политических партий при этом выполняли семейные, родовые, земляческие и религиозные общности и объединения. В условиях формирования абсолютной монархии в начале XX в. население оставалось в средневековом времени и сознавало себя не данниками Ибн Сауда, а свободными членами *уммы*, подчиняясь не только силе власти, но авторитету шейхов. По выражению Х. Армстронга, «Ибн Сауд стал властителем Аравии (Lord of Arabia) благодаря силе своей личности и силе своего оружия» [Armstrong, p. 291]. Такое сохранение элементов племенного сознания стало важной чертой формирующейся новой политической культуры общества.

Среди изначально характерных черт саудовской политической культуры следует выделить как очевидный идеал – государство первых, «праведных» халифов, основанное на неуклонном соблюдении норм шариата; племенные принципы как символ общинного демократизма; жесткую властную вертикаль, организующую единое централизованное государство; делегирование основной массой населения своих политических прав верхушке общества.

Таким образом, политическая власть в Саудовской Аравии, как и в любом ином государстве, оказалась связана с насилием как необходимым и законным атрибутом государства, обладающего монополией на его использование. Применение насилия регламентировалось и смягчалось нормами ислама и племенной традиции. Особенностью саудовской политической культуры и политической системы стало выработанное в 1910–1930-е годы определенное соотношение насилия и согласия для сохранения политического порядка, т.е. стабильности социально-экономического строя и воспроизводства существующего режима.

Но в дальнейшем, когда начальная цель – создание единого государства под властью семьи Аль Сауд была достигнута, упрочение государственности происходило также с использованием насилия. Можно вспомнить и подавление сопротивления отдельных племен во второй половине 1930-х годов, и репрессии против

работников на нефтепромыслах компании АРАМКО в конце 1940-х – начале 1950-х годов.

Изменение политической культуры в королевстве прямо связано с проведением властью в 1960–1970-е годы модернизации общества. Естественной частью этого процесса стали, с одной стороны, постепенное развитие и усложнение различных государственно-правовых институтов (создание Министерства юстиции, Высшего юридического совета), а с другой – более заметные перемены в мировосприятии и мировоззрении образованной части саудовского общества, включенного в современный уклад жизни. Выпускники саудовских и американских университетов уже не могли не сознавать противоречия между нормами западной модели индустриального и демократического мира второй половины XX в. и реалиями Саудовской Аравии с господством патриархального уклада жизни. Отдельные преобразования в государственном аппарате не затрагивали основ государственности – ее авторитарный характер, непосредственную связь с исламскими принципами и племенными традициями.

Глава государства – король – по-прежнему воспринимался не только как аналог европейского монарха, а в ином качестве – хранителя двух святых мест ислама, имама и шейха шейхов. Монарх олицетворял собой законодательную, исполнительную и судебную власть, однако «на практике король передавал эти функции государственным учреждениям, институтам или личностям...» [Васильев, 1999, с. 514]. Абсолютный характер власти монарха ограничивали также нормы ислама в виде коранических предписаний (например: сура 42, аяты 36 и 38) и традиции племенного уклада (издавна принятая консультативно-совещательная практика).

Политическая система в 1960–1970-е годы сохраняла свой характер, а значит, и способы и методы своей защиты. Примеры тому – расстрел демонстрации противников создания телестанций в Джидде и Эр-Рияде в июле 1965 г., жестокие репрессии против участников военного заговора в 1969 г., наказание принцессы Мишаа и ее супруга в январе 1978 г., наконец, разгром мятежников, захвативших Большую мечеть в Мекке в ноябре 1979 г.

В то же время буквальному применению понятий «абсолютизм» и «авторитаризм» к политической жизни в Саудовской Аравии противоречили нормы шариата, по которому все люди равны перед Аллахом, а также сохранявшиеся прочные традиции племенной демократии. Подданные приносили клятву верности

королю по принципу «послушание есть повиновение» и в случае процветания, и в случае бедствия. Открытая и непосредственная связь верховного правителя и его народа выражается поговоркой «вождь народа является его слугой». Любой саудовец мог обратиться к королю по имени, король и наследный принц еженедельно выделяли день для приема подданных, которые, впрочем, могли подать и письменное прошение прямо на имя главы государства.

В большинстве арабских стран возникшие в первой половине XX в. политические системы изменялись в большей или меньшей степени под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. При сохранении форм правления и типа государственного устройства политические режимы должны были реагировать на вызовы модернизированного арабского общества, становившегося всё более образованным и усваивавшего нормы жизни индустриального буржуазного общества. Определенное воздействие на политические процессы оказывал и внешний фактор в лице стран Запада.

Противоречия и конфликты, возникавшие между обществом и / или его активными сегментами, вели к изменению политического баланса в обществе. Однако в политической культуре арабских стран вопреки логике модернизации наряду с возрастанием активности образованной прозападной молодежи усиливались традиционные настроения. Тем более это было характерно для королевства, несмотря на внешние черты вестернизации общественной жизни.

В Саудовской Аравии не произошло разделения политики и религии, так как вся общественная и государственная жизнь королевства скреплена стержнем ислама. Главным субъектом политической жизни по-прежнему оставалось государство, часто – лидер государства, поэтому борьба за изменение баланса политических сил разворачивалась вокруг него. В этом вполне проявляется специфическая черта мусульманской политической культуры – сохранение и признание власти харизматического лидера, освященного духовной властью (основанием считается 42-я сура Корана: «Он отвечает тем, которые уверовали и творили благое...» и «посылал посланника и открывал ему по Своему изволению, что желал»).

В то же время меньшее значение имели традиционные для западной культуры политические институты (органы исполнительной, представительной и судебной власти, тем более что отсутствовали политические партии и профсоюзы, свободные

СМИ). Лишь один институт государственности – армия – сохранял и сохраняет значение в политической жизни арабских стран и скорее потенциально в Королевстве.

В Саудовской Аравии, как и во всей группе нефтяных монархий Персидского залива, не ставятся под сомнение форма и базовый тип государственности (абсолютная исламская монархия), однако следует отметить новые основы их государственности, существенно дополнившие традиционные – Коран, исламское право и племенной уклад жизни. Это прежде всего акт конституционного значения – Основной закон (низам), принятый в Саудовской Аравии в 1992 г., и созданный тогда же орган, выполняющий формально парламентские функции, – Консультативный совет. Эти атрибуты современной государственности стали ответом на нарастающее давление времени.

Да, королевство остается авторитарным государством, но власть использует насилие избирательно и только против оппозиционных сил, реальных или предполагаемых. Таким образом, за последние десятилетия произошел переход от «жесткого авторитаризма» к «умеренному авторитаризму» [Желтов, Желтов, с. 290–295]. Этот переход отвечает уровню сознания жителей модернизированного королевства и изменившейся политической культуры.

В созданном за несколько десятилетий современном индустриальном буржуазном обществе сформировались новые социальные силы: средние городские слои – мелкая, средняя и крупная буржуазия, национальная интеллигенция, широкий слой бюрократии и служащих, наемные рабочие и техники, военнослужащие (см. ниже).

Формальные показатели социального развития вполне положительные. Характерный показатель – число автомобилей на 1 тыс. человек – в Саудовской Аравии составляет 472 автомобиля (для сравнения в Бельгии – 483, в Швеции – 466). Неожиданным следствием модернизации стало изменение рациона питания вчерашних бедуинов, что породило скачкообразный рост числа людей, страдающих ожирением: в Саудовской Аравии 23,0% населения, в Кувейте – 29,6, ОАЭ – 24,5% [*Мир в цифрах*, 2013, с. 62, 77].

Об итогах модернизации в Саудовской Аравии свидетельствуют не только цифры объема ВВП и доходов от нефти, но и современная инфраструктура, высокий уровень жизни большинства населения. Примечательно, что по такому показателю, как Индекс развития человеческого потенциала, Королевство занимает

вполне достойное 54-е место (77,0) – между Мексикой и Панамой [Мир в цифрах, 2013, с. 18].

Молодые люди в обязательном порядке получают бесплатное начальное и – большая часть среднее и полное среднее образование, более половины – высшее образование [Annual Report, 2010, р. 202]. По инициативе наследного принца, позднее короля Абдаллы ибн Абдель Азиза, к концу XX в. была осуществлена полная компьютеризация национальной системы образования. Изменена программа обучения: предусматривается увеличение часов на изучение точных наук и возможность выбора учащимися курсов по собственным интересам. Это прямо противоречит традиционной методике обучения, в основе которой лежали зубрежка и послушание.

Однако решение старых проблем неизбежно порождает новые. Вследствие экономического спада и колебания нефтяных цен безработица в стране превысила 10% и растет в последние годы за счет молодых людей, имеющих преимущественно среднее и высшее образование и стремящихся получить место на государственной службе. Свою роль играет и давнее пренебрежение коренных жителей королевства (бедуинов-кочевников) к «грязной работе». В 2009 г. общее число безработных составляло 463 тыс. человек, из них 161,1 тыс. имели среднее образование, 258,7 тыс. – высшее [Annual Report, 2010, р. 221]. Между тем пустующие вакансии на сотнях промышленных предприятий и инфраструктурных объектов по-прежнему заполняют иностранные работники.

Корни такого отношения к техническим специальностям и работе на материальном производстве лежат в памяти саудовского общества о презираемых рабах и ремесленниках, занятых физическим трудом. В 2010 г. из общего числа студентов и аспирантов высших учебных заведений и колледжей – 706,9 тыс. человек – лишь 86,7 тыс. человек обучались по техническим специальностям [Annual Report, 2010, р. 204, 380]. Это стало одной из причин существования на постоянной основе в нефтяных монархиях Аравии миллионов иностранных работников (инженеров, техников, рабочих), составляющих большинство занятых в промышленности (кроме нефтяной), ЖКХ и инфраструктуре этих стран. В 2010 г. в Саудовской Аравии проживало 18,5 млн коренных жителей и 6,8 млн иностранцев, при этом соотношение самодостаточного населения составляло соответственно 4,3 млн саудовцев и 4,3 млн иностранцев [Annual Report, 2010, р. 204]. Высокий уровень социального обеспечения всех коренных жителей Коро-

левства благодаря доходам от нефти, а также возможность легко (до недавнего времени) устроиться на государственную службу мешают удовлетворению спроса рынка труда на технические кадры из числа коренных жителей. Например, на промышленных предприятиях частного сектора Королевства в 2010 г. соотношение саудовцев и иностранцев составляло (тыс. человек) в сельском хозяйстве и рыболовстве – 8,4 и 527,4, обрабатывающей промышленности – 83,4 и 649,0, строительстве – 184,2 и 2 692,4, торговле – 180,2 и 1 377,7 [Annual Report, 2010, p. 225]. Эмир Наиф ибн Абдель Азиз, будучи министром внутренних дел, сказал по этому поводу:

«Мы не можем укорять лишь бизнесменов в медленных темпах саудизации [рабочей силы]. Часть вины должна взять на себя и наша молодежь. Молодые люди должны готовить себя для любой работы. Их желание работать даже за небольшое вознаграждение побудит работодателей дорожить ими и повышать им зарплату» (цит. по: [Филоник, Вавилов, с. 118]).

В то же время произошли качественные перемены в государственном и административном аппаратах, повысилось качество и эффективность работы. Об этом свидетельствуют данные мировых организаций по Саудовской Аравии. Показатель «уровень деловой среды» (коррупция, волокита) на 2011 г. понизился и для регистрации новой компании теперь требуется всего пять дней, так же как в Канаде и Португалии [Мир в цифрах, 2013, с. 55].

Однако статистические показатели успеха лишь прикрывают негативные тенденции в социально-политической сфере: проблема безработицы среди образованной молодежи из коренного населения потенциально может обернуться взрывом «молодежного бунта», как это произошло в арабских странах весной 2011 г. Благодаря доходам от нефти правительство еще долгое время может смягчать недовольство, сохраняя достаточный уровень материального потребления, и купировать проявления социального недовольства, но лишь для коренного населения. Остается и иная угроза: 8 млн иностранных работников, находящихся в Королевстве на постоянной или временной основе и представляющих собой потенциально непреходящую угрозу, для устранения которой понадобится скорее не «пряник», а «кнут».

Репрессивный аппарат Королевства включает в себя полицию, службу безопасности, армию, Национальную гвардию и пограничные войска. В отличие от ситуации 1960-х годов, когда имели место случаи внесудебных репрессий, ныне власть исполь-

зует при подавлении открытых противников и оппонентов судебных органы.

Для минимизации насилия в отношении иностранных работников в 1980-е годы были разработаны детализированные нормы их пребывания на территории Саудовской Аравии, позднее были допущены некоторые формы их самостоятельности, начато издание печатных органов на английском языке (как приложение к саудовским газетам).

В то же время в самом саудовском обществе имеются и идеологические причины для недовольства. Идеология в ее западном понимании как целостная система взглядов и идей, выражающих интересы определенных слоев людей и предлагающая цель их социально-политической деятельности, ныне играет незначительную роль в арабском мире в целом и в саудовском королевстве в частности.

Но политическая власть не может строиться и сохраняться только при опоре на насилие. Наряду с принуждением власть стремится к возрастанию согласия подданных, их добровольному подчинению. Важной функцией государства стало утверждение своей гегемонии в общественной жизни путем убеждения людей в необходимости его поддержки. Эту задачу решает своеобразный «идеологический аппарат государства», который включает в себя религиозные учреждения, систему образования, систему СМИ и культурных учреждений (фестивали традиционной культуры, благотворительные и иные общественные объединения).

Роль идеологии играет политизированный ислам, отчасти – формирующийся саудовский патриотизм и арабский национализм, подчас отождествляемый с «арабским (или) исламским социализмом». Религиозная деятельность государственной власти и религиозность самого общества выполняют в обществе функции политики. Пройдя путь «догоняющей модернизации» по западной модели, страны Востока «пропустили» Реформацию и секуляризацию, принципиально важные для современной модели западного общества, в котором религия стала маргинальным явлением. Так, идеи справедливости и равенства в западной политической жизни основывались на социалистическом учении, в то время как в арабо-мусульманском мире эти идеи оставались органичной частью учения Пророка Мухаммеда.

Специфическим видом идеологии в современном арабском мире стала «идеология потребления», суть которой – «обмен политических прав на экономическую стабильность» (В.А. Кузнецов).

В основе «идеологии потребления» – не только нормальный консерватизм, глубокая приверженность саудовцев своим традициям, но и «возросшее самоуважение, которое выросло на базе созданного общественного и индивидуального благосостояния...» [Филоник, Вавилов, с. 15]. Однако человек – существо не только материальное. Ему присущи настроения, убеждения, определенные идеи, а в условиях современного общества он зачастую желает проявить свою активность. Этот потенциальный напор общества ощутим в королевстве.

Немалая часть образованных саудовцев уже не готова довольствоваться лицемерием формального официального фасада монархии, в то время как реальным механизмом государственности остаются по-прежнему традиционные по сути племенные и религиозные институты. В Основном законе (*низаме*) 1992 г. (см.: [*Saudi Basic Acts*]) заявлено, что Королевство Саудовская Аравия – арабское исламское государство, религией которого является ислам, конституцией – Священный Коран и Сунна Пророка, языком – арабский (ст. 1). Система правления в Саудовской Аравии монархическая, с правящей династией, основанной королем Абдель Азизом ибн Абдель Рахманом Аль Саудом во главе с сыновьями его сыновей (ст. 5). Источником власти режима являются Коран и Сунна, которым должны соответствовать другие законы (ст. 7). Власть в королевстве основана на принципах справедливости, совещательности и равенства, которые декларирует одна из статей Основного закона. Согласно ей *маджлис* (совет) короля и маджлис наследного принца будут открыты для всех подданных, дабы каждый мог использовать свое право обсуждения с органами власти любых вопросов (ст. 43).

Основным субъектом в политической жизни королевства остается правящая семья Аль Сауд, в рамках которой имеются различные группы и кланы. Внутри этой политико-экономической корпорации ее части (кланы, группы) вступают во взаимоотношения друг с другом, исходя при этом из своих собственных интересов, но готовы прийти к согласию, исходя из высшего интереса – сохранения власти семьи Аль Сауд. Тем не менее активная часть саудовского общества готова взять назад данное ею королям Ибн Сауду и королю Фейсалу право на политическое участие и воспользоваться им самим.

В первое десятилетие XXI в. деятельность Консультативного совета, расширение его состава и полномочий, активизация общественных (деловых, женских, культурных и студенческих)

общественных организаций, а также создание в 2003 г. по инициативе наследного принца, позднее короля Абдаллы, Центра национального диалога (диалога власти и общества), проведение свободных выборов в местные органы власти свидетельствуют о разумных политических реформах (см.: [Косач, 2007]). Власть проводит преобразования, к которым общество уже готово, но которые в то же время не составляют реальную угрозу господству семьи Аль Сауд в политической жизни Королевства.

В наши дни в королевстве право на власть Аль Сауд открыто не ставится под сомнение. Новыми целями династии оказываются увеличение и упрочение своей социальной опоры, реформирование некоторых институтов государственности в соответствии с изменившимися условиями в стране и возросшей самостоятельностью новых социальных сил в обществе – национальной буржуазии, интеллигенции, служащих. В свою очередь эти новые социальные силы, судя по всему, сами привержены принципам существующей политической культуры, и претендуют пока не на власть, а лишь *на участие во власти*.

Таким образом, в новом веке меняются цели власти и общества в политической жизни, меняется политическая культура общества, но сохраняются в неизменности принципы политической системы. Именно эти обстоятельства и в меньшей мере воздействие внешнего фактора (западных государств и правозащитных организаций) влияют на соотношение используемых властью методов насилия и согласия. Пространство для насилия пока сужается.

Нельзя сказать, что власть никак не реагировала на нарастающие вызовы. Король Фейсал в свое время пренебрежительно назвал парламент «костылем для слабого правителя», но его младший брат король Фахд в 1992 г. создал Консультативный совет.

За 20 лет этот орган обрел определенное значение, превратившись в протопарламент с комитетами, комиссиями, заслушиванием докладов министров, вынесением рекомендаций королю по многим вопросам жизни страны. В то же время этот орган законодательной власти воспринимается обществом не как заимствованный политический институт западной модели, а как вполне традиционный институт управления на основе принципа совещательности, возникший в правление короля Ибн Сауда и прошедший через различные стадии развития в 1924–1952, 1953–1969, 1970–1991 гг. (см.: [Al-Malik Saleh, p. 6–32]).

В начале XXI в., в условиях глобализации, возникновения мирового информационного пространства и интенсификации мобильности людей, король Абдалла признавал, что для власти в Королевстве становится все более важным согласие подданных на подчинение ей. Прошло время, когда это согласие изначально подразумевалось в условиях архаичного племенного сообщества, признавшего главенство Ибн Сауда. Теперь стало необходимостью легитимное обоснование этого согласия со стороны власти.

Конечно, по-прежнему большое значение имеет традиционный авторитет правящей семьи Аль Сауд, авторитет традиционной системы ценностей, привычка (стереотип) к существующему и понятному для населения политическому порядку, а также высокий материальный уровень жизни, который обеспечивает власть (используя и подкуп, например, в разгар «арабской весны» 2011 г.).

На сохранение традиционного господства семьи Аль Сауд работает и государственно-административный аппарат, который формируется отчасти по критериям лояльности власти. В Саудовской Аравии бюрократия подчинена монарху как главе государства и главе правительства. Это подчинение имеет патримониальный характер. По сути можно говорить о формировании тенденции корпоративизма: два крупных союза интересов (фракции внутри семьи Аль Сауд и огромный бюрократический аппарат) инкорпорированы в механизм государственной власти, при этом сохраняют автономию по отношению к государству в политической и экономической сферах. В то же время эти мощные условные корпорации, детерминированные интересами участников и собственными практиками, сохраняют верность основополагающим ценностям саудовской культуры.

Но мир меняется, и для формально абсолютной монархии возникает необходимость ответить на вызов времени. По М. Веберу, это сохранение уже достигнутого господства, но уже «в силу легальности, в силу веры в обязательность легального *установления* и деловой “компетентности”, обоснованной рационально созданными правилами, т.е. ориентации на подчинение при выполнении установленных правил...» [Вебер, 1990, с. 647].

В начале XXI в. в Саудовской Аравии страх и привычка как мотивации политического поведения людей заметно ослабли. В условиях невозможности простого воспроизводства существующего политического порядка происходит определенная адаптация политической системы, но традиционное насилие препятствует налаживанию эффективной связи между властью и под-

данными, а без такой обратной связи власть теряет свою эффективность.

Король Абдалла приступил к увеличению полномочий местных органов самоуправления, выборы в которые проходят уже по современным стандартам, более того – допущено участие женщин. Таким образом, хотя принцип демократизма и не стал ведущим в политической жизни страны, элементы демократии, как традиционной племенной, так и современной западной, там явно имеются. Причем так же, как в случае с идеологией, генезис принципов демократии и равенства лежит не в Вестминстерской модели, а в еще не изжитых нормах существования племенного общества.

В Саудовской Аравии, как и в ряде соседних стран Аравийского полуострова, сформировался специфический тип государственности – *неоабсолютистский*. Его появление было вызвано необходимостью для династии Саудидов вписаться в реалии XX в., а также стремительностью нефтяной модернизации, в результате которой был совершен скачок от полуфеодалского состояния в индустриальное, буржуазное общество.

Нормативная модель капиталистического общества, в котором, по мнению М. Фридмана, «для свободного человека страна должна быть совокупностью составляющих ее индивидуумов, а не какой-то вышестоящей инстанцией» [Фридман, с. 25], не была реализована в Саудовской Аравии в силу иных цивилизационных основ аравийского общества. Более того, убеждение М. Фридмана, что «экономическая свобода – это необходимое средство к достижению свободы политической» [Фридман, с. 31], также полностью не оправдалось в Королевстве. «Капитализм по-аравийски» имеет иную природу. В западных странах его развитие шло демократическим путем (снизу вверх), имея массовую опору в лице представителей мелкокапиталистического уклада, что можно назвать *«сталакмитовым типом развития»*. В странах Востока в условиях ускоренного развития при активном участии государства («революция сверху») новый строй сразу выстраивался на уровне средне- и крупного капиталистического уклада, а это уже иной – *«сталактитовый тип развития»*. Традиционно господствующие слои (семья Аль Сауд, шейхи, верхушка торговцев и ростовщиков) обрели экономическое превосходство в условиях капиталистического хозяйствования. В модернизирующемся обществе не сформировалась равно конкурентная среда, что породило пословицу: «Не все наши торговцы – эмиры, но все эмиры – торговцы».

Процессы социально-экономические намного опередили процессы социально-культурные, многие структуры и элементы традиционного бедуинского и исламского общества не были изжиты. Поэтому монархический строй даже в абсолютистской форме в немалой степени отвечает уровню сознания большинства населения и задачам, которые призвано решать модернизированное общество, а также вызовам, порождаемым внешним миром.

Представляется, что саудовский неоабсолютизм сыграл свою необходимую роль социального арбитра старых и новых социальных сил, однако не исчерпал своего потенциала. Отсюда в текущей политической жизни возникновение разнородных тенденций – к сохранению авторитарных начал и поощрению демократических начал. И то, и другое в целом укладывается в логику традиционного бедуинского мышления и мусульманский уклад жизни.

Ограничителями на пути демократизации политической жизни остаются не только нежелание семьи Аль Сауд ослабить свою монополию на власть (фактически этот процесс уже идет), но и неготовность образованного общества и народных масс к адекватному восприятию таких институтов западной демократической модели, как свободные выборы, деятельность политических партий и парламента как реального органа власти. Все это слишком чуждо традиционным нормам и ценностям социальной жизни, в которых верность племени более важна, чем верность государству, а элементы племенной демократии во многом удовлетворяют потребности простых жителей страны. Попыткой закрепить статус-кво стало обращение короля Фахда ибн Абдель Азиза к нации в 1992 г., в котором он указал на «давние традиции любви, милосердия, справедливости, взаимного уважения и преданности» в саудовском обществе, где «нет ни правителя, ни подданного. Все равны перед законом Господа, все равны в любви к родине...» (цит. по: [Косач, с. 26]).

Таким образом, племенные традиции и принципы ислама не были подвергнуты сомнению в процессе модернизации саудовского общества, а, напротив, были сохранены в основе его социального устройства и модифицированной государственности. Это обстоятельство, а также сохранение неоабсолютистского характера саудовской государственности своеобразно оценили международные правозащитные организации, в мировом рейтинге демократии, поместив Королевство в конец списка (1,77), после Ирана (1,98) и Центрально-Африканской Республики (1,82). Для сравнения: список этот возглавили Норвегия (9,8) и Исландия (9,65) [*Мир*

в цифрах, 2013, с. 29], хотя по показателю «оказание наибольшей многосторонней и двусторонней помощи» в процентах Саудовская Аравия находится на почетном 6-м месте (0,77) после Нидерландов (0,81) и перед Бельгией (0,64) [*Мир в цифрах*, 2013, с. 35].

Между тем общественная активность проявляется и в самой Саудовской Аравии. В Королевстве имеется около 200 благотворительных организаций (27 тыс. членов), активно действуют крупные международные Фонд имени короля Фейсала и Фонд имени короля Абдель Азиза, оказывающие финансовую поддержку различным научным проектам, уделяя особое внимание проектам в сферах естественных наук и медицины [*Saudi Arabia*, p. 224–225].

Реакцией власти на раздающуюся в западных СМИ критику недемократического режима в Королевстве стала пропагандистская кампания по разъяснению мировой общественности ситуации с правами человека в Саудовской Аравии. В ходе этой кампании саудовские юристы и богословы показывали принципиальные отличия всей системы западного права от исламской системы права, основанной на Коране и шариате. «Все мусульмане с того момента, как приняли ислам, должны освободить свою волю, чтобы она не подчинялась никому, кроме Аллаха – Великий Он и Могущественный... Шариат организует сферы этой свободы и определяет ее концепцию, условия и пределы ее применения», – писал министр по делам ислама доктор Абдалла ибн Абдель-Мухсин Ат-Турки [Турки, с. 47].

Но в начале XXI в. в мире начались серьезные перемены. События Арабского возрождения в 2011–2013 гг. в Тунисе, Ливии и Египте, а также на Бахрейне и особенно осенью 2014 г. и весной 2015 г. в Йемене прямо отразились на политической ситуации в Саудовской Аравии. Законопослушность, вернее, почитание принципа послушания ослабели у части молодежи к началу нового века, но до поры до времени выливались в мелкие хулиганские инциденты, а в Восточной (шиитской) провинции и в акты сопротивления власти. Теперь с развитием новых форм массовых коммуникаций появились новые возможности для выражения своих убеждений и настроений, а также самоорганизации. Там и ранее в крупных городах на перекрестках и возле важных политических и социальных объектов стояли полицейские броневики. События «арабской весны» 2011 г. привели к усилению жесткости режима. Был усилен контроль над большими контингентами иностранных работников, а также за шиитским меньшинством в Восточной

провинции королевства. Помимо «кнута» был использован и «пряник»: весной 2011 г. решением короля Абдаллы состоялись немалые выплаты всем подданным.

В то же время оказалось, что не менее важным, чем поддержание порядка на улицах, становится контроль над средствами электронных коммуникаций. По показателю «индекс свободной печати», «несвободу» в области СМИ, цензуру, давление и монопольное положение в Королевстве определили в 83,25, в одном ряду с Узбекистаном (83,0), ближе к Северной Корее (141,0), чем к Великобритании (2,0) [*Мир в цифрах*, 2013, с. 87].

В стране нет политических партий, и политическая деятельность западного типа по-прежнему находится под запретом, хотя прошедшие недавно выборы в муниципальные органы власти стали важным показателем эволюции. Главным субъектом политической жизни остается правящая семья Саудидов, в недрах которой происходит реальная борьба различных кланов и фракций, опирающихся на разные группы национальной буржуазии, бюрократии и интеллигенции. Возможности Интернета как будто создали формальную основу для проявления инакомыслия вне рамок правящей семьи.

Вот несколько характерных событий. Весной 2014 г. молодого саудовца приговорили к 10 годам тюрьмы за критику власти в Твиттере. Он призывал к протестам против существующей в Королевстве власти, ранее уже отсидел в тюрьме. Другого саудовского подданного, подписавшего обязательство не критиковать в Сети власть, осудили все же на восемь лет. Тогда же атеизм, пропаганда атеистической идеологии любыми средствами, мнения, ставящие под сомнение исламскую веру, были объявлены преступлением [*CNN*, 11.03.2014].

В то же время политический радикализм либерального толка отвергается значительной частью саудовского общества, включая и его вполне модернизированную в материальном отношении часть, сохраняющую верность нормам и ценностям традиционной политической культуры и не желающую отказываться от высокого уровня материальной обеспеченности ради неопределенных и сомнительных политических выгод. «Мы не в состоянии оценить, насколько могущественна бывает инерция традиционных ценностей», – с сожалением констатировал Л. Харрисон в книге «Главная истина либерализма» [Харрисон, с. 105].

В Королевстве создана Комиссия по коммуникациям и информационным технологиям, в функции которой входит контроль

над сайтами, содержащими информацию, оскорбительную для идейных и моральных устоев общества. Кстати, среди ее 25 сотрудников оказалось немало выпускников ведущих западных университетов. И каждый день в Комиссию поступает более 1 тыс. сообщений от жителей Королевства о «вредных» сайтах и ссылках. Это усиливает эффективность цензуры, причем власти извещают пользователя, почему заблокирован тот или иной сайт. Е. Морозов приводит пример высокопрофессиональной атаки правительства на независимый сайт «Томаар», созданный саудовцами, обсуждающими общественные проблемы [Морозов, 2014, с. 144, 147–148].

В январе 2015 г. саудовский активист Интернета Раиф Бадави был приговорен судом к 1 тыс. палочных ударов. Наказание совершалось публично перед мечетью в Джидде: ему нанесено 50 ударов, и наказание продлится по пятницам в течение 20 недель. (В Интернете была размещена видеосъемка с мобильного телефона процесса исполнения наказания.) Ранее он один год отсидел в тюрьме после создания в 2008 г. сайта «Свободные саудовские либералы», несмотря на протесты Эмнисти Интернэшнл. В 2013 г. его также привлекали к суду. Жена и дети активиста проживают в Канаде [CNN, 9.01.2015].

Во втором десятилетии XXI в. саудовские власти оказались в затруднительном положении. Упрощенное деление внешнего мира на прозападный, еврейско-коммунистический или атеистический и единый восточный, арабо-мусульманский, осталось в прошлом. В существующих в неизменности параметрах государственности теперь надо находить новые способы и методы контроля политической жизни.

Отказ Саудовской Аравии от поддержки «Братьев-мусульман» в Египте в 2013 г. был вызван не только внешнеполитическими соображениями, но и внутривнутриполитическим расчетом: снижение уровня исламской волны в самом саудовском обществе. Однако возникновение «Исламского государства» (Исламского государства Ирака и Леванта) в начале 2014 г. уже прямо угрожает самой Саудовской Аравии.

В соседней Иордании 1 октября 2014 г. в столице прошли массовые волнения: на улицы Аммана вышли тысячи людей с выражением поддержки общепарабскому движению ИГ. В июле 2014 г. власти ОАЭ арестовали несколько десятков людей по обвинению в поддержке «исламистского заговора». Более чем вероятно, что немало сторонников идей ИГ существует и в Саудовской

Аравии. Осенью 2014 г. в стране прошли аресты: МВД арестовало 88 человек, причастных к тайной террористической сети [CNN, 03.09.2014].

По мнению западных наблюдателей, правящий режим в конце 2014 г. ужесточил курс внутренней политики в ответ на попытки исламских радикалов разного толка расшатать, ослабить существующие нормы политической жизни. Прежде всего путем принятия «антитеррористических законов» пресекаются все попытки создать какой-либо альтернативный правящей семье Аль Сауд центр политической власти [The Financial Times, 26.03.2014].

На совещании глав государств ССАГПЗ в декабре 2014 г., несмотря на очевидные разногласия между Катаром и Саудовской Аравией и другими государствами Совета, общим было отрицательное отношение к терроризму как общей угрозе. В отличие от Катара саудовские власти и правители других нефтяных монархий стремятся локализовать порожденную «арабской весной» 2011 г. «революционную бактерию, использующую исключительно насилие», террор против существующих арабских режимов. По словам министра иностранных дел Бахрейна шейха Халеда ибн Ахмеда аль-Халифа, «Афганистан был начальной школой для террористов, а Сирия и Ирак стали для них университетом» [The Straits Times, 08.12.2014].

Жестокость международного терроризма потребовала адекватного ответа. Стоит вспомнить слова короля Абдаллы, еще в 1989 г. заявившего, что

«Ислам отвергает насилие во всех его проявлениях и формах, дозволяет совершать убийство только по справедливости. Ислам является религией милосердия, сострадания и равенства всех наций и народностей. Мусульмане неповинны в том, что совершается от имени ислама теми, кто утверждает, что представляет ислам, а на деле лишь прикрывается личиной ислама, служа тем, кто заинтересован в подрыве авторитета ислама и мусульман» (цит. по: [Сюкияйнен, с. 81]).

События в Йемене весной 2015 г. привели к победе там сил, принадлежащих к традиционной политической культуре, но также – к иной ветви ислама. Это не просто дестабилизирует политическую ситуацию в Королевстве, но наряду с деятельностью ИГИЛ бросает открытый вызов и правящему режиму, и самому государству. Следствием начатых в конце 2014 и активизировавшихся в марте 2015 г. боевых действий саудовской армии против йеменских мятежников станет ужесточение политического климата

в стране, усиление контроля государства над проявлениями активности в общественной жизни.

Имеется немало оснований для заключения, что правящий в королевстве режим переживает переходный период. Это и смена поколений в династии Саудидов, где самому молодому из сыновей основателя государства Абдель Азиза уже за 80 лет. Это и перемены в мировосприятии и мировоззрении большого поколения молодых и образованных саудовцев. Это и вызовы ряда арабских государств, где активность общества обрела свои формальные рамки, а также многообразное влияние эпохи глобализации, в которую вступил мир. Власти не упускают из виду и потенциальную угрозу в виде присутствующих в стране на постоянной основе миллионов иностранных работников.

Наметившаяся тенденция к демократизации политической системы и создание пусть и небольших возможностей для общественной активности, наряду с деятельным существованием Консультативного совета, позволяет предполагать возможность избежать революционного переворота. Власти пусть и с запозданием реагируют на перемены. Своеобразным актом «демократизации абсолютизма» стало создание в 2006 г. нового государственного органа – Комитета по принесению клятвы из представителей разных кланов династии Саудидов, функцией которого стало определение следующего кандидата на трон, что ранее было исключительной прерогативой короля. Нельзя исключить возможности трансформации саудовской государственности из неоабсолютистской в конституционную монархию.

Король Салман ибн Абдель Азиз, 23 января 2015 г., сменивший на троне старшего брата Абдаллу, по всей видимости, продолжит в политической жизни его курс ситуативных постепенных перемен.

Власть не может не учитывать и заметные изменения в мире, идущую «смену вех». «Сегодня, в эпоху торжества глобализма, кризиса государственных суверенитетов, заката парламентов и партийного представительства», – констатирует итальянский политический теоретик Д. Дзоло [Дзоло, с. 8], сложность мирового развития представляет собой вызов для самой западной демократической традиции, подвергается сомнению ранее признанная модель западной демократии и национального государства. «В последние десятилетия “пафос наций-государств” несколько поубавился, – отмечал В.В. Наумкин, – и ему на смену приходят глобализация, регионализм и эпоха этничности» [Наумкин, с. 18].

В современном мире по-прежнему действуют и традиционные акторы международных отношений и совсем новые, свободные от суверенитета негосударственные акторы – этноконфессиональные движения и террористические организации, например, ИГ (ИГИЛ) и движение хуситов в Йемене. Новые вызовы потребовали ответа от Саудидов, с этим связано назначение весной 2015 г. новых лиц – представителей молодого поколения – на посты наследника престола и министра иностранных дел.

В то же время указанные ранее объективные особенности социального и экономического развития по-прежнему во многом определяют параметры политической жизни, политической культуры и политической системы в Саудовской Аравии. Политическая культура развивается, но полноценно может развиваться только то, что уже есть в самом обществе, иначе происходит имитация развития, использование декоративных элементов западной политической системы.

В целом политическая культура и политическая система Саудовской Аравии ощутимо модернизировались, исходя из логики внутреннего развития, при этом испытав влияние, но избежав формального заимствования политических структур западного образца. В политической жизни королевства можно увидеть причудливое соединение как традиционных арабских и исламских, так и заимствованных западных черт, норм и элементов. Это видно в сочетании элементов эгалитарного типа культуры, целью которого является совместная защита привычного образа жизни, и иерархического типа культуры, главное в котором – стабильность политической системы и национальная безопасность (см.: [Восток и политика, с. 54–92]).

Королевство сумело пока избежать и революционных катаклизмов, не отказавшись от традиционных исламских и племенных основ. В то же время усложнение экономической жизни и неуклонное социальное развитие порождают в саудовском обществе новые проблемы и противоречия, которые требуют разрешения политическими методами, что невозможно без определенного реформирования политической системы, возможно, и религиозной жизни и религиозных институтов в королевстве. Такого рода процессы уже идут. Можно предположить формирование в перспективе путем симбиоза или синтеза специфической модели саудовской государственности, сочетающей начала племенной демократии и просвещенной монархии, элементы политической

системы индустриального и доиндустриального обществ, некий арабийский вариант постсовременного «авторитаризма развития».

Литература

1. Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 – конец XX в.). – М., 1999.
2. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990.
3. Восток и политика. Политические системы, политические культуры, политические процессы / Под ред. А.Д. Воскресенского. – М., 2011.
4. Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход. – М., 2010.
5. Желтов В.В., Желтов М.В. Политическая социология. – М., 2009.
6. Косач Г.Г. Саудовская Аравия: Внутриполитические процессы «этапа реформ». – М., 2007.
7. Мир в цифрах. 2013. – М., 2013.
8. Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона Сети. – М., 2014.
9. Наумкин В.В. Проблема цивилизационной идентификации и кризис наций-государств // Восток (Oriens). – 2014. – № 4.
10. Сюкияйнен Л. Король Фахд ибн Абд Аль-Азиз Аль Сауд – глава государства, конституция которого – Книга Всевышнего Аллаха и Сунна его посланника // Король-реформатор. – М., 2002.
11. Ат-Турки Абдаллах ибн Абдуль-Мухсин. Ислам и права человека на примере Королевства Саудовская Аравия. – Эр-Рияд, 1997.
12. Филоник А.О., Вавилов А.И. Саудовская Аравия: Поиски внутренней гармонии. – М., 2007.
13. Фридман М. Капитализм и свобода. – М., 2005.
14. Харрисон Л. Главная истина либерализма. – М., 2008.
15. Яковлев А.И. Модернизация Саудовской Аравии: итоги и перспективы в начале XXI века // Восточная аналитика. Ежегодник 2011. – М., 2011.
16. Aburish Said K. The Rise, Corruption and Coming Fall of the House of Saud. – L., 1995.
17. Annual Report. The Latest Economic Developments. SAMA. – Riyadh, 2010.
18. Armstrong H.C. Lord of Arabia. Intimate Study of a King. – L. – N.Y., 2005.
19. The Financial Times.
20. Al-Malik Saleh A. The Shura Council (Consultative Council) of Saudi Arabia. Past and Present. [Б.м.], 2007.
21. Saudi Arabia. – L., 2006.
22. Saudi Basic Acts. – Riyadh, 2005.
23. The Straits Times.

*«Восток (Oriens)»,
М., 2016 г., № 2, с. 116–129.*

А. Вавилов,
профессор, доктор исторических наук,
профессор кафедры теории и истории
международных отношений ИМО и СПН МГЛУ
МИГРАНТСКИЙ «ПОТОП» В ЕВРОПЕ

Аннотация. В статье дается анализ причин возникновения и обострения проблемы мигрантов и беженцев в Европе, рассматривается ее влияние на ситуацию в отдельных регионах и странах континента, а также дается прогноз путей ее решения в условиях нарастания террористической угрозы для всеобщего мира и безопасности.

Ключевые слова: конфликты на Ближнем Востоке и в Африке; вмешательство Запада; обострение гуманитарной ситуации; каналы миграции террористов; инициативная линия России.

Одним из тяжелейших последствий непродуманных действий западных стратегов и политиков в регионе Ближнего Востока, а также в Африке для европейской, да и всей мировой политики стал наплыв мигрантов, достигший своего пика в 2015–2016 гг. Многие аналитики назвали его гуманитарной катастрофой современности, сравнимой по своим масштабам и страданиям обездоленных людей с великими катаклизмами человеческой истории.

Истоки этой сложной и животрепещущей проблемы следует искать в растущем и углубляющемся разрыве в уровнях жизни и развития между «золотым миллиардом» людей, живущих в развитых странах и владеющих половиной ресурсов и богатств нашей планеты, и остальным человечеством. В поисках лучшей доли и счастливого будущего для себя и своих детей многие жители Азии, Африки и Латинской Америки издавна направлялись в Европу и Северную Америку, пополняя и без того многочисленные ряды трудовых или экономических мигрантов.

В наши дни к ним прибавились многие тысячи беженцев с Ближнего Востока, Азии и Африки, ищущих спасения для себя и своих многодетных семей от смертельных опасностей и страданий, вызванных многочисленными кровопролитными и разрушительными конфликтами, к разжиганию и сохранению которых оказались напрямую причастны страны Запада.

Наряду с экономическим бременем содержания и обустройства незваных гостей на европейские страны, как свидетельствует недавний печальный опыт многих из них, появилась грозная опас-

ность активизации террористов, многие из которых под личиной беженцев «просачиваются» на континент.

Они наращивают уже накопленный взрывоопасный потенциал молодых, слабо образованных натурализовавшихся в прошлом инородцев, которые уже «на месте» и готовы к бою, движимые обидой и социальным протестом. Для развертывания подрывной деятельности им не нужны паспорта и визы, а также транспортные расходы. Им нужно лишь, да и то не всегда, посоветовать, куда побольнее ударить этих «зажравшихся богачей». Именно такие «одинокие волки», получившие ускоренную террористическую подготовку и инструкции по Интернету, осуществили смертоносные удары в Мадриде (2004), Лондоне (2005) и Глазго (2007). Дальше еще опаснее: в середине октября 2009 г. спецслужбы засекли в Интернете сотрудника (алжирского происхождения) Европейского центра ядерных исследований в Швейцарии, который признался в связях с «Аль-Каидой», планировавшей диверсию на одном из ядерных объектов.

Опыт западноевропейских государств наглядно показывает, как ряды экстремистов ежедневно и ежечасно пополняются за счет плохо устроившейся и потому недовольной иммигрантской молодежи.

Она не находит себе желаемого и достойного места в благополучном и закрытом для «чужаков» западном обществе, заинтересованном в ней лишь как в рабочей силе и вынужденном (в силу низкой рождаемости среди европейского населения) привлекать «пришлых» лишь на непрестижную, неквалифицированную, а следовательно, и малооплачиваемую работу. В последние годы страны ЕС пытались как-то ограничить и поставить под контроль захлестывавшую Запад иммигрантскую волну, однако потребности экономики оказывались сильнее.

По данным главы МВД Италии, к апрелю 2014 г. в Северной Африке скопилось от 300 до 600 тыс. нелегальных мигрантов, поджидавших удобного случая, чтобы перебраться через Средиземное море в Европу. Как рассказывал автору в Тунисе представитель ЕС по проблемам миграции, африканскому гастарбайтеру стоит лишь улизнуть от береговой охраны самого близкого (всего около 70 км) от Африки острова Лампедуза, как после полугода нелегальной работы в Италии он получает вид на жительство, а через год привозит всю семью.

Бедственное социально-экономическое положение во многих странах африканского континента, а в последние годы, во многом

в результате катаклизмов «арабской весны», и в Северной Африке, и на Ближнем Востоке умножило число мигрантов и беженцев, готовых в поисках лучшей доли для себя и своих близких рисковать жизнью. По оценке, приведенной в докладе ООН, к концу 2014 г. рекордное число – 59,5 млн человек, или каждый 122 житель планеты, был насильственно перемещен, оказался беженцем или мигрантом.

Из-за неурегулированности внутренних и региональных конфликтов и возгорания новых за последние четыре года этот показатель беспрецедентно вырос – в 4 раза. В результате число беженцев из беспокойных зон ежедневно увеличивалось почти на 43 тыс. человек.

Такой наплыв людей, ищущих лучшей жизни, вызвал в Евросоюзе настоящий, хотя и запоздалый переполох. Однако согласовать экстренные коллективные меры по противодействию контрабанде людей для европейских руководителей было непросто, в том числе из-за нараставшей потребности стран ЕС в притоке рабочей силы, так как Западная Европа стремительно старела. Тратиться и возиться с приемом и обустройством «пришлых» также не хотелось, а ведь среди них было немало подозрительных лиц с криминальным прошлым. Так, в Дании уровень преступности среди беженцев-мужчин на 73% превышал средний. В местах заключения для молодежи семеро из десяти были иммигрантами, из них примерно 40% – беженцами. В Германии преступность среди мигрантов примерно в 5 раз превышала аналогичный показатель среди местных жителей. В Швеции и Испании около трети преступлений совершали иммигранты.

Европу сотрясали массовые демонстрации и митинги с требованиями прекратить приток на континент «гостей» из неблагополучных регионов. Противники приема «чужаков» сталкивались со сторонниками их обустройства и обеспечения предметами первой необходимости. В результате руководители Великобритании и Франции, а затем и Испании отвергли задуманное руководством ЕС квотирование приема мигрантов.

Глава МВД Словакии Р. Калиняк сравнил «с черпанием воды из реки» то, как Европа пыталась решить проблему нелегальной миграции. Чешский премьер Б. Сobotка был еще более мрачен в своих оценках: «Европа просто не в силах справиться с растущим числом нелегальных беженцев из стран третьего мира. Если нынешняя волна мигрантов не спадет в последующие месяцы, социальные системы в европейских государствах могут потер-

петь крах». А перспективы сокращения притока вынужденных переселенцев из охваченных конфликтами стран Ближнего Востока и Северной Африки выглядели весьма туманными. Сбывались угрозы покойного М. Каддафи, который грозил открыть «пограничные шлюзы», «затопить» Европу мигрантами и «сделать ее юг черным», если она не перестанет бездумно подыгрывать США в давлении на «ливийскую Джамахирию».

Так, Европа, поддержав, с подачи США, антиправительственные выступления в Ливии, а затем и в Сирии, вызвав резкое увеличение потока беженцев, создала для себя самой, по оценке ООН, тяжелейшую со времен Второй мировой войны гуманитарную проблему и оказалась для ее решения совершенно не подготовленной.

«Посмотрите, – отметил президент В.В. Путин в интервью швейцарским СМИ в конце июля 2015 г., – сейчас Европа сталкивается с конкретной проблемой, с проблемой наплыва эмигрантов. А что, разве Европа принимала решения, которые в конечном итоге привели к этой ситуации? Надо быть откровенным и честным: эти решения принимались за океаном, а с проблемой сталкивается Европа» [1].

В итоге экстренных совещаний и саммитов страны ЕС договорились лишь о сотрудничестве (операции «Тритон» и «Посейдон», позднее – Frontex) в отлавливании судов контрабандистов человеческим товаром, оставив в стороне глубинную причину нарастания иммиграционной волны – бедственное социально-экономическое положение в регионах Ближнего Востока и Африки, порождавшее всё новые и новые кровопролитные конфликты, с которым они ничего поделать не могли, а многие и не стремились. Поверхностность подхода европейских руководителей к поискам решений животрепещущих проблем иммигрантов и беженцев вызвала резкое неприятие международных правозащитников. The Amnesty International, к примеру, назвала апрельский Саммит 2015 г. лидеров ЕС по проблеме мигрантов «пусканьем пыли в глаза».

Узнав о волонтеристском решении ЕС хозяйничать близ берегов разрушенной теми же европейцами Ливии, международно признанное правительство этой страны заняло в отношении европейских замыслов резко отрицательную позицию. «Любые корабли, которые появятся в ливийских водах без предварительного разрешения, станут целями для наших военно-воздушных сил», – заявил командующий оперативным штабом ВВС Ливии

С. аль-Джеруши. Такой вполне оправданный с точки зрения международного права подход серьезно осложнял реализацию европейских планов.

К лету 2015 г. ситуация с нелегальной миграцией через южные границы Европы все более осложнялась. По сведениям Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), только за первое полугодие 2015 г. в Европу прибыли 340 тыс. беженцев и «ловцов счастья» – на 83% больше, чем за тот же период 2014 г. К концу сентября минувшего года их число перевалило за 488 тыс.

По данным того же источника, только в первом квартале 2015 г. около тысячи человек погибли или пропали без вести в Средиземном море при попытке добраться до Европы. В ночь на 19 апреля 2015 г., к примеру, у ливийских берегов затонуло судно с 800 нелегальными иммигрантами и беженцами, в том числе 200 женщинами и 50 детьми на борту. Спасти удалось лишь 28 человек. Они и рассказали спасателям, что во время дрейфа к их лодке приблизилось крупное торговое судно. Нелегалы испугались и ринулись на один борт, возник крен, и набитая людьми лодка длиной всего в 20 м перевернулась. За этой трагедией через день последовала еще одна: близ о. Родос, где, нараввшись на рифы, пошло на дно угловое суденышко с запертыми в трюме двумя сотнями беженцев.

К началу ноября 2015 г. число незваных «гостей», прибывших в Европу, приблизилось к 800 тыс. По прогнозам, в 2016 г. европейский континент ожидал наплыв 3 млн человек.

Италия, ставшая одним из транзитных коридоров (500 мигрантов ежедневно), тщетно взывала о помощи, а Франция и Швейцария отошли от положений Шенгена и закрыли с ней свои границы. Венгрия стала отгораживаться от потока нелегалов из Сербии, а затем Хорватии и Словении пограничной стеной. Такие же преграды возводились в Болгарии и Греции на границах с Турцией.

Для снижения прессинга мигрантов Россия оказала Сербии помощь в развертывании лагерей для временного пребывания до тысячи беженцев (палатки, цистерны для питьевой воды и одеяла, а также печи для отопления). Москва была готова к сотрудничеству с европейскими государствами в решении резко обострившейся проблемы нелегальных мигрантов в Совбезе ООН и за его пределами. При этом российское руководство исходило из того, что наряду с решением насущных гуманитарных задач по приему

и обустройству вынужденных переселенцев было настоятельно необходимо искоренять причины, породившие это тяжелое явление в международной жизни – восстанавливать стабильность и государственное управление в регионах Ближнего Востока и Северной Африки, а также на африканском континенте, нарушенные волонтаристской политикой США и их западных партнеров.

Не легче было и свалившейся в глубокую долговую яму Греции: на острове Лесбос – основном перевалочном пункте для беженцев (25 тыс. на 80 тыс. местного населения) – начались межэтнические и межконфессиональные столкновения среди выходцев из различных стран, мигранты пошли на протестные выступления, требуя от местных властей создания человеческих условий для своего пребывания. Такие же беспорядки в августе 2015 г. случились и на о. Кос (7 тыс. мигрантов на 30 тыс. населения). Стадиона, на котором разместили прибывших, не хватило, властям пришлось устраивать их на вместительном пароме, а те требовали их скорейшей отправки на материк.

В конце августа 2015 г. полиция Македонии была вынуждена применить слезоточивый газ и светошумовые гранаты против 5 тыс. нелегальных мигрантов, пытавшихся проникнуть на ее территорию из Греции. Правительство Македонии объявило о введении чрезвычайного положения на границе с Грецией и развертывании там дополнительных воинских подразделений. Но это не помогло: 1,5 тыс. мигрантов прорвали кордоны и стали искать пути для своего дальнейшего следования в «богатые европейские страны», в том числе штурмуя поезд. На нейтральной территории между Македонией и Грецией были заблокированы еще несколько тыс. человек, которые не оставляли попыток прорыва на территорию Македонии, чтобы отправиться транзитом на север. В конце концов, Евросоюз «расщедрился» и выделил Македонии на гуманитарные нужды аж 90 тыс. евро, которые, конечно же, не спасали положения.

В Германии к середине лета 2015 г. на рассмотрении властей находилось свыше четверти миллиона заявок на получение вида на жительство. Немцы подумывали даже о том, чтобы приплачивать мигрантам (полторы тысячи евро на семью из трех человек), чтобы те убрались восвояси. Как сообщил в конце августа 2015 г. министр внутренних дел ФРГ Т. де Мезьер, поток беженцев в Германию вырос в 4 раза. Министр иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайер признал, что страна не справится с таким наплывом беженцев. В немецком руководстве заговорили об отказе

от Шенгенских соглашений или их модификации в сторону ужесточения пограничного контроля. К сентябрю 2015 г. ФРГ фактически отошла от Шенгена, введя погранконтроль для ограничения вала переселенцев.

Миграционный наплыв еще в большей степени расколол общество Старого Света. Его захлестывали бурные демонстрации за и против приема чужеземцев. Он рассорил страны Европы, в частности Хорватию и Венгрию, обвинявших друг друга в несоблюдении правил миграции. Кроме того, страны «Балканского пути» были недовольны государствами Западной Европы, вызвавшими своими подрывными действиями в Ливии и других странах Ближневосточного и Северо-Африканского регионов наплыв беженцев, которых принимать в своих краях не торопились. Раскол наблюдался не только по линии Восток – Запад, но и Север – Юг. Южные члены ЕС выказывали недовольство медлительностью более состоятельных северян в приеме на свое обеспечение неспадавшей волны мигрантов.

Проведение летом 2015 г. ряда министерских совещаний ЕС по проблемам миграции не дало результатов: их участники договорились лишь о приеме свыше 40 тыс. человек, в основном с Ближнего Востока и из Северной Африки, однако о том, где, как и главное – на какие средства их размещать, окончательного согласия достигнуто не было. США, громко потребовав от ЕС помочь беженцам и обеспечить их безопасность, скромно обещали принять лишь 2 тыс. мигрантов. Позднее эта цифра под давлением европейцев была увеличена до 10 тыс., однако 28 штатов принимать чужестранцев наотрез отказались. Во второй половине ноября 2015 г. палата представителей Конгресса США проголосовала против приема беженцев и мигрантов.

На прошедшей в Женеве в середине июня 2015 г. сессии Совета ООН по правам человека российские представители выступили с критикой безответственного силового вмешательства Запада в дела суверенных государств, которое вызвало резкое увеличение потоков мигрантов и беженцев. По оценке российской стороны, ни одно государство было не в силах «самостоятельно дать ответ современным миграционным вызовам». По мнению РФ, задуманное уничтожение судов, перевозивших беженцев, или выведение их из строя было бы чрезмерным шагом, не способствовавшим решению проблемы и противоречившим Дублинской конвенции 1990 г., предполагавшей прием беженцев после пересечения ими границы того или иного государства. В связи с этим действия

стран ЕС не должны были идти дальше ареста судов, осуществлявших перевозку нелегальных мигрантов. А усиление пограничного контроля привело бы лишь к локализации взрывоопасных по своему потенциалу проблем.

Тем временем потоки незваных «гостей» из разоренных войнами и междоусобными конфликтами регионов не ослабевали. В третьей декаде июля 2015 г., например, три итальянских корабля спасли в рамках операции «Тритон» в 56 км от побережья Ливии более 400 мигрантов, а в конце августа уже в десять раз больше – 4,4 тыс.

Тогда же в Сицилийском проливе корабли береговой охраны поставили своеобразный рекорд – спасли сразу 3 тыс. незаконных мигрантов из Ливии. В трюме одной из переполненных посудин были обнаружены 50 тел, в основном женщин и детей, отравившихся угарным газом из-за неисправности мотора.

Человеческие трагедии и страдания продолжались и в дальнейшем. В конце ноября 2015 г., к примеру, в районе курортного турецкого г. Бодрум в Эгейском море перевернулись сразу две лодки с беженцами, погибли шестеро детей.

В конце июля 2015 г. более 2 тыс. мигрантов под покровом ночи в очередной раз предприняли массовую попытку силой прорваться в тоннель под Ла-Маншем со стороны французского порта Кале, надеясь нелегально пробраться на Британские острова. Эта атака вновь окончилась неудачей, в ходе ожесточенных столкновений с полицией были задержаны 200 человек, шестеро получили ранения. На другой день попытка штурма повторилась с тем же результатом и 300 арестованными.

Несмотря на человеческие жертвы, искатели лучшей жизни ежедневно и еженощно продолжали высматривать лазейки для «просачивания» через границу. Пришельцы, в основном из Эфиопии и Судана, а также из Афганистана, не оставляли надежд на вольготную жизнь в туманном Альбионе и, ожидая удобного случая пробраться туда, еще в марте 2015 г. разбили близ Кале лагерь, который местные жители тут же окрестили «джунглями», где обитало около 10 тыс. скитальцев и даже была открыта школа для обучения азам английского и французского языков. В местных СМИ с тревогой заговорили об опасности превращения Кале во вторую Лампедузу. Для предотвращения дальнейшего усугубления ситуации французские власти прибегли к старому «доброму» способу – стали возводить в беспокойном районе тоннеля 600-метровую заградительную стену, надеясь хоть как-то обуздать

миграционный натиск. Однако этот шаг не облегчил положение, и попытки штурмовать тоннель продолжались. Тогда в феврале 2016 г. после долгих тяжб с правозащитниками было утверждено судебное решение снести постройки в «джунглях», а их обитателей (около 5 тыс. человек) переселить в переделанные под жильё грузовые контейнеры, расставленные подальше от туннеля. Осуществление этого решения на практике натолкнулось на ожесточенное сопротивление перемещаемых лиц.

В Великобритании наплыву незваных гостей, которых стали называть «оккупантами», также были не рады. Британский премьер Д. Кэмерон назвал их «роем надоедливых насекомых». К концу августа 2015 г. между МВД Франции и Великобританией было заключено специальное соглашение об усилении охраны силами британских полицейских доступа в евротоннель, на что Лондон обязался выделить 10 млн евро. Кроме того, в Лондоне собрались сажать в тюрьму на полгода нелегальных мигрантов, которые, прибыв в туманный Альбион, намеренно уничтожали свои документы.

Лишь к концу первой декады августа 2015 г. Брюссель принял программу по приему мигрантов, рассчитанную на восемь лет, и выделил на эти цели 2,4 млрд евро, 80% из которых предназначались Греции и Италии, а также Франции. Венгрия тут же высказала свое неудовлетворение доставшимися ей «мизерными» отчислениями.

А напряжение с мигрантами продолжало нарастать: в день проведения саммита западно-балканских стран по этой проблеме 27 августа 2015 г., на автобане из Венгрии в Австрию в грузовике было обнаружено более 70 тел задохнувшихся нелегалов. Тогда же у берегов Ливии европейские и ливийские моряки провели спасательную операцию: 200 мигрантов были выловлены, столько же утонуло.

В начале 2016 г. у турецкого побережья перевернулись сразу две лодки с переселенцами, державшими курс на все тот же остров Лесбос. В итоге утонуло 27 человек, в том числе трое детей. Турецкие власти огульно обвинили в этой трагедии Россию, которая якобы «своей поддержкой режима Б. Асада гонит граждан Сирии из своей страны».

Официальный представитель МИД РФ М.В. Захарова решительно отмела такие измышления, резонно заметив, что «именно проводимая нынешним турецким руководством политика попустительства и пособничества различным радикальным и террори-

стическим группировкам в Сирии в немалой степени способствовала и продолжает способствовать разгулу там насилия и экстремизма на грани пещерного варварства» [2].

Запустив во второй половине июня 2015 г. Европейскую военную миссию в Средиземном море, чтобы «разрушить бизнес-модель торговцев людьми», ее инициаторам приходилось думать скорее не об уничтожении судов контрабандистов, а о спасении и дальнейшем обустройстве их пассажиров. На другой день, к примеру, норвежское судно *Siem Pilot* взяло на борт 600 нелегальных мигрантов. С риском для жизни они пытались добраться до берегов Италии на двух утлых деревянных суденышках. Принять и разместить их желающих не нашлось.

К сентябрю 2015 г. все более очевидной становилась безрезультатность усилий государств – членов ЕС по разрешению миграционного кризиса. Ситуация из-за отсутствия согласия внутри Евросоюза относительно практических мер по решению этой непростой и давно назревавшей проблемы была, по сути, пущена на самотек. «Мы как европейцы, – был вынужден признать во второй половине сентября 2015 г. председатель Евросовета Д. Туск, – в настоящее время не в состоянии управлять нашими общими внешними границами, в результате некоторые государства решили защитить себя закрытием своих национальных границ. Тогда как защита Европейского сообщества – это наш первый долг и обязанность, мы не справились на этом фронте».

На внеочередном заседании Совета ЕС 22 сентября 2015 г. было принято решение о создании временного механизма перераспределения в течение двух лет 120 тыс. просителей убежища с территории Греции и Италии, а на внеочередном саммите Евросоюза 23 сентября были достигнуты договоренности о мерах по укреплению контроля на внешних границах ЕС, созданию до конца ноября в Италии и Греции центров приема и регистрации беженцев («hot spots»), оказанию содействия в решении миграционных проблем соседним с Сирией государствам и дополнительном выделении на нужды беженцев через УВКБ ООН и Всемирной продовольственной программы не менее 1 млрд евро.

Перераспределение в течение двух лет 120 тыс. искателей убежища (т.е. 5 тыс. человек в месяц) на фоне нараставшего миграционного потока в ЕС, когда ежедневно около 5 тыс. человек прибывали на территорию Евросоюза, не могло быть окончательным решением этой острой проблемы, порожденной непродуманными действиями в районе Ближнего Востока и Северной Африки

европейских партнеров США. Если в октябре 2014 г. в Европу нелегально через Средиземное море перебрались 23 тыс. человек, то в том же месяце 2015 г. их число возросло в 10 раз до 220 тыс. К тому времени ЕС так и не смог выработать единую позицию по этой проблеме, у него не было ни соответствовавшего ее масштабам общего иммиграционного законодательства, ни учреждений для его применения. На горизонте маячила угроза возможной дестабилизации обстановки на Балканах, где скапливалось все больше горючего материала для социально-политического взрыва.

Во второй половине октября 2015 г. стало известно, что ЕС смог распределить в рамках разработанной в сентябре квотной системы только 1 тыс. мигрантов из прибывших 710 тыс.

Тупиковую ситуацию с беженцами, сложившуюся ко второй половине октября 2015 г., реально оценил премьер-министр Болгарии Б. Борисов: «За десять дней мы собираемся в третий раз и по-прежнему не получаем ответа на основной вопрос: сколько беженцев Европа может принять и кто хочет их у себя видеть? Сегодня царит полный хаос, и страны начинают спасаться самостоятельно и перекидывать беженцев на других. Мы, те, кто находится на границе, подвержены огромному риску, если все начнут возвращать их обратно». Он напомнил, что у Болгарии и Турции не было соглашения о реадмиссии, и подтвердил готовность его страны закрыть границу, если аналогичные действия предпримут Германия, Австрия и Венгрия.

Финляндия к концу 2015 г. полностью перекрыла въезд на свою территорию из РФ на велосипедах, которыми активно пользовались путешественники поневоле, обходя установленный ранее запрет на пеший переход границы. Несколько десятков переселенцев в 30-градусный мороз были оставлены в лесу у пограничного поста.

Очередная попытка развязать «гордиев узел» миграции была предпринята в первой половине ноября 2015 г. на саммите ЕС-Африка, проведенном на Мальте. Его участники решили выделить африканским руководителям до 2 млрд евро на возвращение из Европы и обустройство беженцев и мигрантов. Однако собрать такие деньги оказалось непросто: Италия категорически отказалась вносить свою лепту, а Болгария заявила о готовности выделить всего 50 тыс. евро. Шенгенский режим под напором миграционного вала трещал по швам, каждая из его стран-участниц всё больше ужесточала пограничные и транзитные ограничения.

В самом конце ноября в Брюсселе прошел саммит ЕС–Турция, на котором Анкаре было обещано выделить (по частям, по мере выполнения обязательств) 3 млрд евро на содержание более 2 млн беженцев, скопившихся на ее территории, и усиление пограничного контроля в обмен на облегчение визового режима для турецких граждан и возобновление переговоров о вступлении Турции в ЕС. Анкара потребовала почти вдвое больше – 5 млрд евро

и всю сумму сразу, деньги собраны не были, и людской поток мигрантов через Турцию не спадал.

Кровавые теракты 13 ноября 2015 г. в Париже еще больше осложнили проблемы мигрантов и вынужденных переселенцев: многие европейские страны в панике закрыли границы. Ведь у некоторых ликвидированных во Франции боевиков были найдены документы сирийских беженцев, у других – французские и бельгийские паспорта. Позднее стало известно, что подозревавшийся и скрывшийся от преследования организатор бойни в Париже А. Абауд собирался провести новые нападения, а также нарушить работу транспорта и школ.

В своем окружении он хвастался, насколько легко ему было вернуться во Францию после пребывания у экстремистов в Сирии: сначала он примкнул к беженцам, направлявшимся из Сирии в Грецию, затем, формально являясь бельгийским подданным, воспользовался свободой передвижения внутри Шенгенской зоны.

Новый всплеск террористической активности имел место в марте 2016 г. в столице ЕС – Брюсселе. При этом экстремисты, как выяснилось, замыслили нападения и на атомные объекты Бельгии, что привело бы к ядерной катастрофе в самом сердце Европы. Эти трагические события наглядно высветили изъяны европейской интеграции: у стран – членов ЕС не было последовательной линии во внешней и оборонной политике, отсутствовало эффективное сотрудничество в сфере разведки и защиты внешних границ. Страны – члены Союза лишь одна за другой закрывали перед мигрантами и беженцами свои двери, Шенген «умирал».

Миграционная проблема Европы вызывала серьезную озабоченность и в Москве. Выступая в феврале 2016 г. на Мюнхенской конференции по безопасности, Председатель Правительства РФ Д.А. Медведев отметил: «Появилась реальная угроза разрушения единого экономического пространства. А вслед за ним и культурного пространства, и даже самой европейской идентичности. Мы с сожалением видим подрыв нужных для России механизмов,

имею в виду угрозу развала Шенгенской зоны» [3]. Объясняя причины такого беспрецедентного по масштабам явления, как вал мигрантов, российский премьер указал на «безуспешные попытки пересадить модельные, «западные» образцы демократии в совершенно не подготовленную для нее социальную среду, которые привели к разрушению целых государств, превратили огромные территории в зоны военных действий». Он также отметил, что в странах, откуда уезжают люди, деградирует человеческий капитал, а вместе с ним тают перспективы развития.

К концу 2015 г., по подсчетам европейских спецслужб и экспертов, в Старый Свет перебрались, преимущественно с Ближнего Востока и из Северной Африки, более 1,5 млн мигрантов, около 4 тыс. погибли в пути или пропали без вести. По данным ООН, только с сентября 2015 по февраль 2016 г. в Средиземном море утонули более 340 детей беженцев, направлявшихся в Европу. В 2016 г., по прогнозам экспертов, число мигрантов могло возрасти вдвое, а четкого ответа на все обостряющуюся проблему наплыва чужестранцев найдено так и не было.

Накануне 2016 г. массовые беспорядки, спровоцированные миграционным кризисом, вспыхнули сразу в нескольких европейских странах. В испанском городке Рокетас де Мар беженцы жгли мусорные баки и били витрины. Поводом для волнений стало убийство одного из приезжих. А на французской Корсике демонстрация в поддержку полицейского и двоих пожарных, на которых накануне напали и ранили переселенцы, переросла в погром. Несколько сотен местных жителей разгромили мечеть, выкрикивая антиисламские лозунги. А тем временем в Кале беженцы предприняли очередную попытку штурма «Евротоннеля», чтобы попасть в Британию. Полиции удалось сдержать толпу и не допустить сбоя в движении поездов.

Напряженная ситуация в сфере безопасности побудила руководство Бельгии, Франции, ФРГ и ряда других европейских стран существенно сократить, а в ряде случаев и вовсе отменить, праздничные мероприятия по случаю Рождества и Нового 2016 г. В Мюнхене в новогоднюю ночь из-за угроз терактов пришлось эвакуировать вокзалы. Такие меры помогли мало: в Кельне и других немецких городах, а также в Австрии и Швейцарии, несмотря на усиленный полицейский режим, приезжие молодые люди в новогодние праздники испражнялись прямо на улицах, активно участвовали в грабежах и сексуальных домогательствах в отношении местных жительниц, некоторые из которых подверглись наси-

лию. К тому времени спецслужбы ФРГ предупредили, что более 400 исламистов, прибывших в Германию с Ближнего Востока в качестве беженцев, были готовы нанести удары в любой момент.

По опубликованным в Швеции под напором массовых протестов и явно заниженным данным, только за последние три месяца 2015 г. беженцами из стран Африки и Ближнего Востока было совершено свыше 5 тыс. преступлений.

В наступившем 2016 г. бесчинства молодчиков из числа мигрантов, прибывавших с Ближнего Востока, продолжались: в середине января, в лагере для беженцев в Венгрии они устроили бунт после приставания к женщинам-полицейским.

В конце февраля глава полицейской службы ЕС с тревогой сообщил, что Европа столкнулась с самой высокой террористической угрозой за последние десять лет. По его данным, на территории Евросоюза к тому времени скопилось около 5 тыс. боевиков, прошедших подготовку в тренировочных лагерях ДАИШ. Нападения с большим числом жертв среди мирного населения можно было ожидать как от отрядов экстремистов, так и одиночек-смертников.

На волне правонарушений со стороны приезжих Австрия в середине января на время вышла из Шенгена и полностью закрыла свои границы, а Дания потребовала от эмигрантов оплаты пребывания на своей территории. Месяц спустя Вена ввела лимит на прием беженцев: в сутки в страну разрешалось въехать не более 3 тыс. человек, при этом убежище в ней могли получить лишь 80 из них. Для остальных республика, вторая по привлекательности для мигрантов после ФРГ, принявшая в минувшем году более 90 тыс. человек, могла стать лишь транзитным государством.

Во многих городах и весях европейских государств в социальных сетях раздались призывы сформировать «отряды гражданской самообороны» – народные дружины для защиты от преступных выходов чужаков. Власти эту идею не одобрили, опасаясь самосудов. Однако они шли своим ходом: только в 2015 г. в ФРГ произошло около тысячи нападений на лагеря беженцев. В начале 2016 г. там участились поджоги приютов для мигрантов.

Рост насилия в результате наплыва беженцев и мигрантов вызвал дальнейшее обострение внутривнутриполитической ситуации в Европе. Многие руководители стран ЕС, и А. Меркель, в частности подверглись нападкам со стороны правых националистов из-за неспособности обуздать пришельцев. Выяснилось, что правоохранители получали от властей «рекомендации» не разду-

вать факты преступных деяний иностранцев, дабы не обострять и так непростую внутреннюю межэтническую ситуацию. По данным проведенного во Франции в марте 2016 г. соцопроса, почти 60% жителей страны высказались против приема мигрантов, а более 70% – за отмену Шенгенского соглашения.

Отбиваясь от нападок правых националистов, западноевропейские руководители все чаще прибегали к излюбленному методу перекалывания вины «с больной головы на здоровую», бесосновательно возлагая ответственность за миграционный бум на Россию. Отводя такие недобросовестные попытки, Д.А. Медведев призвал искать причины наплыва мигрантов не в политике России, а в событиях, «которые привели к детонации общей ситуации в целом ряде стран, и в Сирии, и в Ливии, и в некоторых других государствах» [4].

Во второй половине марта 2016 г. между ЕС и Турцией было достигнуто соглашение о равновеликом обмене прибывших в Европу мигрантов на сирийских беженцев. Анкара, согласившаяся принять выдворяемых из Европы нелегалов, хотя и не сразу, должна была получить дополнительно 2 млрд евро. Вскоре западная пресса запестрела сообщениями правозащитных организаций о жестоким обращении турецких властей с сирийцами, спасавшимися от войны, об их насильственной депортации на родину и даже о расстреле некоторых из них [5]. Да и сами депортируемые не горели желанием отправиться назад – из благополучной Европы в беспокойную Турцию, а затем, возможно, и в Сирию, – и всячески сопротивлялись выполнению заключенного без их ведома соглашения [6]. Таким образом, острота проблемы снята не была.

Все углублявшаяся поляризация европейского общества, нарастание исламофобии были на руку исламистским идеологам, позиционировавшим «халифат» как единственно надежную опору мусульман, живших во враждебном окружении неверных и «новых крестоносцев» [7]. Их всё большее отчуждение в европейских странах проживания, нарастание в политической и повседневной жизни на континенте правонационалистических тенденций также подпитывали потоки «туристов джигида», направлявшихся на Ближний Восток повоювать за веру.

Миграционный кризис стал серьезным испытанием на прочность для всего Евросоюза, не сумевшего мобилизовать свои ресурсы для его решения. Без «подпитки» гастарбайтерами западноевропейской экономики не обойтись, поэтому можно ожидать, что

в обозримом будущем приток иностранной рабочей силы на континент будет продолжаться. Руководителям ЕС предстоит немало поработать, чтобы поставить его под надежный, прежде всего антитеррористический контроль, наладить в этих целях эффективное повседневное и разностороннее сотрудничество соответствующих спецслужб.

В этой связи не обойтись и без создания международной антитеррористической коалиции, к чему постоянно призывала и призывает Россия. Западным странам стоило бы прекратить занятия «социально-политической инженерией» и отказаться от попыток навязать народам суверенных государств свои рецепты дальнейшего развития. Вся недавняя история свидетельствует об их полной контрпродуктивности, приводящей лишь к страданиям и лишениям миллионов людей, вынужденных искать приют и хлеб насущный вдали от разрушенных родных очагов.

Литература

1. Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru> 27.07.15/
2. Интерфакс. 09.01.16.
3. Интерфакс. 13.02.16.
4. Телеканал ТВЦ. 30.01.16.
5. The International.
6. Al-Hayat (Beirut). 03.04.16.
7. Asharq Alawsat (London). 05.02.16.

*«Вестник Московского государственного
лингвистического университета»,
2016 г., вып. 17 (756), с. 120–135.*

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

И. Добаев,

доктор философских наук, профессор,
эксперт Российской академии наук,
Южный федеральный
университет (г. Ростов-на-Дону)

**«ДАИШ»: ИДЕОЛОГИЯ, СТРУКТУРА,
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА, КАНАЛЫ
ФИНАНСИРОВАНИЯ**

Аннотация. «ДАИШ», или «ИГИЛ» («Исламское государство Ирака и Леванта»), выступает наследницей традиций «Аль-Каиды», его предшественницей была «Аль-Каида в Ираке». Поскольку уже в 2014 г. «ДАИШ» сумело создать квазигосударство на обширных территориях Ирака и Сирии, исследователей, безусловно, интересует вопрос, является ли данная исламистская группировка следствием эволюционного процесса в рамках радикального исламистского движения, или же она стала чем-то новым, неизвестным прежде явлением, которое следует изучать с использованием каких-то новых ракурсов рассмотрения. В рамках изложенной статьи проводится анализ «ДАИШ» с точки зрения ее идеологической доктрины, организационной структуры, рассмотрения специфической политической практики насилия и осмысления финансово-экономических основ ее подпитки. Проведенный анализ позволяет утверждать, что «ДАИШ», несмотря на имеющиеся некоторые новации, является всё же только эволюционным элементом в цепи развития современного радикального исламистского движения.

Ключевые слова: «ДАИШ», идеология, исламизм, структура, политическая практика, экономика и финансирование радикальных исламистских организаций, терроризм.

Уже несколько десятилетий внимание ученых фокусируются на изучении неправительственных религиозно-политических орга-

низаций (НРПО) исламистской направленности, продуцирующих религиозно-политический экстремизм и терроризм, прикрывающийся исламом. Исследователей современного терроризма и связанных с ним проблем, прежде всего, интересует динамика изменений, обусловленных формированием идеологических доктрин радикальных исламистов, их организационных структур, форм и методов осуществления ими специфической политической практики, а также вопросы финансовой подпитки терроризма¹. В этой связи проведем анализ указанных четырех сфер, поддерживающих современный терроризм в мире, применительно к «ДАИШ» («ИГИЛ»), что в переводе с арабского на русский язык звучит как «Исламское государство Ирака и Леванта». Сегодня эта группировка известна как «Исламское государство» (ИГ).

ИГ возникло в 2006 г. в период оккупации Ирака войсками США и их союзников. В то время эта суннитская исламистская группировка называлась «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) и ставило своей целью борьбу с оккупационными силами (Левант является латинским переводом арабского географического названия аш-Шам, обозначающего современные Сирию, Ливан, Палестину и часть Иордании). После начала гражданского конфликта в Сирии в 2011 г. часть формирований ИГИЛ вошла на сирийскую территорию и присоединилась к действиям вооруженной сирийской оппозиции против правительственной армии. Боевики ИГИЛ захватили на территории Сирии часть отдаленной провинции Ракка, где объявили о введении законов шариата. Характерно, что действия ИГИЛ, как и других оппозиционных сил, в то время поддерживались странами НАТО и монархиями Персидского Залива, выступавшими за свержение президента Сирии – Б. Асада².

В августе 2014 г. боевики ИГИЛ, используя недовольство части суннитских племен на севере Ирака преобладанием шиитов в руководстве страны и ущемлением прав суннитов, вмешались в конфликт между суннитской общиной и правительством Нури аль-Малики, предприняли успешное наступление в глубь Ирака и захватили ряд городов, в том числе второй по величине иракский город Мосул. В захваченных районах ИГИЛ начало практиковать

¹ Добаев И.П. Радикализация ислама в современной России. – Москва – Ростов-на-Дону: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2014. – С. 133.

² Добаев И.П. Черноморско-Каспийский регион в фокусе стратегических интересов мировых держав // Ориентир. – 2015. – № 12. – С. 10–14.

репрессии и террор по отношению к этническим и конфессиональным меньшинствам (курдам, мусульманам-шиитам, езидам, христианам). Боевики ИГИЛ даже пытались распространить свое наступление на Ливан, угрожали Иордании. Через некоторое время эта террористическая группировка провозгласила на захваченных территориях Ирака и Сирии «Исламское государство» (ИГ), руководителем которого был объявлен лидер ИГИЛ – Абу Бакр аль-Багдади¹.

Стремясь к развитию военного успеха, боевики ИГ предприняли наступление в направлении Киркука в районе нефтяных месторождений Иракского Курдистана, но были остановлены курдскими вооруженными формированиями «пешмерга». Ведущие страны НАТО во главе с США заявили о своей поддержке курдов в их противостоянии с ИГ и приступили к поставкам военного снаряжения в Иракский Курдистан, который после краха режима Саддама Хусейна получил широкую автономию и де-факто (но не де-юре) является самостоятельным государственным образованием. В тот период времени США, Евросоюз и Израиль фактически подталкивали курдов к независимости, планируя превратить будущее независимое курдское государство во влиятельную прозападную силу в регионе. Военно-политическая поддержка Западом курдов в их противостоянии с ИГ была обусловлена также тем, что наступление ИГ угрожало нефтеносному району Киркука и городу Эрбиль, столице Курдистана, где находятся представительства многих западных компаний.

Как следствие, Вашингтон и Лондон заявили о начале бомбардировок территорий, контролируемых ИГ, а также о создании коалиции из 40 государств (участие в коалиции Ирана и Сирии инициаторами ее образования исключалась) для борьбы с этой группировкой. Одновременно США до сих пор подвергают бомбардировке позиции ИГ не только на территории Ирака, но и Сирии, причем без ведома официальных властей этих стран. Таким образом, совершенно очевидно, что все действия США в плоскости борьбы с «Исламским государством» подтверждают неизменность целей американской политики в регионе: свержение режима Башара Асада в Сирии, приведение к власти в Ираке сил, враждебных Тегерану и Дамаску, максимальное ослабление Ирана

¹ Добаев И.П., Добаев А.И., Немчина В.И. Геополитика и терроризм эпохи постмодерна. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2015. – С. 86.

и шиитского движения «Хизбаллах» в Ливане, а в перспективе – продвижение «джихада» к границам России.

В свое время автор настоящей статьи предложил классификацию исламистских НРПО по этапам их эволюции, которые, как представляется, четко маркируют организации разных поколений по степени радикализации их идеологических доктрин и эскалации политической практики насилия, нацеленных на достижение исламистами власти в масштабах анклава, отдельной страны, а также на региональном или даже глобальном уровне. На основании предлагаемого эволюционного подхода нами были выделены четыре поколения (волны, этапа) в развитии неправительственных религиозно-политических организаций, в результате чего была предложена следующая их типология¹:

НРПО первого поколения: египетская «Братья-мусульмане» (БМ), образованная на их базе филиальная сеть в других мусульманских странах, а также организации, отпочковавшиеся от «Братьев», но придерживающиеся их идейных установок;

– *организации второго поколения*, возникшие в ходе борьбы арабов с сионистской экспансией на Ближнем Востоке под влиянием идей «исламской революции» в Иране (например, палестинская «Джихад ислами», ливанская «Хизбаллах»);

– *НРПО третьего поколения*, развившиеся в ходе событий в Афганистане, начиная с апреля 1978 г. по настоящее время (наиболее ярким примером выступает религиозно-политическое движение «Талибан»);

– *структуры последнего, четвертого поколения*, представляющие собой международные радикальные исламские группировки, стремящиеся консолидировать, контролировать и управлять практически всеми экстремистскими НРПО «мусульманского мира» (к таким организациям можно отнести «Аль-Каиду» и «Мировой фронт джихада», основанные Усамой бен Ладеном).

Безусловно, все современные исламистские НРПО «вышли из шинели» египетских «Братьев-мусульман». Не стала исключением из этого правила и «ДАИШ». Ее идеологическая доктрина заимствована у такфиритов-джихадистов «Аль-Каиды», поскольку основообразующими категориями этой НРПО выступают два особым образом интерпретируемые понятия – такфир (обвинение

¹ Добаев И.П. Политические институты исламского мира: Идеология и практика. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001. – С. 17–18.

в «куфре», т.е. неверии) и джихад (священная война за веру)¹. В этой связи радикальных исламистов нередко называют такфиристами-джихадистами.

Понятие «такфир» базируется на выделении так называемых «врагов ислама», куда по мысли современных теоретиков-исламистов, входят, во-первых, все немусульмане («кафиры» – неверные), а, во-вторых, мусульмане, не разделяющие идеологических взглядов исламистов («муртаддун» – отступники от ислама, а также «мунафикун» – лицемеры – то есть те, кто верит неправильно или неискренне). Что касается концепции джихада, то она, в противовес мусульманской ортодоксии, стала квалифицироваться исключительно как война с «врагами ислама», причем радикальные исламисты допускают наступательный, инициативный характер этой борьбы.

Так, Айман аз-Завахири, в июне 2011 г., после уничтожения Усамы бен Ладена ставший лидером «Аль-Каиды», в своей книге «Аль-Валайя валь-бараа» в связи с агрессией США и их союзников в отношении талибского Афганистана обнародовал своеобразную фетву, в которой говорится о том, что мусульманину запрещено сближаться с кафирами, следует хранить в тайне любые секреты мусульман. Запрещено вести какие-либо дела с кафирами. Запрещено воспринимать какие-либо теории и идеи безбожников. Запрещено помогать кафирам в их войне с мусульманами и как-то оправдывать «крестоносцев». Мусульманам предписано вести джихад с безбожными агрессорами, отступниками и лицемерами (под двумя последними подразумеваются арабские режимы, предоставившие свою территорию для антитеррористической кампании, а также улемы, издающие лживые фетвы, купленные властями)².

В свою очередь, уничтоженный в июне 2006 г. в Ираке лидер местной ячейки «Аль-Каиды» (впоследствии на основе этой организации и возникла «ДАИШ». – *И. Д.*), иорданский террорист Абу Мусаба аз-Заркави в своей лекции, размещенной на многих сайтах³ под заголовком «Вы больше знаете или Аллах?», заявил, что «джихад есть обязательная война против неверных». Термин

¹ См. подробнее об этом: Игнатенко А.А. Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 2 (8).

² Добаев И.П. Радикализация ислама в современной России. – Москва – Ростов-на-Дону, 2014. – С. 149–150.

³ См., например: <http://www.short-link.de/2054>

«гражданское население», утверждал аз-Заркави, является «ложным», поскольку ислам не делит людей на гражданских и военных, он знает лишь разделение людей на мусульман и неверных. И если «кровь мусульманина запретна, чтобы он ни делал и где бы ни находился», то «кровь неверного дозволена, чтобы он ни делал и где бы ни находился, если с ним не заключен договор или он не был пощажен».

Аз-Заркави делил людей на три разряда:

1) мусульмане;

2) неверные, мирно относящиеся к исламу, т.е. вошедшие под покровительство (зимма) мусульман, заключившие с ними перемирие (худна) или пользующиеся предоставленной им пощадой (аман);

3) все прочие люди. Их аз-Заркави объявил «воюющей стороной»: шарият, напоминал он, лишает их защиты и дает мусульманам право убивать их, делая исключение лишь для отдельных категорий (в первую очередь, детей и женщин). На этом основании, считал аз-Заркави, «неверие в Аллаха – достаточное основание для убийства неверного, чтобы он ни делал и где бы ни находился».

Таким образом, усилиями зарубежных, прежде всего египетских исламистских теоретиков, в XX – начале XXI в. сложилась стройная идеологическая доктрина такфиритов-джихадистов, являющаяся идеологическим обоснованием современного терроризма, прикрывающегося исламским вероучением, а также оправданием жестокой политической практики радикальных исламистов и террористов. Практически все современные радикальные исламистские группировки, включая «ДАИШ», напрямую используют положения именно этой доктрины, а потому говорить об идеологической самостоятельности этой структуры не приходится.

Что касается организационного строения современных НРПО, то история последнего столетия со всей очевидностью свидетельствует, что деятельность организаций религиозно-экстремистского толка нередко зависит от отношения к ним правящих режимов. В условиях разнопланового прессинга и силового давления они, как правило, уходят в подполье, организуясь в децентрализованные сетевые структуры¹. При благожелательном отноше-

¹ См., например: Анисимова Н.А., Добаев И.П. Сетевые структуры террористов на Северном Кавказе / Под ред. Добаева И.П. – Москва – Ростов-на-Дону: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2016. – 143 с.

нии к ним властей, привлечении их к парламентской и экономической деятельности, они, наоборот, нередко достаточно уверенно интегрируются в политические системы своих стран. Это можно полностью отнести, например, к первой организации такой направленности – египетским «Братьям-мусульманам», основанной шейхом Хасаном аль-Банной в декабре 1928 г., которая временами действовала легально, а порой, например в настоящее время, находясь в подполье.

Следует подчеркнуть, что большинство образовавшихся на идеологической и организационной основе египетских «Братьев-мусульман» многочисленных религиозно-политических экстремистских группировок далеки от интеграции в политические системы своих стран, и ведут неустанную борьбу с режимами «тагутов» (узурпаторов), используя в этих целях все средства, в том числе и террористического характера. Естественно, по таким группировкам власти наносят жестокие удары, вследствие чего они нередко переходят в подполье.

Вместе с тем, в 90-х годах прошлого века мир стал свидетелем объединительных процессов в радикальном исламистском движении. Экстремисты в тот период времени контролировали Афганистан, Судан и отчасти Чечню, рассчитывали расширить плацдарм своего могущества, все чаще говорили о воссоздании халифата, исламизации мирового пространства и т.д. В 1998 г. им даже удалось создать так называемый «Мировой фронт джихада», под сенью которого произошло объединение наиболее одиозных экстремистских группировок «исламского мира». Уверенно создавалась иерархическая сетевая структура глобального масштаба, с претензиями на мировое господство, во главе с лидером «Аль-Каиды» того времени – Усамой бен Ладеном.

Однако после событий 11 сентября 2001 г. и в результате начавшейся антитеррористической кампании под эгидой США повсюду стала фиксироваться децентрализация структур радикальных исламистов. Их отличительной особенностью стала высокая степень адаптации к реалиям современного мира. Хотя и остались действующие строго иерархически группировки, большинство всё же получили «размытые» управленческие механизмы, появились структуры, организованные по типу «паучьей сети», а также и полностью независимые.

Сетевой принцип организации дает террористическим группировкам следующие важные возможности:

– *совместимость* транснациональных террористических групп, нелегальных торговцев оружием, транснациональных преступных синдикатов, наркомафии, фундаменталистов, этнонациональных движений, экстремистской идеологии, информационных пиратов, контрабандистов¹;

– *высокая скорость* поступления и передачи *информации*²;

– *единая информационная инфраструктура*³;

– *скорость командования* (сокращение скорости принятия решений)⁴;

– *«самосинхронизация»* (возможность действия в автономном режиме);

– *«распределение силы»* (ведение точечных операций; занятие обширного пространства; возможность сосредоточения большого объема силы; усиление взаимодействия);

– *децентрализация*;

– *конспиративность*, надежная система безопасности⁵;

– *глубокая интеграция* (вовлеченность) элементов системы;

– *подвижность* (трудно уязвимая цель);

– *эффективность* использования *современных возможностей*;

– возможность осуществления эффективной деятельности под командованием *экстerrиториального центра*.

Кроме того, как свидетельствует мировой опыт, децентрализуемые радикальные исламистские структуры обладают повышенными способностями к регенерации, а, кроме того, в их состав постоянно осуществляется приток свежей крови.

В результате, на сегодняшний день «Аль-Каида» представляет собой сеть из плохо связанных друг с другом региональных организаций с ослабленным центральным руководством. Руководство стимулирует отдельные организации на осуществление терактов, порой помогает им деньгами и советами, а также обучает

¹ Бедрицкий А.В. Эволюция американской концепции информационной войны / Аналитические записки РИСИ. – М., 2003. – № 3. – С. 13.

² Бедрицкий А.В. Реализация концепции сетевой войны в ведущих странах Запада. – М., 2005. – № 3. – С. 67.

³ Alberts D., Garstka J., Stein P. Network Centric Warfare. Developing and Leveraging Information Superiority // CCRP, 2000. – P. 1.

⁴ Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. – СПб.: Амфора, 2007. – С. 22.

⁵ Libicki M. What Information Architecture for Defense // New Challenges, New Tools for Decision making, 2003. – P. 8.

их боевиков таким навыкам, как производство взрывных устройств или бой в городских условиях. Тем не менее о современном террористическом движении сегодня уместнее говорить как о разветвленной децентрализованной сетевой структуре, или даже такого же рода движении.

Аналогичное можно сказать и о «ДАИШ»: на контролируемых группировкой территориях наблюдается иерархическое строение ее отрядов. В других случаях, например на Северном Кавказе, где ряд банд бывшего «Имарата Кавказ» присягнули на верность «ИГ», фиксируются исламистские сети¹. В случае окончательного военного поражения «ДАИШ» в Ираке и Сирии нет никакого сомнения в том, что как и «Аль-Каида», эта группировка окончательно станет сетевой, перенеся свою деятельность в глубокое подполье. Отсюда следует, что и в области организационного строительства лидеры «ДАИШ» используют уже наработанные их предшественниками схемы, не привнеся в эту область каких-либо существенных новаций.

Относительно форм и методов осуществления боевиками «ДАИШ» своей практической деятельности, то, как и у других радикальных исламистских группировок, спектр их деятельности достаточно широк: от осуществления так называемого «исламского призыва» (идеолого-пропагандистская и информационная деятельность) – до самых изощренных способов осуществления диверсионно-террористической активности, включая акции самоподрывов (так называемый «шахидизм»). Однако в любом случае можно утверждать, что и в области форм и методов осуществления своей специфической практики активисты и боевики «ДАИШ» не изобрели ничего нового, оригинального по сравнению с практикой их «коллег» в государствах арабского, а шире – мусульманского Востока, но являются потребителями изобретений «первооткрывателей», начиная от «Братьев-мусульман» и вплоть до «Аль-Каиды».

Финансирование любой террористической группировки представляется крайне существенным вопросом по той причине, что невозможно осуществлять какую-либо деятельность без наличия денежных средств. Для «ДАИШ» сформированная финансовая система выступает важнейшим системным элементом, в значи-

¹ См. об этом: Добаев И.П., Умаров Д.В. Терроризм на Северном Кавказе: Влияние внешних факторов / Под ред. Добаева И.П. – Москва – Ростов-на-Дону: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2016. – 173 с.

тельной степени определяющим возможности реализации далеко идущих планов по воссозданию так называемого «халифата». В настоящее время финансирование ИГ, его отдельных региональных кластеров, в том числе и северокавказского, является многоканальным. При этом масштабы финансирования, структура его источников и их соотношение пребывают в постоянной динамике. Однако в каждый момент времени структура финансирования «ДАИШ» и его сторонников может существенно различаться по отдельным контролируемым этой организацией территориям, как и ее зарубежными сетевыми структурами. При этом, по мере перехода от централизованных структур, что представляется практически неизбежным в случае военных успехов сирийской армии при поддержке ВКС РФ, к полицентрической (сетевой) организации подполья, источники финансирования будут и далее дифференцироваться, дробиться, как и число возможных адресатов данного финансирования.

На сегодняшний день источники финансирования «ДАИШ» могут быть разбиты на две основные группы: внешние и внутренние. К внешним источникам можно отнести поддержку от государств-спонсоров; религиозных учреждений; коммерческих и некоммерческих организаций; индивидов, населения и диаспор; а также разнообразных террористических ячеек. К источникам внутреннего финансирования «ДАИШ» следует отнести доходы, получаемые от добычи и продажи нефти, присвоения денежных средств при захвате банков и других финансовых учреждений, легального и нелегального бизнеса (работоторговля, торговля оружием, наркотиками и т.п.), а также прочие доходы, к которым можно причислить помощь богатых террористов, которые могут являться членами террористической организации, а также и рэкет.

Итак, в настоящее время реальная структура финансирования «ДАИШ» и его последователей в других странах представляет собой разветвленную сеть, непрерывно меняющую свою географию и структуру, общий объем циркулирующих средств, долевые соотношения различных источников. Однако все эти источники финансово-экономической подпитки радикалов «ИГ» вряд ли следует считать некими новациями, изобретенными активистами «ДАИШ»; они были известны и прежде в практике других современных радикальных исламистских групп.

Тем не менее «ДАИШ» существенно отличается от других структур, заявляющих те же цели и базирующихся на тех же идео-

логических принципах. Среди таких главных отличий, как представляется, следует выделить следующие:

1. Скорость развития группировки (в 2003 г. – «Аль-Каида в Ираке», в 2013 г. – «ДАИШ» («ИГИЛ»), в 2014 г. – «ИГ», захват части территории Ирака и Сирии).

2. Масштабность действий («ИГ» была близка к захвату Багдада и Дамаска, объявлению воссоздания «Халифата», распространению своего влияния на территории, некогда входившие в состав Аббасидского халифата).

3. Создание на контролируемых территориях квазигосударства (признаки: законы, территория, налоговая и денежная системы и т.д.).

4. Наличие подконтрольных сетевых группировок в Алжире, Афганистане, Египте, Ливане, Ливии, Нигерии, Пакистане, на Северном Кавказе.

5. Использование новейших технологий и механизмов идеологической и информационной работы в русле оказания влияния, прежде всего, на молодежь.

Подытоживая вышеизложенное, следует подчеркнуть, что в течение XX – начале XXI в. в мире появились сотни радикальных исламистских группировок. По нашему мнению, наиболее масштабными из них являются три: «Братья-мусульмане», располагающие своими структурами во многих странах, «Аль-Каида», создавшая в различных регионах мира сетевые кластеры, и, конечно, «ДАИШ», достигшая своеобразных «успехов» в деле строительства «Халифата». Однако, не без внешних инспираций, возбуждение «мусульманского мира» продолжает набирать обороты. Отсюда следует, что говорить об упадке и стагнации радикального исламистского движения преждевременно.

*Статья написана специально для бюллетеня
«Россия и мусульманский мир».*

А. Буттаева,

доктор философских наук, профессор кафедры
онтологии и теории познания Дагестанского
государственного университета

**АКТУАЛЬНО, КОМПЛЕКСНО И ОСНОВАТЕЛЬНО
О РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ЭКСТРЕМИЗМЕ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

**(Рецензия на монографию «Религиозно-
политический экстремизм: Сущность, причины,
формы проявления, пути преодоления»)**

Года три тому назад в разговоре с коллегой, который долгое время занимался преподаванием философии в одном из вузов Украины, мы обсуждали вопросы религиозно-политического экстремизма. И были откровенно удивлены, когда он сказал, что в вузах Украины этот предмет не преподается, да и он сам даже не знает, что это такое. Прошло всего три года, и мы стали свидетелями происходящих на Украине событий, где экстремистские тенденции в обществе проявляются в наиболее ожесточенной и агрессивной форме. Это является еще одним красноречивым подтверждением того, что в современном глобализирующемся мире никто не застрахован от «социально активного и мобильного религиозного экстремиста» (хотя на Украине больше обозначен политический экстремизм), «чьи социально-политические настроения реализуются уже не столько в форме традиционного религиозного ожидания, сколько в стремлении собственными деструктивными усилиями преобразовать нетерпимую социальную среду» [с. 3].

Любая концепция, ставящая перед собой задачу анализа всякого рода социальных явлений, в лучшем случае, на наш взгляд, указывает на ту или иную жизненную проблему, но ни в коем случае эту проблему не решает. Это предварительное, пропедевтическое, именно методологическое, но ни в коем случае не самодостаточное исследование, не самоцель.

В рецензируемой книге «Религиозно-политический экстремизм: Сущность, причины, формы проявления, пути преодоления», под общей редакцией М.Я. Яхьяева, на это совершенно определенно указывают и сами авторы: «На данном этапе проблема рели-

* «Религиозно-политический экстремизм: Сущность, причины, формы проявления, пути преодоления» / Под общ. ред. проф. М.Я. Яхьяева. – М.: Парнас, 2011. – 295 с.

гиозно-политического экстремизма не имеет общего выражения в форме единой социально-философской концепции. Исследователи, как правило, обращаются лишь к отдельным ее аспектам» [с. 5]. Решение проблем может быть рассмотрено в направлении достижения наилучшего социально-политического миропорядка, преобразований в социокультурном пространстве, международных отношениях и обеспечения независимого и счастливого жизненного существования и свободного мышления каждого человека.

Первое знакомство с коллективной монографией «Религиозно-политический экстремизм: Сущность, причины, формы проявления, пути преодоления» вызывает чувство удовлетворения полнотой и современным уровнем рассмотрения сущности и причин возникновения религиозно-политического экстремизма. Многовариантность осмысления, методологическая и логическая правильность выстраивания авторской концепции и структуры излагаемого материала по всем семи главам и двадцати шести параграфам, а вместе с тем доступность изложения довольно сложных проблем формируют искренний интерес к книге.

Согласимся, что религиозно-политический экстремизм в современном мире как сложное многосоставное явление не может быть односторонне рассмотрено и оценено в полярных категориях примитивной двухмерной шкалы ценностей: «регресса», «отсталости», «полного заимствования», «всецелого влияния и обусловленности» каких-то регионов, с одной стороны, их «прогресса», «поступательного развития», «исключительной самобытности», «абсолютной самостоятельности» и т.д. – с другой. По крайней мере, однозначное решение данной проблемы вряд ли возможно. Особенно если иметь в виду давние и многообразные причины возникновения экстремизма в человеческом сообществе.

Мы также должны отметить, что наука мало говорит, даже, можно сказать, ничего не говорит нам по этому поводу, но философия как форма духовной культуры должна ответить и отвечает на этот и другие злободневные вопросы сегодняшнего дня. Профессиональным долгом философов является глубокое осмысление судьбоносных проблем, которыми живет общество.

Значимость для современного общества обозначенных в монографии проблем очевидна в силу возрастающего интереса, проявляемого общественностью к причинам порождения массовой волны экстремистских проявлений во всех частях света. Актуальны эти проблемы для нашей страны, и в особенности ее мусульманских регионов.

Несомненная заслуга авторов рецензируемого исследования – это последовательный и комплексный философский анализ проблем современного сообщества, связанных с таким масштабным явлением, как религиозно-политический экстремизм. Эти проблемы определены авторами не только с той или иной степенью описательности, но и с ясным пониманием их значимости и необходимости их решения для будущего человека и всего человечества. Представляется, несомненно, ценным характерный для монографии постоянный переход от рассмотрения мировоззренческих основ экстремизма к их конкретной приложимости в жизни – будь то поведение и практические нужды отдельного человека или действие стран и народов.

Всестороннее осмысление религиозно-политического экстремизма позволило авторам раскрыть специфику онтологического, антропологического, социального аспектов рассматриваемого феномена. Очень сбалансированно и взвешенно проанализированы такие аспекты проблемы, как природа, социально-культурные основания, формы социальной организации, условия и формы проявления современного религиозно-политического экстремизма, религиозно-политический экстремизм в социологическом измерении, духовно-нравственные основы его профилактики и преодоления, правовые основы противодействия. Не менее основательно раскрыта в коллективной монографии и специфика различных видов и направлений экстремизма [§ 2, гл. 1].

Какова же природа экстремизма в ее связи с жизнью человека? Это основной вопрос, которым задаются авторы и пытаются найти не только научно-рациональное объяснение, но и конкретное, нравственное понимание борьбы добра и зла мире. Вот что пишут авторы по этому поводу: «Проводники экстремизма постоянно балансируют на грани дозволенного, “жонглируют” добром и злом. Это способствует деформации их сознания, которая в свою очередь ведет к отчуждению от культурных и нравственных норм» [с. 57].

Авторы очень удачно, на наш взгляд, провели специфическое различие объективных и субъективных причин возникновения и становления религиозно-политического экстремизма на территории России. Трудная, зачастую болезненная перестройка общественной жизни постсоветского периода сопровождалась не только извлечением из мрака насильственного забвения исторических, религиозных и др. фактов жизни российских народов, но и влиянием зарубежного миссионерства в отношении религиозного

возрождения. Не углубляясь целиком «вовнутрь» в поисках субъективных причин расцвета религиозно-политического экстремизма; авторы значительную часть этих проблем рассматривают как неразрывно связанные с более широкими вопросами (объективные причины) политико-экономической организации постсоветского пространства [§ 3, гл. 4].

В этой связи отметим, что большинство внутренних проблем России и конфликтов в ее периферийных регионах являются социально-экономическими и геополитическими по своей природе и, следовательно, могут быть решены только на основе объединяющего социально-экономического и геополитического видения и стратегии, а не индивидуально и по мере их возникновения.

Говоря о фундаментальном значении духовных ценностей в борьбе с религиозно-политическим экстремизмом [§ 1, гл. 6], авторы монографии вплотную подходят к концепции социальной справедливости, которая включает в себя целый комплекс задач, «решение которых позволит эффективно противодействовать идеологии и практике экстремизма». Основными являются «репрессивное подавление или ограничение деятельности экстремистских религиозных организаций и сообществ; борьба с экстремистской религиозной идеологией за сознание людей, еще не подверженных заразе экстремизма; перевоспитание и переубеждение людей, уже зараженных экстремизмом; выработка позитивной идеологической альтернативы религиозной экстремистской идеологии; создание социально-духовного климата, препятствующего зарождению религиозного экстремизма; перестройка системы общественного воспитания, с тем чтобы исключить формирование деструктивных и аномальных типов личности» [с. 229]. Конечно, можно еще и еще перечислять меры, и все они будут правильными с точки зрения социальной обусловленности, тем более мы с вами знаем, что монополии на истину не существует. Есть еще очень много других способов видеть истину и приближаться к ней, но магистральную линию всегда стоит обозначать в первую очередь.

Не отрицая общественно-исторической обусловленности возникновения элементов экстремизма в человеческом поведении и учитывая относительно константные, сохраняющиеся на протяжении всей человеческой истории биологические механизмы, которые определяют и характеризуют инстинктивные и полунинстинктивные проявления человека («...дикость как пронатуралистическая форма сосуществования людей оказывается принципиально неустранимой из человеческого бытия») [с. 39], авторы

при объяснении экстремистских проявлений в обществе совершенно справедливо делают основной упор на идеологическую подоплеку. «Нам кажется, что главным при определении экстремистской деятельности является не простое перечисление разновидностей конкретных действий экстремистов, а четкое указание на ее идеологическую основу. Экстремистской является деятельность, обусловленная и мотивированная экстремистской идеологией» [с. 9]. В продолжение данной мысли утверждается: «Если говорить об экстремистской идеологии в современной России, то чаще всего она принимает религиозную, политическую или этническую окраску. Но за любыми идеологическими обличиями, за всеми формами проявления экстремизма в России мы должны обнаруживать его действительное, конкретное, социальное содержание...» [с. 70].

В монографии убедительно обосновывается следующая мысль, которая, на наш взгляд, характеризует экзистенциальную сущность современного человека: «В отличие от архаичной дикости, главная цель которой – непосредственное выживание любой ценой, дикость в условиях цивилизации ориентируется на изощренное и постоянное совершенствование форм и способов социально укорененного, иерархически организованного сосуществования» [с. 39]. Заметим, впрочем, что многие деструктивные проявления современной жизни: алкоголизм, наркомания, отклонения сексуального толка и др., которые наиболее часто попадают в зону религиозно-политического экстремизма, по сути своей также имеют биосоциальную природу и должны изучаться в соответствующем аспекте.

В исторической ретроспективе социально-политической мысли всегда существовало гуманное стремление к нравственному решению вопросов, касающихся соотношения человека и общества, человека и государства, власти и подчинения. Всегда была мечта о власти, носителем которой являлась высокодуховная личность или группа таких личностей – истинных и лучших народных представителей и защитников, которые управляли бы непосредственно, по совести и в соответствии со сложившимися законами, обычаями и устоями. Видимо, в этом и была глубинная подоплека развития российского (и не только) экстремизма, «который замешан на отношении к власти и идеологии» [с. 61].

Подмеченная многими исследователями тенденция усиления экстремизма в России в эпоху великих общественных перемен, реформ, преобразований подчеркивается в рецензируемой моно-

графии следующим образом: «Экстремизм сотрясал политическую, общественную и культурную жизнь России в последующем: после опричнины И. Грозного и в период Петровских реформ, и в ходе Столыпинских преобразований, и в эпоху большевистского передела, и в постперестроечное время» [с. 61]. Во все времена государственные структуры, правители и правительства менялись и сменяли друг друга, оставляя после себя памятники на площадях и перекрестках и жгучее желание потомков критиковать их по поводу и без повода. Этим «благодатным» желанием пользовались политики-авантюристы, использующие социальные, религиозные и другие идеи и лозунги в борьбе за достижение своих нелегитимных политических целей.

Размышляя над результатами целого ряда попыток реформировать общественную систему в России, мы должны констатировать, что российские реформы постсоветского периода приносили больше разочарования, чем удовлетворения. Чаще всего они заканчивались либо частичными достижениями, либо полной неудачей. Эти промахи, в свою очередь, являлись своеобразными катализаторами подъема экстремизма, которые наиболее интенсивно проявились в религиозной сфере. Вот что авторы пишут по этому поводу: «Российские реформы проводились бессистемно, по худшим образцам и за счет интересов большинства трудящегося населения страны. Они привели к резкому падению уровня жизни большинства населения России, критическому социальному расслоению, несправедливому, криминальному переделу собственности» [с. 68]; «В значительной степени в рождении современного экстремизма и терроризма в России виновна сама власть, которая оказалась неспособной эффективно противостоять не только терроризму, но и более “традиционным” уголовным преступлениям» [с. 69].

Наибольший интерес для читателя, на наш взгляд, представляет пятая глава «Религиозно-политический экстремизм в социологическом измерении». Здесь обозначенная мировоззренческая проблематика раскрыта несколько иначе, чем в других главах, т.е. гораздо глубже, исходя из исламского вероучения. Авторы основываются на фундаментальных положениях и ценностных аспектах исламского монотеистического вероучения. Развернуто анализируются конкретные положения, которые явились основанием для расхождения между ваххабитами и традиционалистами (такфир, джихад, таухид). Весьма интересна приведенная авторами мысль сопоставления и совпадения мнения христианских апологе-

тов и ваххабитов в отношении пророческой миссии Мухаммада [с. 172–173]. Имеется множество ссылок на работы дагестанских исследователей. Обработан и проанализирован большой эмпирический материал, в том числе социологического характера [с. 192–217].

Импонирует авторская позиция придерживаться традиционной схемы исторического изложения проблемы, изредка отклоняясь от строгого временного порядка, когда речь заходит об экстремистских проявлениях в различных общественных сферах (политических, религиозных, экономических), существовавших синхронно, но имевших влияние в разных временных интервалах. Проследивая эту связь, нельзя было не заметить, что авторы постоянно выявляют не только отношения определенных комплексов идей, существенных для активизации религиозно-политического экстремизма в современном мире, с идейными истоками, но и использование, когда и где эти идеи могут найти своих продолжателей и пропагандистов. Такого рода предвидение представлено по всему содержанию книги и наиболее пространно в шестой главе спектром прогностических рефлексий в различных видах религиозно-политической деятельности человеческого сообщества, которые дополняют друг друга. Думается, что это очень важный момент, можно было бы даже его усилить, особенно в тех абзацах, где подчеркивалось противоречивое единство религиозно-политического экстремизма современного периода, при всей представленной в человеческой памяти непохожести, скажем, с политическими и религиозными идеями предыдущих эпох.

В шестой главе монографии «Духовно-нравственные основы профилактики и преодоления религиозно-политического экстремизма» авторы четко указывают, какие органы и в каких направлениях должны в первую очередь заниматься профилактикой и борьбой с экстремизмом. Они приходят к выводу, который и мы приветствуем, что «в применении средств должна присутствовать разумная мера, как в насилии, так и в мирных способах... Исключительные репрессивные меры нужно применять лишь к дошедшим до психической патологии вождям экстремистских организаций» [с. 231].

В целом мы должны отметить, что данная работа, впрочем, как и другие работы М.Я. Яхьяева, имеет неоспоримые достоинства: глубину понимания осмысливаемой проблемы, предельную точность в передаче излагаемой мысли, высокую степень проникновения в суть обозначенной проблемы. Эти качества характери-

зуют творчество человека бурного общественного темперамента, который не просто зритель и свидетель смены культурных и социальных эпох, но и активный участник борьбы идей, чутко и остро реагирующий на сегодняшнюю российскую действительность.

Знакомство с коллективной монографией «Религиозно-политический экстремизм: сущность, причины, формы проявления, пути преодоления», под общ. ред. профессора М.Я. Яхьяева, дает все основания полагать, что она займет достойное место среди серьезных социально-философских исследований актуальных проблем современного общественного развития. В этой связи остается только удивляться, почему столь необходимое для ученых-исследователей, студентов, государственных и муниципальных служащих, политиков, религиозных деятелей и т.п. научное исследование издано столь малым тиражом – всего 500 экземпляров. Мы считаем, что не только ученые-обществоведы, но и широкие слои российской общественности должны иметь возможность ознакомиться с этой работой. Она вообще могла бы быть настольной книгой российских политических деятелей, всех тех, кто, так или иначе, соприкасается с теоретическими или практическими аспектами противодействия экстремизму и терроризму в современной России.

*«Исламоведение»,
Махачкала, 2016 г., № 2, с. 97–101.*

К. Шермухамедов,

соискатель Ташкентского исламского университета

ОСУЖДЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ФАНАТИЗМА В ИСЛАМЕ

На протяжении многих веков фанатизм был причиной появления острых конфликтов между религиями и их различными направлениями. Потерявшие разум и превратившиеся в фанатиков люди считают свои действия единственно верными и не гнушаются самыми неприемлемыми поступками. Фанатизм проявляется в уверенности правоты их идеологии, чрезмерном увлечении ею, непримиримым отношением к убеждениям и идеям, отличающимся от их взглядов. Это, по сути, и является опасным недугом, который способствует проявлению среди общества и представителей

различных конфессий таких негативных факторов, как враждебность и раскол на группы.

Любой вид фанатизма резко осуждается в исламских источниках. В частности, в суре «Маида» говорится: «О вы, которые уверовали! Не запрещайте блага, которые разрешил вам Аллах, и не преступайте. Поистине, Аллах не любит преступающих!»¹.

Пророк Мухаммад несколько раз упоминал в своих хадисах о верующих, чрезмерно ушедших в религию, отмечая, что большинство из них погибли, попав под гнев Аллаха. В хадисе, передающемся от Абу Хурайры, говорится: «*Поистине, религия эта легка, но, если кто-нибудь начинает углубляться в ней, она неизменно побеждает его*»².

Ислам – религия легкости, простоты и доступности. Она осуждает любой вид религиозного фанатизма, в особенности враждебное отношение одних людей к мнениям других. Это религия умеренности для души и тела, жизни настоящей и вечной, потому что Всевышний Аллах сделал ее легкой для уверовавших в него, о чем и сказал в Коране: «Аллах хочет для вас облегчения, а не хочет затруднения для вас»³.

Сообщается, что, отправляя Муаза ибн Джабала (своего сподвижника) в Йемен, Посланник Мухаммад дал ему следующее наставление: «*Облегчайте, а не создавайте затруднения, радуйте [людей] добрыми вестями, а не внушайте отвращение*»⁴.

Ислам – умеренная религия. Пророк Мухаммад утверждал, *лучшие дела, это быть на середине всего*. Значит, в каждом деле, даже в вопросах веры, нужно придерживаться принципов умеренности, что считается основой ислама. По этому поводу в Коране говорится: «И так Мы сделали вас общиной посредствующей, чтобы вы были свидетелями относительно людей и чтобы посланник был свидетелем относительно вас»⁵. В тафсирах (комментариях) Корана словосочетание «посредствующая община» (община, придерживающаяся середины) приведенного аята разъясняется как «лучшая из общин». Ибо держать середину в каждом деле

¹ Коран. Перевод Крачковского И.Ю. – Москва: «Маджесс», 1990. (5:87). – С. 66.

² Имам Бухари. Сахих ал-Бухари. Хадис № 39.

³ Коран. Перевод Крачковского И.Ю. – Москва: «Маджесс», 1990. (2:185). – С. 17.

⁴ Имам Муслим. Сахих ал-Муслим. Хадис № 3269.

⁵ Коран. Перевод Крачковского И.Ю. – Москва: «Маджесс», 1990. (2:143) – С. 14.

лучшее¹. Делая вывод из вышеприведенного аята, нужно отметить, что мусульманская община придерживается середины и является лучшей и самой справедливой из всех общин.

Рассуждая об умеренности в исламе известный ханафитский ученый Абу Джа`фар Тахави утверждает: «Ислам находится между чрезмерностью и недостаточностью, смятением, т.е. превышением предела границы, чрезмерным углублением и недостаточностью. Это наша религия и наши убеждения, и они проявляются как внутренне, так и внешне»². Из вышеуказанных аятов Корана и хадисов Пророка становится ясно, что ислам – религия умеренности, и гибнут те, которые углубляются в ней, а фанатизм в исламе противоречит его учениям.

Действительно, религия и история учат нас тому, что жизнь не имеет смысла, если ее постоянно сопровождает отчаяние (так как фанатики – люди отчаявшиеся, потерявшие смысл в жизни), ибо оно не вносит в жизнь человека ничего полезного. «Но ведь после трудностей непременно наступает облегчение, после ночи обязательно приходит утро, и, каким бы трудным ни было положение, оно не может оставаться таким всегда»³.

К сожалению, в настоящее время со стороны некоторых «проводников» наблюдается усложнение религии как для себя, так и для других. В частности, издаваемые фетвы, усложняющие жизнь мусульман, объявление разрешенного как неодобряемого или запрещенного, всё это порождает бремя для рядового верующего. Дело доходит до того, что некоторые мусульмане придерживаются радикальных взглядов в понимании отдельных вопросов ислама и религиозных наставлений, чем создают разногласия в следовании им. Они считают свои взгляды самыми верными и отвечающими канонам ислама, а также категоричны по отношению к людям с другим мировоззрением. Это способствует появлению раздора и вражды между людьми, представлению мелких проблем как религиозно глобальных, что в конечном итоге приводит

¹ Тафсир и перевод значений Корана / Автор перевода и тафсира Абдулазиз Мансур. – Ташкент: «Ташкентский исламский университет: Издательско-типографическая ассоциация», 2012. – С. 21.

² Абу Джа`фар ат-Тахави. Акыда ат-Тахавия. – Казан: Идел-Пресс, 2013. – С. 44–45.

³ Аид аль-Карни. Не грусти! Рецепты счастья и лекарство от грусти / Пер. с араб., дополнения Е.Сорокоумовой. – 2-е изд., стереотип. – Москва: Умма, 2012. – С. 133.

к обострению внутренних конфликтов, неустойчивости и расколу в мусульманском обществе.

В действительности, все это осуждается в религии, так как ислам призывает к единству и согласию верующих, предупреждая об излишестве в углублении в ней, ибо это губит человека. Об этом говорится в хадисе, *«погиб тот, кто углубился в религии, погиб тот, кто углубился в религии, погиб тот, кто углубился в религии»*¹, который еще раз подтверждает насколько осуждается в исламе фанатизм. Следовательно, табу к облегчениям в религии и отказ от них считаются неправильным пониманием ислама.

Согласно мнениям религиозных ученых, ислам соответствует каждой эпохе. Суть данной мысли заключается в том, что ислам всегда и во всех ситуациях поддерживал факторы, служащие облегчению жизни человека, науки и прогресса. Несмотря на это, встречаются группы, пытающиеся придать всей религии форму догматики, толковать указания ислама категорично и считать ее неизменной. Да, некоторые указания ислама не принимают никаких изменений по истечению времени, такие понятия как вера, ее методы и отдельные директивы, касающиеся теологии ислама. Однако ислам принимает изменения непротиворечащие ее основам (усулу-д-дин), а именно в социальных, экономических, бытовых, словом в вопросах юриспруденции (усулу-л-фикх). Люди же с застывшим разумом, толкующие религиозные вопросы дословно и отстраненно, пытающиеся внедрить в жизнь аяты Корана и хадисы Пророка в буквальном смысле слова, становятся религиозными фанатиками.

Ограничимся одним примером. На сегодняшней день со стороны экстремистских и террористических группировок и организаций понятие «джихад» толкуется и понимается в совершенно ином смысле, чем в учении ислама. По их мнению, дозволено самовольное изложение сути аятов Корана и хадисов Пророка, а также считается должным объявлять войну против тех, кто не согласен с их мнением и взглядами. Для оправдания своих насильственных, захватнических и диверсионных действий, как против иноверцев, так и мусульман, они выдвигают следующую идею: «на сегодняшней день совершение джихада считается религиозным обязательством (фарзу-л-`айн) для каждого мусульманина». На самом деле, смута, вражда, угроза миру, благополучию и процветанию обществ чужды идеям ислама.

¹ Имам Муслим. Сахих ал-Муслим. Хадис № 2670.

Формирование и становление понятия «джихад» в современном виде берет начало от идей Ибн Таймии (1263–1328). Поэтому что, в XX в. со стороны, так называемых, «джихадитских» и политических движений было обращено внимание к его идеям и взглядам, которые оказали глубокое влияние на их деятельность. Ибн Таймия оценил Мекканский период деятельности Пророка как «джихад науки и изложений», а Мединский период «сражение руками и железом». По его мнению, джихад считался самым обязательным предписанием в исламе, который важнее, чем паломничество в хадж и умру, а также молитва и соблюдения поста. Он выдвигал идею о ведении борьбы на пути призыва к исламу против всех. Таким образом, идеи, основанные на фанатизме Ибна Таймии, послужили основой для террористических действий, посеявших смуту и кровопролитие, совершенные в Центральной Аравии в середине XVIII в. под флагом «возвращение ислама в истинное положение, запечатленное на черных страницах истории».

Как было отмечено выше, сегодня представители фанатических группировок используют аяты Корана о «джихаде» в своем толковании для самооправдания. В целом же, во всех авторитетных источниках по тафсиру и теологии утверждается, что комментировать и брать решения из аятов Корана требует ответственности, так как, если каждый владеющий арабским языком будет извлекать решения из аятов Корана по своему пониманию – это, безусловно, приведет к заблуждению и смуте. Пророк Мухаммад предупреждал: *«Тот, кто будет толковать Коран по своему разумению (не имея необходимых знаний), пусть готовит себе место в аду»*¹.

В действительности, понятие «джихад» – (араб. «проявлять усердие», «использовать силу») подразумевает усердие человека для достижения определенной цели. В терминологическом смысле данное слово используется в нескольких значениях, как призыв на путь Аллаха, побуждение к одобряемому, и удержание от порицаемого, борьба со страстью ради Аллаха, служение родителям, отпор врагу. В качестве доказательства можно привести следующий хадис, повествующийся в книге «Сунан ат-Тирмизи»: *«Самый лучший джихад перед Всевышним – это борьба с самим собой»*². Также имеется повествование от Исмаила Бухари и Муслима ибн

¹ Имам Тирмизи. Сунан ат-Тирмизи. Хадис № 2951.

² Имам Тирмизи. Сунан ат-Тирмизи. Хадис № 1621.

Хаджаджа: *Однажды к Пророку Мухаммаду (да благословит его Аллах и приветствует) явился какой-то человек. Стремясь получить награду Аллаха, он желал поклясться ему в том, что переселится и будет сражаться на пути Аллаха. Однако Пророк не стал торопиться, и спросил его: «А жив ли кто-нибудь из твоих родителей?» Человек ответил: «Они оба живы». Посланник Аллаха сказал: «И ты хочешь получить награду Аллаха?» Этот человек сказал: «Да». Тогда Посланник Аллаха повелел ему: «Так вернись к своим родителям и обращай с ними хорошо!»¹. Исходя из этого, улемы делают выводы, что служение родителям также является джихадом.*

Историки ислама утверждают, что в истории мусульман джихад совершался только в целях обороны. В частности, известный сирийский ученый Рамазан Бути в своей книге «аль-Джихад фи-л-ислам» говорит следующее: «Первое исламское государство появилось после переселения Пророка из Мекки в Медину. Главой государства был сам Пророк. Здесь мы можем видеть, что джихады, совершенные мусульманами в те времена, были только оборонительного характера, либо из-за наступления врага, или же во время возникновения угрозы со стороны вражеских сил»².

Согласно учениям ислама, установление общения с не мусульманами осуществляется путем мира и согласия. Истинные причины внедрения джихада – это достижения «вечного мира». Раз так, то от каждого мусульманина требуется принятие мира в малейшем его проявлении, о чем говорится в Коране: «Если они склоняются к миру, то склонись и ты к нему и полагайся на Аллаха: ведь Он – слышащий, знающий!»³. По этому поводу известно и прославлено проявленное милосердие ради мира на перемирии Худайбия в истории ислама. Выражая согласие всем неуместным требованиям противников, Пророк Мухаммад учил всех мусульман стремиться к установлению мира и согласия.

Таким образом, мир и спокойствие, нашедшие свое отражение в источниках ислама, считаются бесценными дарами. В сотнях аятов Корана мусульман призывают быть смиренными, миролюбивыми, терпеливыми и толерантными по отношению к предста-

¹ Имам Бухари. Сахих ал-Бухари. Хадис № 2842.

² См: Рамазан Бути. Ал-Жихад фи-л-ислам: кайфа нафхамуху ва кайфа нумарисуху. – Дамашк: Дор ал-фикр, 1993. – Б. 19-27.

³ Коран. Перевод Крачковского И.Ю. – Москва: «Маджесс», 1990. (8:61). – С. 101.

вителям других религий: «О вы, которые уверовали! Входите все в покорность...»¹ Словосочетание «входите все в покорность» в данном аяте толкуется, как братья за мир и перемирие отрекаясь от войны.

О том же говорится и в хадисе, переданном от Ибн Аббаса: «Существует два из благодеяний, которых многие не ценят, это здоровье, мир и спокойствие»². Действительно, мир обеспечивается через прекращение войн и конфликтов, но, к сожалению, пока существуют силы, преследующие достижения своих целей путем противоречий и вражды, не прекратятся искусственно раздуваемые действия, направленные на создания конфликтных ситуаций. Примером этому могут послужить возникшие и продолжающиеся кровавые столкновения в некоторых арабских государствах, где в массовых беспорядках погибли сотни тысяч людей в Тунисе, Египте, Ливии и Сирии.

Совершенно очевидно, что ислам не является догмой, затвердевшей и не воспринимающей никаких изменений, а наоборот, ислам учитывает все потребности современного мира. Ибо, если не учитывать реальность во внедрении религиозных указаний, не придерживаться определенных границ, это может привести к большим ошибкам и стать причиной появления разногласий в обществе. Вот почему в решении новых проблем необходимо глубоко изучить реальность и действовать соответственно основам ислама, не искажая их истинный смысл.

*Статья написана специально для бюллетеня
«Россия и мусульманский мир».*

¹ Коран. Перевод Крачковского И.Ю. – М.: «Маджесс», 1990. (2:19). – С. 9.

² Имам Бухари. Сахих ал-Бухари. Хадис № 60–49.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2017 – 2 (296)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Компьютерная верстка
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 10/II-2017 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 9,5 Уч.-изд. л. 9,0
Тираж 250 экз. Заказ № 203

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9